

БЕНЕДИКТ ДЫБОВСКИЙ

Б. В. Дубовский.

УДК 930(47)(092) Дыбовский
930.25(47)(092) Дыбовский
ББК 28 г
Б 46

Бенедикт Дыбовский. — Новосибирск: Наука.
Сиб. издательская фирма РАН, 2000. — 296 с.
ISBN 5-02-031407-0

Сборник посвящен памяти байкаловеда Бенедикта Дыбовского — выдающегося польского ученого и общественного деятеля. Ее основу составляют обзоры деятельности Б. Дыбовского, переводы его ранее не доступных читателю работ, архивные материалы. Показан вклад в байкаловедение и в изучение Восточной Сибири других исследователей-поляков. Приведены новые сведения, полученные современными исследователями Байкала и Прибайкалья по беспозвоночным, птицам, гидрологии озера.

Книга предназначена для биологов, байкаловедов, природоведов, студентов, аспирантов, преподавателей биологических факультетов, всех интересующихся историей исследования Сибири.

*Утверждено в печать
Ученым советом
Научно-исследовательского института биологии
при Иркутском государственном университете*

ISBN 5-02-031407-0 © Научно-исследовательский
институт биологии при Иркутском
государственном университете, 2000

ПРЕДИСЛОВИЕ

Данный сборник, посвященный памяти Бенедикта Дыбовского — выдающегося польского ученого-биолога и врача, основоположника современного системного байкаловедения, подготовлен на основе материалов научно-общественной конференции “Чтения памяти байкаловеда Бенедикта Дыбовского”, проведенной в Иркутске в декабре 1993 г. по инициативе Иркутского отделения общества “Россия — Польша” и Иркутского государственного университета, а также при участии Комитета по культуре администрации Иркутской области, Государственного архива Иркутской области, Иркутского научного центра СО РАН.

В основу сборника легли обзоры деятельности Б. Дыбовского, а также новые сведения, полученные исследователями Байкала и Прибайкалья, продолжающими дело, начатое великим ученым. Существенный раздел данного издания представляют архивные материалы, переводы работ Б. Дыбовского, ранее не доступные читателю.

При этом мы не могли обойти вниманием вклад в байкаловедение и изучение Восточной Сибири ряда других исследователей-поляков, роль которых в современных публикациях освещается чрезвычайно скучно. История науки в Сибири все еще остается полной неизвестных имён и открытий.

Надеемся, что этот сборник станет первым шагом в дальнейшем системном освоении, увековечении и современном развитии в самых разнообразных формах результатов деятельности ученых, отдавших жизнь на познание нашего края.

О.М. Кожова
Б.С. Шостакович

I

БЕНЕДИКТ
ДЫБОВСКИЙ
и
СОВРЕМЕННОЕ
БАЙКАЛОВЕДЕНИЕ

БЕНЕДИКТ ДЫБОВСКИЙ – УЧЕНЫЙ, ПАТРИОТ, ГУМАНИСТ

О.М. Кожова, Б.С. Шостакович

На фризе Иркутского краеведческого музея (первоначально это здание было сооружено для музея Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества – ВСОРГО) более 100 лет назад были высечены имена замечательных путешественников-исследователей, внесших большой вклад в научную и общественную жизнь Восточной Сибири. Но при этом до сей поры осталась неувековеченной память о многих ученых, оставивших незаурядный след в сибирской науке, по праву составляющих ее славу и гордость. Одним из замечательных представителей этой плеяды по праву можно считать Бенедикта Дыбовского, ученого, равно принадлежащего польской и российской науке, фундаментальные исследования которого, среди прочего, положили начало современному системному байкаловедению.

Бенедикт Дыбовский (1833–1930) – выдающийся ученый-биолог и врач, а также замечательный гуманист-общественник, создатель ценнейшего сибирского цикла мемуарно-исторических работ. Выходец из небогатой польской шляхетской семьи, уроженец Минской губернии, он еще в свои детские годы обнаружил большие склонности к занятиям естествоиспытательского характера. По окончании минской гимназии Б. Дыбовский поступил на медицинский факультет Дерптского (Дерпт – тогдашнее название эстонского города Тарту) университета, где преподавание велось на немецком языке. Затем он продолжил обучение в университетах Бреслау (Вроцлава) и Берлина, где в 1860 г. защитил

диссертацию (о явлении партеногенеза у пчел и шмелей, а также о их искусственном оплодотворении) на звание доктора медицинских наук и хирургии.

Занятия в Берлине также оказали решающее воздействие на формирование мировоззрения молодого натуралиста. Именно там он впервые познакомился с тогда только еще появившимся сочинением Чарльза Дарвина о происхождении видов¹ и сделался навсегда преданным приверженцем и пропагандистом этой новой научной концепции в естествознании. Еще через 2 года на основании нового исследования Б. Дыбовского (рыб Эстонии семейства карповых) состоялась нострификация (признание) его диплома в Российской империи, а вслед за этим с осени 1862 г. он стал адъюнкт-профессором зоологии в Варшавской Главной Школе (так в ту пору именовался воссозданный в Варшаве университет). Там он, по собственному его признанию, стал “первым в польском отечестве, объясняющим факты эволюционной теории и показывающим значительность, которую вносила данная теория в мир человеческой мысли”. Кафедру в Главной Школе Дыбовский рассматривал не просто как место своей педагогической службы, но и как пост, обязывавший его в период подъема национально-освободительного движения в Польше поднимать народный дух и, в частности, утверждать прогрессивные идеи, как естественно-научные, так и общественные.

Не следует забывать, что во времена, когда Дыбовский начинал свою научную деятельность, теория Дарвина была еще гипотезой со всем очарованием и опасностями, свойственными ее младенческому возрасту. К тому же, заложенные в ней идеи, сокрушавшие тради-

¹“Происхождение видов путем естественного отбора или сохранение благоприятствующих пород в борьбе за жизнь” (“The origin of species by means of natural selection, or preservation of favoured races in the struggle for life”) вышла в свет в Лондоне в 1859 г.

В 1864 г. “Происхождение видов...” впервые появилось в России на русском языке в переводе С.А. Рачинского.

ционные устои десятков поколений исследователей и базирующиеся на том, что в живой природе все изначально неизменно, вызывали упорное сопротивление в мире многочисленных апологетов старых воззрений. Принятие ученым принципов дарвинизма определило дальнейшие его исследовательские интересы в сфере зоогеографии. С этой целью он даже планировал совершить вместе с группой польских коллег научную экспедицию в малоисследованные районы Африки.

Однако действительность перечеркнула эти замыслы, забросив Дыбовского в не менее экзотичную и также слабоизученную Восточную Сибирь. К этому привели его искренние патриотические убеждения, выразившиеся в непосредственном, слишком сотрудничестве с подпольным Национальным Комитетом (взявшим на себя функции Временного Национального правительства), организовавшим в Польше вооруженное Январское восстание 1863–1864 гг. За арестом ученого в начале 1864 г., тюрьмой и следствием в Варшаве и даже первоначально угрожавшей ему смертной казнью, последовал приговор к отбыванию 12 лет на печально известной Нерчинской каторге. В партии ссыльных польских повстанцев он совершил пешее путешествие в Забайкалье, где весной 1865 г. началась его каторжная работа в дер. Сиваковой (Сивяковой) под Читой и затем в Чите и Дарасуне.

Следовало обладать воистину недюжинными силой духа, твердостью характера и преданностью делу науки, чтобы еще на пути в сибирскую ссылку, а затем в краткие промежутки между принудительными каторжными повинностями начать исследования местной орнитофауны и млекопитающих. Б. Дыбовский указал на несостоительность ранее существовавших научных представлений по этим проблемам и, творчески развивая теорию Дарвина, выдвинул свою концепцию об отличии восточносибирской фауны как от западносибирской, так, тем более, и от европейской – в силу изменений естественной среды в каждой из этих частей Евразийского материка. Однако в положении ссыльного, при отсутст-

вии всех необходимых для этого материалов и литературы, провести в одиночку в полном объеме всю надлежащую обширную работу по камеральной обработке собранного им богатого материала (по орнитофауне) в соответствующем аспекте было невозможно. Главный партнер Дыбовского в Польше в указанной области исследований, на чью помощь он надеялся, известный варшавский орнитолог Владыслав Тачановский, придерживался традиционной концепции Линнея и не довел до завершения эту работу.

К концу 1868 г. Б. Дыбовский уже снискдал себе признание местных властей как врач (здесь также следует принять во внимание его незыблемый принцип оказания бесплатной помощи всем в ней нуждавшимся). В результате ему было позволено вместе с его товарищами – Виктором Годлевским и Владыславом Ксенжопольским – досрочно получить статус поселенцев и обосноваться в селении Култук на юго-восточном берегу Байкала.

С указанного времени по 1877 г. наблюдался наиболее творческий период в жизни Б. Дыбовского. Он развенчал мнение тогдашних научных авторитетов о будто бы бедном животном мире Байкала, совершив ряд замечательных научных открытий: было обнаружено и описано множество видов, живущих только в этом озере, т.е. эндемичных, особенно гаммарид и рыб, впервые охарактеризованы живородные свойства глубоководной рыбы голомянки. Классическими исследованиями фауны озера Байкал Б. Дыбовский снискдал себе мировую славу. Одновременно он совместно с В. Годлевским описал природные условия озера – глубины, температуру, колебания уровня воды и т.п., положив тем самым начало системному его изучению как объекту лимнологии. Многие научные начинания Б. Дыбовского на Байкале носили пионерский характер. Так, в 1876 г. была измерена первая и единственная на протяжении почти полу века (до 1925 г.) серия температур воды до глубины 1320 м. Также по его инициативе впервые проведен химический анализ воды.

Первоначальные научные изыскания Б. Дыбовский с помогавшими ему товарищами осуществляли на собственные скучные средства, подчас в самых невероятных условиях (к примеру, передвигаясь пешком по льду Байкала в суровые сибирские морозы, он совместно с В. Годлевским еще и впрягался в сани, нагруженные приборами). Лишь немного позднее работы ученого начали завоевывать признание и получили организационно-финансовую поддержку от ВСОРГО. Его труды по зоогеографии были отмечены золотой медалью Географического общества, а результаты научных исследований регулярно публиковались в периодических изданиях этого общества.

Помимо изучения Байкала и прилегающей к нему зоны Б. Дыбовский также плодотворно исследовал фауну Дальнего Востока — бассейна р. Амур и берегов Японского моря. Получив в 1876 г. разрешение вернуться на родину, он лишь ненадолго оставил полюбившийся ему край. В 1878 г. ученый уже совершенно добровольно отправился на Камчатку в должности уездного врача и работал там еще в течение 4 лет, сочетая врачебную практику с научными естествоиспытательскими исследованиями (хотя и меньшего, чем на Байкале, масштаба) и общественной деятельностью по улучшению быта коренного населения отдаленного полуострова.

В 1884 г. Б. Дыбовский был приглашен возглавить в качестве профессора кафедру зоологии Львовского университета, и окончательно покинул Сибирь, куда ему уже не суждено было возвратиться до конца жизни. Он умер во Львове в возрасте 97 лет. В указанный 50-летний период этот удивительный человек наряду с преподавательской и научной работой отдавал много сил и энергии пропаганде и утверждению выдвинутых им благородных и гуманных принципов, на которых основывалась его своеобразная программа морально-этического преобразования человека и общества. Но и в эту пору Б. Дыбовский не забывал о Сибири, вел переписку с русскими, позднее советскими, учеными, обменивался с ними научной информацией, в особенности по лю-

бимой им и всегда волновавшей его воображение теме — изучению Байкала.

Наследие, оставленное ученым, обширно и весьма ценно. Им опубликовано около 350 трудов, которые широко прославили его как представителя передовой научной мысли. Вклад, внесенный Б. Дыбовским в мировую науку, весьма значителен и затрагивает многие ее области: систематику и морфологию, зоогеографию и сравнительную анатомию, лимнологию и экологию, антропологию и философию. Природоведческие труды Дыбовского, касающиеся Сибири, сохранили значимость и сегодня, заслуживающие современного осмысления и использования.

Особо следует сказать о Б. Дыбовском как о мемуаристе, публикаторе источников и авторе тематико-биографических очерков по истории польской политической ссылки в Сибири. Сложилось так, что весь цикл его работ в данной области, непосредственно затрагивающих Восточно-Сибирский регион (и г. Иркутск в том числе), за малым исключением, остается не переведенным на русский язык и абсолютно неизвестным отечественному, в том числе и сибирскому читателю. Специалистам-историкам и их коллегам по другим научным направлениям еще предстоит потрудиться, чтобы восполнить эту значительную лакуну.

Это вступительное слово о Бенедикте Дыбовском — замечательном человеке и ученом, безусловно, ни в коей мере не исчерпывает его жизни, богатой событиями и важными достижениями. Мы здесь всего лишь напоминаем о самом существенном, что связывается с именем Б. Дыбовского. Сказанное тем более представляется важным, что в нашем крае память об ученом отошла в явно незаслуженную тень в сравнении с более отмеченными вниманием его соратниками по польскому освободительному восстанию, как и он, поплатившимися сибирской ссылкой, а впоследствии ставшими его близкими друзьями и коллегами по научной деятельности, видными исследователями Сибири — геологами Александром Чекановским и Яном Черским. В извест-

ной мере восстановлению очевидной исторической справедливости призван послужить и данный научный сборник. По своему характеру он должен стать естественным продолжением вышедших в свое время в Иркутске и получивших положительные оценки научной общественности и критики изданий сборников “И.Д. Черский” (1956 г.) и “А.Л. Чекановский” (1962 г.).

К сожалению, в отношении увековечивания памяти Б. Дыбовского сделано пока еще чрезвычайно мало. И в нашем регионе, и в самом Иркутске, с которыми был многообразно связан сибирский период биографии Б. Дыбовского, о нем мало что известно. Совсем недавно в результате настойчивых ходатайств и организационных усилий иркутской научной общественности и актива местного Польского культурно-просветительного общества “Огниво” по решению мэрии г. Иркутска в октябре 1997 г. в присутствии Чрезвычайного и Полномочного Посла Республики Польша в Российской Федерации была открыта памятная доска в честь Б. Дыбовского – на новой улице, которой было присвоено его имя.

И, безусловно, заслуги выдающегося байкаловеда бесспорны для внесения его имени в одну из пустующих ниш на фризе Иркутского краеведческого музея. Столь долго оставляемые незаполненными, они являются немой укор всем нам, зримое свидетельство ничем не оправдываемых равнодушия и неблагодарности, дальнейшее сохранение которых в моральном аспекте становится уже непростительным. Исполнение общественного долга памяти и благодарности сибиряков-иркутян перед замечательным ученым и гражданином-гуманистом Бенедиктом Дыбовским положит начало (глубоко закономерное иозвучное позитивной стороне сложного и противоречивого процесса перемен в нашем обществе), за которым, нужно надеяться, последуют и другие акты воздаяния памяти достойнейшим из плeяды его коллег по научному изучению Восточной Сибири в прошлые века.

БЕНЕДИКТ ДЫБОВСКИЙ – ОСНОВАТЕЛЬ ЛИМНОЛОГИИ. ЕГО ВКЛАД В ИЗУЧЕНИЕ БАЙКАЛЬСКОЙ ФАУНЫ

К.К.Вотинцев, Г.Ф.Мазепова

Более 130 лет отделяет нас от того времени, когда Б. Дыбовский в последние дни декабря 1868 г. с двумя товарищами по ссылке приехал в пос. Култук у южной оконечности Байкала. Идея изучения озера принадлежала генерал-губернатору Восточной Сибири, сам же Б. Дыбовский хотел продолжать начатое им ранее исследование рыб Забайкалья и Дальнего Востока.

Естественными науками и географией Б. Дыбовский увлекся еще в гимназии. Он знал об экспедициях Литке и Миддендорфа, сам мечтал о путешествиях и готовился к ним – физически закалял себя, читал труды Ломоносова, Коперника и Ньютона. Во время учебы в Дерптском университете особое внимание уделял гидрологии и зоологии. Важную роль в его судьбе сыграло Дерптское общество натуралистов, где каждую субботу делались обзоры русских и зарубежных работ по естествознанию. Академик Бэр направил его интерес на изучение рыб. Студенческие исследования Б. Дыбовского по рыбам Лифляндии были удостоены Золотой медали Дерптского общества натуралистов.

Продолжая учебу в университете Бреслау, он изучал ракообразных и рыб Германии и Адриатики; в Германии работал в библиотеках, посещал лекции видных географов, физиков и зоологов. В те же годы Б. Дыбовский познакомился с трудом Чарльза Дарвина “Происхождение видов”, воспринял его эволюционную теорию и в дальнейшем стал ее ревностным защитником и распространителем. Готовясь ко вторичной защите доктор-

ской диссертации (нострификации), для подтверждения диплома в России по карловым рыбам Прибалтики, учёный работал в богатейших музеях Стокгольма и Петербурга.

К исследованию Байкала Б. Дыбовский подошел очень серьезно: изучил всю имевшуюся в Иркутске литературу, через Восточно-Сибирский отдел Русского географического общества получил необходимое оборудование и приборы.

Зимний Байкал представился приезжим “полным дивного обаяния”, и в то же время это было, по словам Б. Дыбовского, “что-то таинственное, внушавшее необъяснимый страх” [Дыбовский, 1901]. Первые же ловы животных подо льдом, для чего Б. Дыбовский совместно с В. Годлевским за зиму выдолбили 200 прорубей, убедили в богатстве и разнообразии водной фауны. В Иркутске и в Петербурге Б. Дыбовскому пророчили неудачу, поскольку тогда многие верили академику Г. Радде, который, выясняя состояние рыболовства, исследовал озеро 10 мес, но так и не смог обнаружить среди его населения ничего особенного, кроме “чрезвычайной бедности”. Б. Дыбовский уже в первую зиму пребывания на Байкале опроверг это мнение; оказалось беспочвенным и представление о безжизненности больших глубин озера. По его данным, “дно Байкала кишит жизнью не только у берега, но, чем глубже, тем она разнообразнее” [Дыбовский, 1869].

Столкнувшись при предварительном знакомстве с литературой со слабой изученностью многих природных явлений на Байкале, исходя из собственного убеждения о тесной взаимосвязи всех компонентов географической среды, Б. Дыбовский наряду с фауной всесторонне исследовал морфологию и рельеф дна, донные отложения, а также температурный, ледовый и световой режимы и динамику вод. С помощью В. Ксенжопольского он организовал на специально построенной станции метеорологические наблюдения и регистрацию изменений уровня озера.

Такое комплексное изучение водоема проводилось впервые, раньше знаменитых исследований Ф. Фореля на Женевском озере, считающихся началом лимнологии¹. Таким образом, колыбелью этой науки является вовсе не Швейцария, а Россия, центр глухой таежной Сибири – Байкал. Результаты первых лимнологических исследований Дыбовского и Годлевского, как уже не раз бывало, прошли незамеченными для мировой научной общественности, тогда как данные Ф. Фореля привлекли всеобщее внимание. Работы на Байкале опередили идеи, выдвинутые школой Ф. Фореля и доложенные на Географическом конгрессе в Лондоне в 1885 г. Таким образом, в действительности Бенедикт Дыбовский является пионером лимнологической науки и одновременно – основателем байкаловедения.

К изучению фауны Байкала Б. Дыбовский также подходил как лимнолог. Предположение о богатстве озера низшими животными он обосновал априори, исходя из многочисленности в озере рыб, нуждающихся в обильном корме. Особый интерес в связи с фауной Байкала у него вызывали большие глубины, которые ранее считались безжизненными.

Впоследствии Б. Дыбовский применял лимнологический подход к классификации других озер в Польше, Белоруссии и на Украине – по их форме, глубине, прозрачности, химическим особенностям и животному миру.

Развитие лимнологии в дальнейшем также связано с Байкалом. Начиная с 30-х гг. нашего столетия на базе

¹Франсуа Альфонс Форель (1841–1912) – швейцарский естествоиспытатель, профессор Лозаннского университета, исследователь Женевского озера, впервые изучил озерные сейши, автор первого учебника по лимнологии [Handbuch der Seekunde. Allgemeine Limnologi. – Stuttgart, 1901], переведенного с немецкого в 1912 г.

Ф.Форель [Лепнева, 1963] состоял членом-корреспондентом Русского географического общества и по просьбе общества в 1887 г. составил Инструкцию для исследования озер, вышедшую на русском языке в переводе Ю.М. Шокальского двумя изданиями (прим. О.М. Кожовой).

Байкальской лимнологической станции АН СССР (с 1961 г. — Лимнологического института СО АН СССР) в пос. Листвянка, а также на биостанции НИИ биологии при Иркутском государственном университете в пос. Большие Коты (в этих местах работал и Б. Дыбовский) большими коллективами ученых, возглавляемых Г.Ю. Вещагиным и М.М. Кожовым, стали проводиться исследования всего сложного комплекса явлений в озере, включая и его экосистему, в их диалектическом единстве и взаимодействии. В сезонном и многолетнем аспектах изучались общие закономерности динамики основных биологических компонентов экосистемы (фито-, зоо-, бактериопланктона и рыб) и факторов абиотической среды (от морфометрии котловины озера, влияния притоков и перемещений водных масс до температурного и химического режимов), которые в совокупности обуславливают круговорот вещества и энергии в водоемах и определяют уровень их биологической продуктивности и качество вод. Эти процессы, общие для всех озер, в Байкале в связи с его гигантскими размерами и экстремальными глубинами имеют свои особенности, что сближает Байкал с морскими водоемами, и в течение длительного времени обеспечивают эволюцию уникальной жизни.

Б. Дыбовский вместе с В. Годлевским работали на Байкале в зимние месяцы 1868 и 1869 гг. и в 1875 г., кроме того они изучали также его окрестности, прибайкальские озера и оз. Хубсугул (Косогол). В промежутках и в летнее время путешествовали по Амуру и Уссурийскому краю (1869, 1874 гг.), по Предбайкалю (1868, 1871 гг.), Забайкалю (1872–1873 гг.), где собирали коллекции рыб, птиц, других позвоночных животных, насекомых, а в 1874–1875 гг. обследовали русское побережье Японского моря.

На Байкале Б. Дыбовский и В. Годлевский изучали не только район Култука, но и всю южную часть озера, включая исток Ангары. От Култука до Листвянки они сделали 200 станций — это много даже по современным меркам. Были добыты собственноручно изго-

товленными драгами и сетями, а также на приманку многие виды рыб, ракообразных и плоских червей. Байкальские и амурские рыбы и ракообразные обрабатывались и описывались самим Б. Дыбовским в Иркутске. Из 191 описанной им формы байкальских гаммарид 96 таксонов действительны до сих пор, из эндемиков-рыб — 6. В сводке по гаммаридам А.Я. Базикаловой 1945 г. виды, описанные Б. Дыбовским, составляли третью часть. Голомянка и ее пелагический образ жизни были уже известны науке, но Б. Дыбовскому первому удалось обнаружить, что эта рыбка живородяща; он также правильно отнес голомянку к бычкам.

В 1871 г. Б. Дыбовский закончил подготовку материалов к работе по гаммаридам озера Байкал [Dybowski, 1874]. Моллюсков и губок обрабатывал в г. Дерпте (Тарту) его брат Владислав, пиявок и турбеллярий — Е. Грубе в г. Бреслау (Вроцлав). Часть материалов была отослана в Варшавский музей. Однако многие группы животных — олигохеты, низшие ракообразные и насекомые — не обработаны до сих пор, они хранятся в музее Львовского университета, где в последние годы жизни преподавал Б. Дыбовский.

К сожалению, многие из собранных в первый приезд на Байкал образцов фауны, пробы грунта и все орудия лова, доставленные в Иркутск — в зоологический кабинет и в музей Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества для использования будущими исследователями, как и другие бесценные материалы экспедиций по Сибири и Дальнему Востоку, погибли во время городского пожара в 1879 г. Сгорели также цветные рисунки байкальских рыб, выполненные в Култуке с живых экземпляров Станиславом Вронским.

Исследования фауны Байкала в широком сравнении с результатами обработки собственных зоологических сборов в р. Ангаре, в оз. Хубсугул в Монголии, в водоемах Прибайкалья, Забайкалья, Дальнего Востока и Камчатки, а также с литературными данными, привели Б. Дыбовского к выводу о ее уникальном характере.

Исследователь установил, что богатство фауны Байкала, которое ему и удалось впервые обнаружить, заключается, в первую очередь, в ее большом видовом разнообразии, а также в том, что эти виды нигде в Сибири и на Дальнем Востоке не водятся. Он также первым пришел к мысли, что эти новые эндемичные виды возникли в самом Байкале. Сравнивая между собой байкальские виды гаммарид, Б. Дыбовский высказал предположение, что они произошли из небольшого числа родонаучальных форм. Он писал, что изучение фауны Байкала не только представляет интерес для систематической зоологии, обогащая ее новыми видами, но и дает возможность подтвердить фактами новые взгляды на животный мир по теории перерождения видов – это и составляет самое интересное при изучении фауны Байкала [Дыбовский, 1869].

Многочисленные работы Б. Дыбовского по фауне Байкала, которые печатались в России и за рубежом, вскоре обратили на себя внимание зоологов. В стенах Петербургской АН его открытия вызвали ожесточенные споры между теми, кто отстаивал постоянство видов (Брандт, Радде), и сторонниками эволюционной теории Дарвина (Миддендорф, Штраух, Поляков).

Б. Дыбовскому первому принадлежит также идея о существовании в озере двух самостоятельных групп фауны, т.е. представление о явлении, получившем название “несмешиваемости”. Ученый заметил, что эндемичная фауна ограничена пределами самого озера и подчеркнул, что не только реки, впадающие в Байкал, но даже сор (Посольский) и прорвы имеют отличную от Байкала фауну [Дыбовский, 1901]. По его мнению, не было причин считать невозможным заселение рек байкальскими видами, а между тем, ни в одной из них он не нашел ни ракообразных, ни червей, которые обитают (в Байкале) вблизи их устья. Только в одной реке, вытекающей из озера, в Ангаре, Б. Дыбовский собрал 42 вида гаммарид, среди которых были и байкальские. Он указал, что такие отрицательные факты, собранные за счет кочевых способностей байкальских ракообразных

и моллюсков, ставят Ангару на особое место: она дает доказательства, что не стремительное течение является причиной отсутствия озерных форм в реках, а другие, еще не объяснимые, причины ставят преграды распространению животных по рекам системы Байкала [Отчет..., 1876]. Позже он считал, что это – разница в температуре воды в сорах, реках и в Байкале. Для проверки он сдержал байкальских животных в аквариумах при различной температуре, хотел провести искусственное заселение прибайкальских озер видами байкальской фауны.

Резкое своеобразие байкальской фауны логически ставило вопрос о ее происхождении. В то время господствовала гипотеза Гумбольта-Пешеля о том, что Байкал когда-то был фиордом Северного Ледовитого океана. Вначале и Б. Дыбовский разделял это мнение; о морском прошлом фауны Байкала действительно как будто бы говорило обитание в нем нерпы, губок, необычных гаммарид морского облика. С целью выяснения этого вопроса была тщательно исследована фауна оз. Хубсугул (Косогол), рек Забайкалья и Дальнего Востока, Амура и оз. Ханка; он искал байкальские виды на Камчатке, в Японском море, но безуспешно. Появившиеся к тому времени сведения геологов также не подтверждали присутствие моря в этом регионе позже палеозоя. В итоге Б. Дыбовский признал, что исходные корни байкальской фауны могли проникнуть в озеро в отдаленном прошлом как из морских, так и из пресных водоемов.

Итак, Б. Дыбовский выявил все основные характерные черты фауны Байкала: видовое богатство, высокая эндемичность, автохтонное видообразование, обособленность, наличие глубоководной жизни.

Все эти моменты получили свое дальнейшее развитие в трудах видных байкаловедов – Л.С. Берга, Г.Ю. Верещагина, М.М. Кожова и многих других ученых. Продолжаются они и в настоящее время. С тех пор описаны сотни новых эндемичных видов, выявлены новые систематические группы животных. Исследуются их зоogeографические связи, происхождение и эволюция в Байкале.

На сегодняшний день число таксонов видового ранга в фауне Байкала приближается к 2 тыс., и каждый год оно увеличивается. Б. Дыбовский был прав, что для исследования “неисчерпаемо богатой” фауны Байкала необходим труд многих поколений. Он завещал всем нам и тем, кто идет следом, раскрыть тайны Байкала. Б. Дыбовский сделал для Байкала очень много, больше, чем может сделать один человек. Его имя навсегда вписано в историю исследований Байкала, в байкаловедение.

Б. Дыбовского как исследователя отличали страстная увлеченность, пытливый ум натуралиста. Можно только удивляться его огромной энергии и широте научного кругозора, охватившего самые разнообразные явления живой и неживой природы огромных неисследованных пространств Сибири и Дальнего Востока.

Перечисленные качества сочетались с высоким личным мужеством этого человека, сумевшего во имя науки преодолеть личные лишения и тяготы ссылки и достичь выдающихся результатов, которые были в 1870 г. отмечены золотой медалью Русского географического общества.

Путь на каторгу Б. Дыбовский воспринял как путешествие по России, во время которого он встретил удивительные места. В конце жизненного пути он писал, что фауна Байкала стала для него драгоценным воспоминанием бытности в Сибири.

В воспоминаниях современницы, жительницы Хабаровска, Б. Дыбовский был красивым, спокойным, доброжелательным философом, оставляющим впечатление, что все в жизни — пустяки и тлен, кроме идеи, руководящей человеком.

Б. Дыбовский был очень скромен: будучи уже знаменитым ученым, он отказался от титула “Байкальский”, который ему предлагали. Однако имя Б. Дыбовского и Байкал навсегда рядом. Его фамилия присутствует в названиях многочисленных описанных им таксонов животных. Немало байкальских видов бычков, гаммарид, моллюсков, червей, водяных осликов и ракушко-

вых раков названо в честь Б. Дыбовского, а также его друга и соратника В. Годлевского другими исследователями. Это — *Comephorus dybowskii* и *Cottus godlewskii*, *Limnoccottus godlewskii* и *Abyssocottus godlewskii* (бычки); *Micruropus dybowskii*, *Pallasea dybowskii*, *Ceratogammarus dybowskii* (гаммариды); род *Benedictia*, подроды *Dybowskiola* и *Godlewskia*; виды *Baicalia dybowskiana* и *B. godlewskii* (моллюски); плоский червь *Hyperbulbina dybowskii*; малощетинковый червь *Lycodrilus dybowskii*; водяной ослик *Asellus dybowskii*; ракушковые раки *Candonia dybowskii* и *C. godlewskii*.

Сибирь и Байкал интересовали Б. Дыбовского до конца его дней: он не прерывал связи с Восточно-Сибирским отделом Русского географического общества, переписывался с Иркутским университетом и лично с директором Байкальской лимнологической станции Г.Ю. Верещагиным, высыпал ему свои работы, посвященные Байкалу.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Винкевич Г.А. Выдающийся географ и путешественник. — Минск: Наука и техника, 1965. — 105 с.

Дыбовский Б.И. Предварительный отчет о фаунистических исследованиях на Байкале // Отчет о действиях СОРГО за 1869 г. — СПб, 1870. — С. 167–200.

Дыбовский Б.И. Автобиография // Пятидесятилетие ВСОРГО. — Киев, 1901. — Вып. 1.

Путь познания Байкала. — Новосибирск: Наука. Сиб. издание, 1987. — 301 с.

Dybowsky B. Beitrage zur naherer Kenntniss der im Baikal-See vorkommenden niederen Krebse aus der Gruppe der Gammariden // Horae Soc. Ent. Ros. — SPb., 1874. — 187 p.

ГИДРОЛОГИЯ БАЙКАЛА ОТ БЕНЕДИКТА ДЫБОВСКОГО ДО НАШИХ ДНЕЙ

В.И. Верболов

Вынужденно попав на берега Байкала, Б. Дыбовский увидел удивительный географический объект не только с уникальной фауной, но и с такой же средой ее обитания — холодными водами, неизвестными глубинами. Ему была очевидна необходимость количественных характеристик вод — распределения по глубинам, объема водных масс, их состава, температурного и химического режимов, динамики вод и других показателей. И хотя возможности его были очень ограничены, он сразу же попытался провести простейшие наблюдения за колебаниями уровня и температурой воды, даже измерить глубины вблизи южной оконечности озера. В этом решающую роль сыграла моральная и финансовая поддержка Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества. Ему пришлось не только самому выполнять все исследовательские работы, но и создавать специальные устройства для остановки глубоководной лебедки при достижении грузом дна, измерения температуры в водной толще и другие приспособления для отбора проб воды и биологических объектов.

Естественным желанием естествоиспытателя было комплексное описание нового географического объекта. Оно базировалось на интуитивном представлении ученых-естественников о взаимосвязанности и взаимообусловленности природных процессов, характерном для стихийных материалистов того времени.

Основными особенностями котловины Байкала являются ее расчлененность подводными поднятиями на крупные части, преобладание глубоководных участков — пелагиали, крутые подводные береговые склоны, узкие прибрежные мелководные участки шельфа, малые площади заливов и небольшое их число. Все это стало известно только в конце XIX — начале XX в., после работ гидрографической экспедиции под руководством Ф.К. Дриженко. Экспедиция выполнила детальную съемку прибрежной части озера, составила первую геодезически обоснованную полную карту прибрежной мелководной части озера и сделала небольшое количество промеров глубин в его открытой части. Однако в глубоководной части Байкала было очень мало измерений. Только после обширных батиметрических работ Г.Ю. Верещагина 20-х годов XX в. обнаружилось существование обширного поднятия между его средней и северной частями — Академического хребта, выявлена максимальная глубина озера — 1740 м, были установлены объем водных масс — 23 тыс. км³ и площадь — 31,5 тыс. км².

Для Г.Ю. Верещагина был характерен комплексный подход к изучению Байкала. Эта концепция являлась продолжением и развитием идей Б. Дыбовского. Она поддерживалась Байкальской комиссией Академии наук России и АН СССР, сохранялась в работах Байкальской экспедиции и Байкальской лимнологической станции АН СССР (с 1961 г. — Лимнологического института СО АН СССР).

Заметим, что максимальная глубина озера неоднократно уточнялась и не всегда обоснованно. Так, в середине 50-х годов нашего столетия в периодической печати появилась цифра 1920 м — результат некритического отношения к данным эхолота. В 60-е годы усилиями Б.Ф. Лута и А.А. Рагозина было обосновано ее значение в 1620 м, длительное время сохранявшееся. В последние годы в русской и зарубежной печати промелькнула цифра в 1720 м — так же результат некритического отношения к методике измерения. Большие гидрографические

фические работы были выполнены на Байкале в 1970–1980 гг. и теперь составлена новая карта озера в масштабе 1 : 200 000, на которой максимальная глубина оценина в 1642 м. Вероятно, и эта цифра будет уточнена.

Развитие масштабов научных исследований привело к дифференциации и единого поля естествознания на ряд областей и направлений со своими специализированными идеологией и методами. При этом зачастую терялось видение объекта в целом.

Водный баланс Байкала впервые составил Г.Ю. Верещагин в 30-е годы. Но только через 25 лет появились надежные данные, позволившие А.Н. Афанасьеву [1976] детально обосновать количественные характеристики элементов водного баланса озера, выявить цикличность в колебаниях притока в озеро (2–3, 10–12, 22, 80–100 лет) и их связь с солнечной активностью, что позволило дать прогноз таких колебаний на длительную перспективу.

Решающий вклад в создание длинного ряда колебаний притока в озеро внесли наблюдения за уровнем Байкала, проведенные Б. Дыбовским и В. Годлевским в 1868–1871 гг. Сейчас известно, что половина притока в озеро формируется в его котловине (на 1/3 в северной части), и около 20 % его создает местный влагооборот. В работах Б. Дыбовского так же отчетливо прослеживается комплексный физико-географический подход при изучении формирования элементов водного баланса Байкала, но уже с определенной тенденцией дифференциации разделов наук.

Температурный и гидрохимический режимы Байкала, имеющие решающее значение для биома озера, впервые описаны Г.Ю. Верещагиным, как и структура его водных масс. Позже эти вопросы детально были рассмотрены в работах Л.Л. Россолимо [1957] и К.К. Вотинцева [1961] и др. Тепловой баланс и его элементы подробно изложены в монографиях В.И. Верболова, В.М. Сокольникова, М.Н. Шимараева [1965], М.Н. Шимараева [1977] и др.

Впервые вертикальная структура водного тела Байкала рассмотрена Г.Ю. Верещагиным в 1936 г. Водные массы температурной стратификацией расчленены на эпилимнион – верхний перемешанный слой, термоклин и гиполимнион – глубинные воды [Верболов и др., 1965], они формируются своеобразным режимом притока и стока рек [Верболов, Шимараев, 1972], климатическими условиями, тепловым балансом [Верболов, Шимараев, 1972; Формирование..., 1986] и динамикой вод.

Длительное время господствовало представление о том, что заметные движения существуют только вблизи поверхности озера – еще в 1926 г. В.Б. Шостакович писал, что Байкал – это как бы чаша со ртутью, покрытая пленкой воды¹. По косвенным признакам процессы водо-массообмена в Байкале обсуждали еще Г.Ю. Верещагин, Л.Л. Россолимо, М.М. Кожевников, но целенаправленное изучение их механизмов началось только с 1952 г., когда В.А. Толмачев организовал группы гидрологов и гидрофизиков во главе с В.М. Сокольниковым в составе Байкальской лимнологической станции АН СССР. Важность этих вопросов для рассмотрения лимнологических проблем требует подробного изложения, что мы и сделаем ниже.

МАСШТАБЫ ИЗМЕНЧИВОСТИ ИЗМЕРЕННЫХ СКОРОСТЕЙ ТЕЧЕНИЙ

В.И. Верболов, В.Н. Федоров, Е.А. Цветова и др. [Течения..., 1977], а также автор монографии “Течения и диффузии вод Байкала” [1970] показали, что распределения мгновенных значений проекций вектора скорости на меридиан и параллель на разных горизонтах внутри водного тела озера близки к нормальным, соответствующим случайным колебаниям около среднего значения. Зимой подо льдом течения имеют скорость

¹Эта образная характеристика соответствует тому, что наиболее активными являются верхние слои озера (О.М. Кожева).

не более 9–10 см/с, тогда как в безледный (навигационный) период она почти на порядок больше. Как правило, максимальные значения в навигационный период обнаруживаются вблизи водной поверхности, а затем они убывают с удалением от нее. У подледных течений наибольший модуль скорости наблюдался за пределами подледного слоя трения (толщиной 15–20 м).

В конце лета и осенью максимальные измеренные модули скорости (см/с) в слое от 10 до 900 м удовлетворительно описываются выражением

$$U_{\max} = (92 - 38,18 \cdot \lg h)$$

для прибрежной области пелагиали, где h – горизонт измерения, м. Для открытой части пелагиали значения коэффициентов (см/с) такого выражения несколько меняются:

$$U_{\max} = (108 - 35,7 \cdot \lg h),$$

т.е. скорости течений, особенно в верхних слоях, здесь выше. Для оценки скорости течений в придонной области, составляющей примерно 0,1 от глубины озера, эти выражения неприменимы.

По наблюдениям с использованием поплавков, на поверхности воды на расстоянии 1,5–2 км от берега скорость течения максимальна.

ТЕЧЕНИЯ ПОД ЛЕДЯНЫМ ПОКРОВОМ

Первые измерения течений со льда, выполненные В.И. Верболовым в 1954 г., показали, что они существуют и возникают при прохождении над озером атмосферных фронтов [Исследования..., 1960; Течения..., 1970]. Длительные наблюдения во время работы ледовых обсерваторий, организованных В.М. Сокольниковым в 1954–1959 гг., показали, что подледные течения нерегулярны и нестационарны, имеют малые скорости (обычно 3–5 см/с и не более 9–10). Обобщение всех имеющихся на тот момент измерений подледных течений, дополненное косвенными данными о распростране-

нии озокерита и дрейфе льда в весенний и предледоставный периоды, а также распределения отдельных видов донных животных позволили В.М. Сокольникову построить первую схему “постоянных” течений в Байкале.

Характерная особенность подледных течений – наибольшая изменчивость их модулей и направлений в верхних (1–175 м) слоях воды в пелагиали озера. На больших глубинах течения заметно устойчивее в прибрежной зоне пелагиали и над подводным береговым склоном. В пелагиали открытого озера, чаще всего в глубинных слоях, скорости бывают ниже порога чувствительности приборов (2 см/с) [Течения..., 1977; Айнбунд, 1988], но общий характер переноса при осреднении направлений соответствует циклонической циркуляции. Периоды существования заметных скоростей течений в верхних слоях делятся 5–7 сут, а затем сменяются их “затишьем” до порога чувствительности вертушек приблизительно на такой же промежуток времени. На горизонтах ниже 300 м скорости меньше, чем в верхних слоях. Отмечено, что слой воды около мезотермического максимума (150–250 м) движется быстрее выше- и нижележащих слоев. Впервые обнаружен эффект интенсификации течений в придонном слое глубокого озера [Исследования..., 1960].

Проведенные позднее [Айнбунд, 1988] многочисленные измерения вертушками БПВ в целом подтвердили ранее сделанные выводы, но на горизонте 50 м намеченная В.М. Сокольниковым двухзвенная система течений не подтвердилась. М.М. Айнбунд установил, что течения на горизонтах 10–15 м у северного берега Южного Байкала более устойчивы на участке от бух. Песчаной до зал. Лиственичного, а далее на запад их скорости слабеют, и направления неупорядоченно меняются. У противоположного, южного, берега течения в этих слоях относительно устойчивы от г. Байкальск (неподалеку от южной оконечности озера) до участка около пос. Танхой (напротив истока р. Ангары). К востоку они слабеют и становятся неустойчивыми по направлению.

ТЕЧЕНИЯ В НАВИГАЦИОННЫЙ ПЕРИОД

На прибрежном щельфе в обширных мелководьях против дельты Селенги, в Малом Море, в Баргузинском и Чивыркуйском заливах течения очень сильно зависят от местных условий — направления и интенсивности волнения, особенностей ветра, гидрологического режима впадающих в озеро рек. По В.А. Фиалкову [Течения..., 1977], особенно заметны реверсивные течения в зонах обрушения волн и прибоя, где скорости велики, а режим определяется волнением и ветром. За пределами этих зон и на внешней границе щельфа (где начинается подводный береговой склон) скорости заметно меньше и не превышают десятков сантиметров в секунду. Но уже на глубине 10 м под поверхностью воды влияние волнения почти не оказывается, и характеристики течения определяются влиянием течений в пелагии и только частично ветром в месте проведения измерений. Вблизи крупных рек (Селенга, Баргузин, Верхняя Ангара) обнаруживаются струи речных вод в озере, обычно не более 0,3–0,5 км от берега, но во время паводков на Селенге длина такой струи прослежена до 3 км. Эти струи хорошо прослеживаются и подо льдом.

Грубая оценка роли горизонтальных градиентов атмосферного давления может быть получена из отношения между модулями скорости течений в подледных условиях и в навигационный период: если в первом случае максимальные скорости не превышают 9–10 см/с, то во втором — 60–70 см/с. Иначе говоря, энергия дрейфовых течений примерно в 6–7 раз больше энергии течений, возбуждаемых градиентами атмосферного давления.

Представление о статистических характеристиках течений на краю щельфа в навигационный период приведены в монографиях В.И. Верболова, В.Н. Федорова, Е.А. Цветовой и др. [Течения..., 1977] и “Течения и диффузия вод Байкала” [1970]. Из них следует, что течения имеют выраженный сезонный ход. Для прибрежной пелагической зоны шириной 3–8 км характерны малые

значения средних за декаду и месяц модулей вектора скорости на всех горизонтах наблюдений при больших дисперсиях. При повышении скорости ветра направления течений стабилизируются и средние за 12–48 ч модули скорости резко возрастают, особенно в слое 10–300 м. Зачастую они в 10 и более раз выше, чем в маловетреный период.

Представление о временной структуре течений дают автокорреляционные функции и спектры [Течения..., 1977; Формирование..., 1986]. Типичный спектр выглядит как наклонная “гребенка”, начинающаяся наиболее интенсивным максимумом на частоте синоптических колебаний с периодом 2–5 сут, за которым следуют максимумы на частотах инерционных (период около 15 ч), приливных (12 ч) и сейшевых (278, 140, 93, 70 мин) колебаний. В интервале от инерционных колебаний до наиболее высоких частот обычно выполняется уменьшение интенсивности колебаний по закону $-5/3$, что соответствует представлению о каскадной передаче турбулентной энергии. Иногда в спектрах наблюдается и закон -3 . Особую роль играют инерционные колебания, которые всегда присутствуют в полученных спектрах. Автокорреляционные функции характеризуются формой квазикосинусоиды с длительным периодом затухания, осложненной наложенными на нее короткопериодными колебаниями. Оптимальными интервалами осреднения для обсуждения режима течений оказались средние за 3 и 24 ч. Анализ измерений показал, что ветровые течения нерегулярны и нестационарны.

Важная особенность байкальских течений состоит в том, что средние за длительный период направления течений в верхних слоях в разные годы оказались близкими друг к другу [Формирование..., 1986]. Как показали расчеты взаимокорреляционных функций, высокие значения $R(v, L)$ вдольбереговой компоненты сохраняются на расстояниях в десятки километров. Это позволило интерполировать значения измеренных скоростей и направлений, построить схему [Формирование..., 1986] средних течений в слое 15–50 м по результатам всех

измерений, выполненных в разные сезоны и годы. Преблаждание в синоптических колебаниях течений периодов в 2–4 сут позволило считать осреднение в 7–10 сут достаточно представительным. Эта схема оказалась близкой к результатам расчетов циркуляции байкальских вод по температуре воды в верхних слоях озера динамическим методом [Верболов и др., 1965; Формирование..., 1986]. Наблюдения за химическим составом вод в истоке р. Ангары показало, что разбавленные селенгинские воды приходят туда примерно через 2 мес [Глазунов, 1963].

ТЕЧЕНИЯ И ВОДООБМЕН В ЗАЛИВАХ БАЙКАЛА

Первые измерения течений в проливе Малое Море были проведены в середине 1950-х годов и показали существование сложной картины движения его вод. Так, в северной части четко проявлялась циклоническая циркуляция, вероятно, связанная с движениями вод в прилегающих районах открытого Байкала, тогда как в средней и южной его частях они практически не сказывались. Течения здесь формируются местными ветрами и сгонно-нагонными колебаниями уровня в Байкале. Особенно четко сказывались сейшевые и денивелационные колебания уровня на течения в проливе Ольхонские Ворота, где в среднем господствовал перенос в Байкал.

Значительно более детальные исследования течений проводились в конце 1960-х – начале 1970-х годов экспедициями ГГИ и Иркутского управления Гидрометеослужбы. На обширном материале были сделаны практически те же выводы [Айнбунд, 1988], но более надежные.

Результаты наблюдений за течениями в Чивыркуйском заливе показали, что в безледный период он активно обменивается водами с прилегающими участками Байкала и летом через устье залива за 5–10 сут протекает количество воды, равное объему вод всего залива. Осенью такое же количество воды перетекает здесь быстрее, а зимой – медленнее.

Весьма детально исследованы заливы (соры) в дельте Селенги [Течения..., 1977; Айнбунд, 1988]. Все они отделены от Байкала песчаными грядами и косами, соединяются с ним довольно узкими и мелкими протоками. Режим течений в таких протоках определяется режимом стока в р. Селенге и кратковременными колебаниями уровня озера.

Инструментальных измерений в обширных Баргузинском и Лиственичном заливах сделано мало и они не могут полностью характеризовать поля течений [Айнбунд, 1988]. Пока можно говорить, что в них существуют локальные циркуляции, охватывающие всю акваторию. Чаще всего это циклонические циркуляции. Тип циркуляции и режим течений определяются как режимом ветра в них и на прилегающей части озера, так и режимом притока из р. Баргузин для одноименного залива или режимом стока в Ангару для Лиственичного залива.

ОСОБЕННОСТИ ДИНАМИКИ ВОД В БЛИЗИ ПОДВОДНОГО БЕРЕГОВОГО СКЛОНА

Судя по проведенным около подошвы подводного берегового склона наблюдениям за течениями [Течения..., 1977], нормальная к берегу составляющая распределается по глубине таким образом, что в верхней части вертикали L она часто направлена в одну сторону, а в нижней – в другую. При этом колебания скорости оказываются довольно тесно связанными. Это свидетельствует о том, что за счет бокового трения вдоль берегового потока, стока части вод верхнего слоя при перекосе уровня к берегу и соответствующих вертикальных перемещений термоклина формируется вертикальная циркуляция. Из расчетов [Формирование..., 1986] следует, что такая циркуляция зависит от коэффициента горизонтального турбулентного обмена $K(L)$, область опускания вод у берега при циклоническом течении со скоростью V составляет $1/4$ ширины зоны трения ($1-2$ км), а $3/4$ – область подъема ($3-6$ км). Вертикальная

средняя скорость в зоне опускания близка к $0,07 \cdot V$. При антициклонической циркуляции размеры областей сохраняются, но у берега происходит подъем глубинных вод, а вдали от него — опускание.

Очень четко проявляется влияние расслоенности вод на течение вблизи берегов. Так, в слое 20–300 м хорошо коррелированы модули скорости и хуже направления, но при росте t для того и другого показателя значения $R(Z_1, Z_2, t)$ возрастают, хотя t может быть существенно разным. Глубинные слои слабо коррелируют по обоим показателям с верхними, но хорошо — между собой. Придонные слои (горизонт 1330 м) оказываются хорошо скоррелированными с движениями поверхностных слоев у берега. В ряде случаев коэффициенты корреляции таковы, что позволяют проводить расчеты течений в придонных слоях достаточно надежно. Заметим, что намечается тенденция связи между колебаниями скорости течений в придонном слое и уровня воды — наибольшие скорости в придонном слое (до 92 см/с на горизонте 1330 м) отмечены при подъеме уровня во время нагона, но это происходит не всегда. Зачастую коэффициенты корреляции оказываются отрицательными. Это свидетельствует о том, что движения создаются градиентами давления, создающимися при перестройке эпилимниона вблизи берега, а временной сдвиг t указывает на то, что на такую перестройку требуется определенное время.

ТЕЧЕНИЯ В ПРИДОННЫХ СЛОЯХ ВОДЫ

Эффект усиления течений в придонном слое, обнаруженный В.М. Сокольниковым зимой, подтвердился на обширном материале наблюдений в навигационный период [Течения..., 1977]. Обычно он четко проявлялся в прибрежной части пелагиали озера вблизи подошвы подводного берегового склона или крупного подводного поднятия. В наблюдениях над глубоководной равниной за пределами указанной зоны он тоже встречается, но реже.

Скорость в придонном слое имеет выраженный сезонный ход: зимой подо льдом I_{max} не превышала 5–7 см/с, во время летнего маловодья (июль — начало августа) — 4–8 см/с, а осенью (октябрь—ноябрь) — значения возрастали более чем на порядок и приближались к характерным для горизонтов 50–200 м.

Максимальные скорости в придонном слое обычно в 2–3 раза выше, чем в 200–400 м над дном, а средние за 2–3 сут модули вектора скорости соответственно в 2–5 раз больше. С удалением от подошвы подводного берегового склона скорости в придонном слое уменьшались, а горизонт с высокими скоростями "прижался" ко дну. Но в осенне время отмечены случаи, когда высокие скорости в придонном слое наблюдались на середине разреза в Южном Байкале.

Высота придонного слоя, по имеющимся данным, может быть около 0,1–0,15 глубины озера H . Направления течений в придонном слое близки к направлениям перемещения вышележащих слоев. Но в отдельных случаях расхождение в направлениях может быть значительным.

Причины повышения скорости в придонном слое связаны с влиянием крутопадающего берегового склона и интенсивностью горизонтального турбулентного обмена. Но здесь может проявляться и трансформация потока при набегании на подводное поднятие, как это происходит с ветром над холмами.

ГОРИЗОНТАЛЬНЫЙ ВОДООБМЕН МЕЖДУ ЧАСТИМИ КОТЛОВИНЫ

Расчет водных балансов отдельных частей озера [Верболов, Шимараев, 1972] позволяет оценить водообмен проточностью при рассредоточенном притоке и сосредоточенном стоке в р. Ангару. За счет этого из северной части в среднюю поступает за год в среднем 13,8 км³, из средней в южную — 37,5 км³. В многоводные и маловодные годы эти цифры заметно меняются [Формирование..., 1986].

За счет перемещения вод во время сгонно-нагонных колебаний уровня из средней части в северную, по среднемноголетним данным, поступает около 20 км^3 при нагонах и 10 км^3 при сгонах. По окончанию каждого цикла эти объемы вод возвращаются обратно. В южную часть озера при нагонах затекает 10 км^3 и вытекает при сгонах 20 км^3 [Течения..., 1977].

Судя по результатам экспериментов на физической модели ГГИ, водообмен между средней и южной частями озера дрейфовыми потоками составляет около 90 км^3 . Обобщая натурные наблюдения за течениями и учитывая повторяемость основных ветров над Байкалом, М.М. Айнбунд [1988] считает перенос с севера на юг через Селенгинское поднятие близким к $64 \text{ км}^3/\text{год}$, а с юга на север — $96 \text{ км}^3/\text{год}$.

ГОРИЗОНТАЛЬНЫЙ ВОДООБМЕН ВНУТРИ КРУПНЫХ ЧАСТЕЙ ОЗЕРА

На основании оценок скоростей течений в верхних слоях озера в среднем за сезон можно считать, что за безледный период в прибрежной зоне пелагиали климатический перенос в южной и средней частях озера перемещает частицы, по крайней мере, один раз в год вдоль всей береговой линии, включая пересечения над подводными поднятиями. В северной части траектория переноса примерно на $1/5$ часть меньше, т.е. полного обтекания береговой линии не происходит. В центральных областях всех частей озера циркуляции имеют малые скорости. Это создает условия для задержки поступивших в них веществ.

ВОДООБМЕН С ВНЕШНЕЙ СРЕДОЙ ИЛИ ТЕМПЫ ВОДООБНОВЛЕНИЯ

Отношение приходной или расходной части водного баланса к объему водной массы служит показателем водообмена озера с внешней средой и используется

ся для расчета периода водообновления, который впервые был оценен Г.Ю. Верещагиным [1947] ≈ 400 лет. Расчет водного баланса для отдельных частей котловины [Верболов, Шимараев, 1972; Формирование..., 1986] позволил уточнить эту величину и установить, что самое медленное замещение вод озера атмосферными осадками и речным стоком происходит в Северном Байкале (508 лет), а самое быстрое — в Южном (90 лет). Для Среднего Байкала этот показатель имеет промежуточное значение (245 лет).

ВЕДУЩИЕ ПРОЦЕССЫ ВОДООБМЕНА И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ФОРМИРОВАНИЕ ВОДНЫХ МАСС

Имеющиеся материалы показывают, что течения существуют в озере практически во всей толще и на протяжении всего года, но интенсивность их различна. При этом они имеют сложную временную и пространственную структуру: скорости течений испытывают колебания с климатическими периодами (внутригодовыми и межгодовыми), основная зона энергоснабжения находится на синоптические частоты, а дополнительная — на область частот инерционных колебаний. Это позволяет сделать вывод о том, что основным источником энергии течений является энергия, передаваемая водному телу атмосферой за счет трения ветра и градиентов атмосферного давления.

Большое влияние на вертикальный профиль модуля среднего вектора скорости оказывает температурная стратификация. Мощность слоя, охваченного дрейфовыми течениями в безледный период, видимо, ограничивается верхними $300\text{--}400$ м. Вероятно, энергия от водной поверхности в глубину распространяется не мгновенно, турбулизация среды происходит последовательно сверху вниз и течения успевают развиваться только в верхних слоях водной толщи.

Значительную часть теплого периода в глубинных слоях открытой пелагиали скорости течений малы, зачастую меньше $2 \text{ см}/\text{с}$. Поздней осенью они заметно

возрастают, но глубже 400–500 м остаются по-прежнему малыми, вплоть до придонного слоя.

Вдольбереговой перенос охватывает практически все озеро. Внутри его существуют локальные циркуляции достаточно крупных размеров как в южной, так и в северной частях озера. Вблизи подводного берегового склона скорости существенно выше, чем в удалении от него, на протяжении всего года.

Развитие вычислительных методов и ЭВМ позволило решать очень громоздкие задачи и создавать математические модели описания природных объектов. Наиболее развитая математическая модель течений, температуры и диффузии в Байкале разработана Е.А. Цветовой [Течения..., 1977; Цветова, 1987]. Результаты расчетов оказываются довольно близкими к результатам наблюдений.

Имеющиеся данные свидетельствуют об отсутствии в озере постоянных течений и подразумевают формирование в Байкале крупномасштабных адвективных переносов как результирующей короткопериодных движений вод типа синоптических циркуляций. Замкнутые траектории адвективного переноса, проявляющиеся при осреднении за сезон или безледный период, формируются под влиянием постоянно действующих факторов – рельефа котловины озера и чередующихся полей ветра, сменяющих друг друга с синоптическим периодом (характерным для данного сезона), температурной (плотностной) структуры водных масс озера. Преобладание северо-западного переноса в атмосфере и формирует господство циклонического переноса в озере для года в целом и для сезонов в частности.

Наличие циклонических и антициклонических крупномасштабных синоптических циркуляций создает условия для соответствующих вертикальных движений над подводными береговыми склонами. Господство циклонических циркуляций приводит к тому, что опускание вод преобладает, и при этом происходит занос приповерхностных вод в глубинные и придонные слои. Усиление скоростей течений весной и в осенний период

вместе с мощной термоконвекцией приводит к усилению такой “вентиляции”. Скорости вертикальных циркуляций меняются от десятых и сотых долей до 1 см/с в среднем для суток, тогда как для сезона они составляли 0,01–0,001 см/с [Течения..., 1977]. Имеющиеся данные о режиме кислорода в глубинных слоях [Исследования..., 1960] подтверждают высказанное положение. Заметим, что такие вертикальные циркуляции могут образовываться не только у берегов, но и между границами крупных горизонтальных мезоциркуляций.

При горизонтальных циклонических системах поперечная составляющая направлена к берегу, а турбулентный перенос – от берега в озеро. Это приводит к тому, что при равной или большей интенсивности поперечной составляющей течения к берегу, турбулентный перенос в озеро не происходит, и вблизи берега может формироваться полоса вод с повышенным количеством тепла, растворенных и взвешенных веществ [Шимареев, 1977], вносимых реками. Наоборот, при антициклонических циркуляциях адвективный и диффузионный переносы в верхних слоях направлены от берега, при этом концентрации веществ в прибрежной зоне должны быстро уменьшаться. Чередование циркуляций должно способствовать чередованию периодов накопления речных вод в прибрежной зоне и их быстрого транспорта в открытую пелагиаль озера. А так как повторяемость циклонических и антициклонических циркуляций, по имеющимся данным [Течения..., 1970], равняется 2:1, то в таком же соотношении могут быть периоды накопления и разноса вещества прибрежной зоны, поэтому могут существовать пульсации ее размера.

Наряду с этими механизмами на режим вод в весенний и предзимний периоды ощущимое влияние оказывает явление термобара [Shimaraev et al., 1993], создающее усиление течений вблизи него и ограничивающее вынос прибрежных вод в озеро во время его существования. В настоящее время формируется новый взгляд на взаимодействие поверхностных и глубинных вод.

Можно полагать, что циркуляционные и макротурбулентные механизмы в глубоком озере в средних широтах вполне достаточны для того, чтобы вся водная масса даже самого глубокого озера испытывала влияние процессов, формирующих качество вод в его времени. Для Байкала этот масштаб может быть оценен в 10–20 лет [Верболов, Шимараев, 1972; Формирование..., 1986]. По новым материалам наблюдений за распределением некоторых газов [Weis et al., 1991], масштаб водообновления глубинных вод оценен в 8–16 лет, что не противоречит вышеприведенной оценке.

Вертикальные и горизонтальные особенности в распределении скоростей течений и зависимость коэффициентов турбулентного горизонтального обмена от средней скорости позволяют предполагать, что в удаленных от береговых склонов частях озера пространственные неоднородности в распределении вещества и энергии будут сохраняться дольше, чем в присклоновых, поверхностных и придонных областях пелагиали. Это приводит к формированию в глубинной части пелагиали своеобразного инертного ядра. Косвенным подтверждением могут служить данные В.Н. Сойфера и других о пространственном распределении трития в водах северной [Формирование..., 1986] и некоторых химических показателей в южной оконечности озера. Накопление материалов детальных наблюдений за распределением химических веществ и физических показателей дадут оценки времени "жизни" таких неоднородностей.

Комплексный физико-географический подход к изучению природного объекта – Байкала, характерный для начального периода исследований, позднее сменился более дифференцированным углубленным изучением его отдельных сторон специальными разделами современной науки. Но в последние годы наметилась новая тенденция – поиск методов интегрирования собранной информации в виде неких обобщенных представлений о природном объекте как целостной природной системе. Именно это и было характерно для взглядов Б. Дыбовского и его последователей. Такой системный подход

особенно необходим при разработке экологических проблем. Он получает все большее признание, но на пути его реализации встречаются большие трудности методического и методологического характера. Нет сомнения в том, что это – магистральный путь науки и трудности будут преодолены.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алексеев Д.П. Изучение и методы расчета крупномасштабной турбулентности в глубоком водоеме. – Л.: Гидрометеоиздат, 1989. – 128 с.

Айнбунд М.М. Течения и водообмен в Байкале – Л.: Гидрометеоиздат, 1988. – 140 с.

Афанасьев А.Н. Водные ресурсы и водный баланс бассейна озера Байкал. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1976. – 238 с.

Верболов В.И., Сокольников В.М., Шимараев М.Н. Гидрометеорологический режим и тепловой баланс озера Байкал. – М.; Л.: Наука: Ленингр. отд-ние, 1965. – 374 с.

Верболов В.И., Шимараев М.Н. О водообмене в озере Байкал // Докл. Ин-та географии Сибири и Дальнего Востока. – Иркутск, 1972. – Вып. 36. – С. 41–47.

Верещагин Г.Ю. Байкал: Научно-популярный очерк. – Иркутск: ОГИЗ, 1947. – 168 с.

Вотинцев К.К. Гидрохимия озера Байкал // Тр. Байкал. лимнол. ст. АН СССР. – 1961. – Т. 20. – 331 с.

Гидрофизика и гидрология водоемов. – Новосибирск: ВО Наука. Сиб. отд-ние, 1992. – 142 с.

Глазунов И.В. Гидрохимический режим и химический сток Ангары // Тр. ЛИНа СО АН СССР. – 1963. – Т. 3 (23). – С. 57–94.

Исследования гидрологического режима Байкала. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. – 290 с.

Россолимо Л.Л. Температурный режим озера Байкал // Тр. Байкал. лимнол. ст. АН СССР. – 1957. – Т. 16. – 552 с.

Течения в Байкале // В.И. Верболов, В.Н. Федоров, Е.А. Цветова и др. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1977. – 160 с.

Течения и диффузия вод Байкала. – Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1970. – 214 с.

Толмачев В.А. Некоторые гидрохимические показатели внутреннего водообмена в Байкале // Докл. АН СССР. 1957. – Т. 113. – № 3.

Формирование и динамика байкальских вод. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1986. – 186 с.

Шерстянкин П.П. Оптические структуры и фронты океанического типа на Байкале: Автореф. дис... д-ра физ-мат. наук. – М., 1993. – 45 с.

Шимараев М.Н. Элементы теплового режима озера Байкал. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1977. – 149 с.

Цветова Е.А. Математическое обеспечение мониторинга озера Байкал // Математическое моделирование динамических процессов в океане. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1987. – С. 112–127.

Weis R.F., Carmack E.C., Kogopalov V.M. Deep-water renewal and biological production in Lake Baikal // Nature. – 1991. – N 349. – P. 665–669.

Shimaraev M.N., Granin N.G., Zhdanov A.A. Deep ventilation of Lake Baical water due to spring thermal bars // Limnology and Oceanography. – 1993. – № 38 (5). – P. 1068–1072.

РАСПРОСТРАНЕНИЕ БАЙКАЛЬСКИХ ЭНДЕМИЧНЫХ ДОННЫХ БЕСПЗВОНОЧНЫХ ВНЕ БАЙКАЛА

О.М. Кожова, Э.А. Ербаева

Уникальная фауна Байкала вызывала большой интерес у исследователей с давних времен, а результаты ее изучения опубликованы многими авторами в разное время. Среди исследователей Байкала особо необходимо выделить Бенедикта Дыбовского. О его роли в изучении Байкала писал М.М. Кожев в книге “Животный мир озера Байкал” [1947]: “В шестидесятых годах (XIX в. О.К.) на Байкале начинает свои замечательные исследования Бенедикт Дыбовский, положивший фундамент знаний об озере Байкал и его фауне” (с. 6). “Исследования Дыбовского разрушили легенду о бедности Байкала низшими животными. Наоборот, было установлено изумительное обилие в Байкале гаммарид, моллюсков, червей и других групп животных, причем впервые с полной ясностью выявлено глубокое своеобразие байкальской фауны и резкие различия между нею и фауной окружающих Байкал водоемов” (с. 7). Обратив внимание на черезвычайно характерное для Байкала явление – обитание двух генетически и экологически различных комплекса фауны, Б. Дыбовский характеризовал их как фауну, населяющую “береговую область”, и коренную байкальскую, населяющую “глубоководную область”, под которой Б. Дыбовский подразумевал собственно Байкал, “населенный древней фауной, не имеющей ничего общего с современной фауной Палеарктики”.

Существование в Байкале двух самостоятельных фаунистических комплексов и отличие байкальской

фауны от общесибирской в дальнейшем получило название “несмешиваемости”, причины которой исследовали позднее разные ученые. Принципиально важный вывод по эндемизму байкальской фауны Б. Дыбовский смог сделать благодаря хорошему знанию населения других водных систем, которыми он занимался, будучи еще в Европе, а затем в Сибири и Забайкалье. Так, он получил первые данные о фауне беспозвоночных оз. Хубсугул, указал, в частности, на наличие в нем *Gammarus lacustris* (= *G. pulex*) [цит. по: В.К. Совинский, 1915], хотя и не нашел в нем байкальских эндемиков [Кожев, 1962]. Вместе с тем вслед за П.С. Палласом и Г. Герстфельдтом Б. Дыбовский, а затем и другие исследователи нашли представителей эндемичной байкальской фауны в Ангаре и в некоторых других водных системах Сибири.

Обнаружение байкальской фауны вне Байкала связано с решением проблемы ее “несмешиваемости” с фауной других пресноводных водоемов, чему после Б. Дыбовского уделяли внимание Г.Ю. Верещагин, В.Ч. Дорогостайский, Л.С. Берг, М.М. Кожев. Работы этих ученых имели непосредственное отношение к теории эволюции вообще и биogeографии в частности, т.е. к развитию эволюционного учения Ч. Дарвина. Это констатирует в кратком сообщении Т.Д.А. Cockerell, посетивший Байкальскую биологическую станцию еще в 1927 г. и охарактеризовавший результаты работ байкаловедов, в том числе из Иркутского государственного университета — В.Ч. Дорогостайского, В.Н. Яснитского, М.М. Кожева, И.А. Рубцова и др. Так, Т.Д.А. Cockerell пишет: “Профессор Дорогостайский, я думаю, верит, что каким бы ни было происхождение озера, его фауна в неблагоприятный период сократилась до нескольких видов, а когда условия стали благоприятными, эти виды при отсутствии конкуренции дали много новых видов. Этот случай параллелен таковому на Гавайских островах, которые были населены небольшим количеством типов насекомых и моллюсков, принесенных из-за моря. Эти группы на островах возросли до большого количества видов так, что при небольшом количестве родов видов

очень много. На континентальных ареалах потенциальная видообразовательная способность родов не может быть реализована, так как большинство форм выпадает в результате борьбы за существование. Есть причина предполагать, что предложенная параллель — не вымысел, и, таким образом, биота Байкала приобретает новый интерес. Этот феномен увеличения числа видов, возможно, связан с мутациями или изменением числа хромосом. Представляет большой интерес изучить хромосомы амфипод, планарий и других и посмотреть, существует ли феномен полиплоидии” [Cockerell, 1927, с. 552. Перевод с англ. Л.Р. Изместьевой].

Кроме многогранных исследовательских заслуг Б. Дыбовского нужно отметить еще одну замечательную особенность его деятельности — распространение знаний о Байкале не только путем публикации научных данных, но и чтения лекций. Так, С.Г. Лепнева — крупнейший русский зоолог — писала: “Зимой 1912 г.* произошло личное знакомство Г.Ю. [Верещагина] с замечательным исследователем Байкала, профессором Бенедиктом Ивановичем Дыбовским, приезжавшим из Львова в Варшаву для чтения лекций о Байкале. Не на этих ли увлекательных лекциях ученого-изгнанника возникло в живом воображении молодого Верещагина величественное озеро и зародилось стремление разрешить загадку Байкала?” [Лепнева, 1963, с. 40]. Напомним, что Г.Ю. Верещагин — основатель Лимнологической станции Академии Наук (ныне Лимнологический институт СО РАН) — впервые посетил Байкал по поручению Постоянной Комиссии по изучению озер России — Комиссии по изучению озера Байкал, возглавляемой академиком Н.В. Насоновым, летом 1916 г. Непосредственным руководителем и начальником экспедиции был В.Ч. Дорогостайский — профессор Иркутского государственного университета. В знак признания заслуг Б. Ды-

*Лимнолог М.А. Фортунатов [1963], занимающийся и историей лимнологии, указывает, что Б.И. Дыбовский приезжал из Львова в Варшаву в 1911 г.

бовского перед байкаловедением специально построенное в 1931 г. экспедиционное судно Байкальской лимнологической станции было названо “Бенедикт Дыбовский”.

Несмотря на длительный и непрекращающийся интерес к познанию байкальской фауны после работ Б. Дыбовского, даже сейчас не все группы беспозвоночных Байкала охарактеризованы с достаточной полнотой, хотя нужно подчеркнуть несомненный прогресс в изучении простейших (А.В. Янковский), остракод и циклопов (Г.Ф. Мазепова), моллюсков (Я.И. Старобогатов, С.М. Попова, Т.Я. Ситникова), хирономид (А.А. Линевич, Э.А. Ербаева) и др. Сейчас, как нам кажется, настало время создания новых сводок по систематике байкальских видов и переиздания монографий, касающихся непосредственно фауны Байкала, подготовки специальной Байкальской фаунистической энциклопедии. Без ревизии всех имеющихся данных по систематике невозможно рассматривать проблемы эволюции и “несмешиваемости” байкальской фауны, особенности распространения элементов байкальской эндемичной фауны за пределами Байкала. Вместе с тем даже имеющиеся данные по распространению байкальской фауны вне Байкала позволяют внести некоторую ясность в упомянутые проблемы.

Наибольшее количество байкальских эндемичных видов вне Байкала обнаружено в Ангаре, особенно в верхнем приистоковом ее участке. Б. Дыбовский, исследовавший этот участок совместно с В. Годлевским еще в 1876 г., среди гаммарид (41 вид) выделил четыре категории видов: 1) живущие в Ангаре и не найденные в Байкале; 2) подвергающиеся значительным изменениям – “окреплые формы”; 3) подвергающиеся менее значительным изменениям – местные разновидности; 4) виды, не отличающиеся от байкальских. Он высказал мнение, что Ангара получила свою фауну из Байкала. Продолживший эти исследования В.Ч. Дорогостайский [1916], ссылаясь на Б. Дыбовского, подтвердил нахождение ряда байкальских гаммарид, а всего указывал 28 их видов и

разновидностей, разделив мнение Б. Дыбовского о их поступлении в Ангару из Байкала. В.Ч. Дорогостайский [1916] описал эндемичный для Ангары род – *Fluviogammarus* Dor., который А.Я. Базикалова [1945] дополнила еще двумя видами. Она считала, что присутствие нескольких эндемичных форм в р. Ангаре, для которых нет в Байкале близких видов, несколько сглаживает байкальский характер ее фауны. Эти проблемы эндемизма ангарской фауны, к сожалению, более никто подробно не рассматривал.

Позднее исследования фауны Ангары, и не только ее верхнего участка, проводили М.М. Кожевников [1947, 1950] и его ученики – Р.А. Голышкина [1963, 1970] и др. В результате список донных эндемичных байкальских беспозвоночных Ангара был существенно расширен. Кроме наиболее разнообразных групп беспозвоночных – Gammaridae, Oligochaeta, Mollusca – в Ангаре были обнаружены эндемичные байкальские (в порядке убывания их разнообразия) Turbellaria, Chironomidae, Nematoda, Isopoda, а также представленные каким-либо одним видом Porifera, Polychaeta, Hirudinea, Brugozoa. Предполагалось, что здесь обитали и другие байкальские виды, найденные еще позднее в верхнем приистоковом участке Иркутского водохранилища, где сохранились речные черты, и в некоторых районах других ангарских водохранилищ.

Вниз по течению Ангары по мере удаления от Байкала и изменения ее гидрологического режима байкальские виды постепенно выпадали из состава фауны. Это хорошо прослежено по наиболее изученным группам – гаммаридам и моллюскам. В верхней части Ангары из байкальских эндемичных гаммарид зарегистрировано более 40, в средней – только 15, в нижнем течении еще меньше – 9 видов и внутривидовых таксонов, из моллюсков – 15, 10 и 3 вида и внутривидовых таксонов соответственно.

Распространяясь вниз по Ангаре, а затем по Енисею, байкальские виды проникли до Енисейской губы. В разные годы разные исследователи указывали из тур-

беллярий *Bdellocephala angarensis*, из полихет — *Manayunkia baicalensis*, из олигохет — *Lamprodrilus satyriscus f. decatheca*, *Stylodrilus opistoannulatus*, *Lycodrilus schizochaetus*, *Lycodrilus dybowskii*, *Propappus glandulosus*, из мшанок — *Echinella placoides*, из гаммарид — *Micruropus glaber*, *M. vortex*, *Gmelinoides fasciatus*, *Hyalellopsis czernianskii*, из моллюсков — *Choanomphalus amauronius*. Как подчеркивал М.М. Кожев [1950, 1972], расселение байкальских видов по Ангаре и Енисею до полярных районов на тысячи километров от своей родины указывает на громадное значение мощных речных артерий для их распространения. Еще ранее это отметила Е.Ф. Гурьянова [1929]: “Енисей испытывает сильное влияние фауны Байкала. Ряд типичных байкальских форм — *Echinogammarus viridis*, *Brandtia fasciata*, *Micruropus wahlii* — расселяется в нем как вверх (по крайней мере, до Красноярска), так и вниз по течению, вплоть до дельты, заходя в его притоки... (Подкаменная Тунгуска)” (с. 200). В дельте Енисея байкальские формы сильно уклоняются от типа, на основании чего Е.Ф. Гурьянова выделила особый вид — *Brandtia fasciatoides*, обладающий по сравнению с *Brandtia fasciata* более слабым телом, вытянутыми и сильно волосатыми конечностями. Но А.Я. Базикалова [1945] позднее отождествила *Brandtia fasciatoides* с байкальским эндемиком *Gmelinoides fasciatus*. До ее работ *Gmelinoides fasciatus* относили к роду *Gammarus* (и называли *G. zebra*) или к роду *Brandtia* (*B. fasciata*). А.Я. Базикалова установила для него новый род — *Gmelinoides* — с единственным видом. По сведениям П.Л. Пирожникова [1937], в устье Енисея обнаружены гаммариды — *Gmelinoides fasciatus*, *Eulimnogammarus viridis*, *Brandtia lata*, байкальская мшанка — *Echinella placoides*. Согласно Г.С. Сластниковой [1940], некоторые из обитающих в Ангаре и Енисее байкальских видов живут в солоноватых водах Гыданского залива (между Обью и Енисеем) и в пресных водах реликтовых озер, расположенных к югу от этого залива. Это полихета *Manayunkia baicalensis*, из гаммарид — *Micruropus wahlii*. В.Н. Грэз [1957] байкальскую фауну обнаружил в оз. Таймыр и р. Верх. Таймыра. Это

полихета *Manayunkia baicalensis*, мшанка *Echinella (Hislopia) placoides*, гаммариды — *Eulimnogammarus viridis*, *E. verrucosus* (в р. Верх. Таймыра, в 200 км выше устья), турбеллярии, возможно, *Sorocelis guttata* (или *Bdellocephala angarensis*), повсеместно распространенные, как указывает В.Н. Грэз, в Енисее. Рассматривая существование элементов байкальской фауны в бассейне оз. Таймыр, В.Н. Грэз указывает, что объяснение их появления следует искать в особенностях гидрографии Таймырского полуострова, существовавших в конце ледникового периода.

После создания водохранилищ на Ангаре байкальская фауна сохранилась преимущественно на участках с речным режимом, особенно полно — в верхней части Иркутского водохранилища. На участках с озерным режимом число байкальских видов стало существенно меньше, чем до зарегулирования стока.

Если рассматривать водохранилища в целом, вместе с их речными участками, то картина будет такой. В Иркутском водохранилище (существует с 1956 г.), лимнический тип которого определяют влияние Байкала и сильная проточность, из почти 300 обнаруженных видов донных беспозвоночных около 30 % — байкальские эндемики, из которых наибольшим разнообразием характеризуются гаммариды (~ 10 % обнаруженных видов), затем — олигохеты (~ 6 %) и моллюски (~ 4 %). В Братском водохранилище (существует с 1964 г.), где обнаружено 245 видов и внутривидовых таксонов донных беспозвоночных, доля байкальских эндемиков меньше — 17 %, наиболее разнообразны олигохеты (~ 8 % общего числа обнаруженных видов). Большинство их обитает в верхнем участке водохранилища, где сохранились речные условия. В Усть-Илимском водохранилище (существует с 1975 г.) найдено около 200 видов и внутривидовых таксонов донных беспозвоночных, из них доля байкальских эндемиков (18 %) почти такая же, как в Братском, а наиболее разнообразны также олигохеты.

Некоторые байкальские эндемики успешно освоили водохранилища. Так, в озерной части Братского во-

дохранилища в прибрежной мелководной зоне распространился и доминирует в биомассе зообентоса байкальский эндемик *Gmelinoides fasciatus*; другие же байкальские гаммариды малочисленны и имеют локальное распространение. Напомним, что А.Я. Базикалова [1945] характеризует *G. fasciatus* как один из самых обычных видов в Байкале, обитающий “главным образом в его сорах и заливах с песчаным дном и обильной растительностью”; он “заходит в устья почти всех впадающих в Байкал рек и речек, в прибрежные озера, спускается вниз по Ангаре и Енисею до Енисейской губы, кроме того обнаружен в оз. Налимьем и р. Пясне” (с. 342). Судя по приведенной экологической характеристике, *G. fasciatus* относится к видам прибрежно-сорового комплекса Байкала, если следовать классификации М.М. Кожова. С учетом этих экологических особенностей видов, его развитие в водохранилищах не вызывает удивления. В верхней и средней частях Братского водохранилища в профундали доминирует эндемичный байкальский вид олигохет *Isochaetides arenarius*.

Высокая численность упомянутых байкальских эндемиков в водохранилищах Ангарского каскада свидетельствует о том, что они оказались достаточно устойчивыми к изменению условий существования, в том числе к загрязнению. И тем не менее, речные условия незарегулированной Ангары были для основного числа эндемиков более благоприятными, чем озерные в ее водохранилищах. Отметим, что роль байкальских эндемиков в структуре донных сообществ различалась на разных этапах формирования биот водохранилищ: по мере увеличения времени, прошедшего с момента начала их наполнения, доля байкальских эндемиков и число их видов, а также численность некоторых из них уменьшались. Вышеуказанные данные по количеству видов эндемиков Байкала в водохранилищах характеризуют весь исследованный нами период, т.е. 50-е–90-е годы.

Другой очаг обитания байкальских эндемиков – оз. Хубсугул. Оно относится к единой с Байкалом рифто-

вой зоне, составляя ее южное звено. С Байкалом озеро связано через приток Селенги – р. Эгийн-Гол. Хубсугул расположен на высоте 1645 м над ур. м., т.е. выше Байкала на 1200 м. Максимальная глубина Хубсугула – 262 м. Максимальная температура воды летом (август) у поверхности не превышает 15 °С, в глубинных слоях она постоянна и составляет ~ 4,0 °С. Воды даже в самых глубинных слоях хорошо насыщены кислородом, маломинерализованы ($\Sigma = 220$ –230 мг/л). Каменистая литораль сменяется илисто-песчаной профундалью. Таким образом, условия обитания животных в Хубсугуле сходны с таковыми в Байкале, по крайней мере, в зоне от уреза воды до глубины 200–300 м.

Как на байкальских эндемиков, обитающих в Хубсугуле, исследователи указывали из олигохет на *Nais bekmani*, *Teneridrilus (Tubifex) hubsugulensis*, из нематод – на *Eutobrilus peregrinator*, из водяных клещей – на *Parasoladanellonyx baicalensis*, из хирономид – на *Orthocladius compactus*, *O. gregarius*, *Sergentia flavodentata*, из моллюсков (это подтверждено и нашими данными [Кожова, Ербаева, 1984; Кожова, Истмешева, Ербаева, 1994]) – *Kobeltocochlea michnoi*, описанный Линдгольмом [Lindholm, 1929] по пустой раковине. Но в последующем нахождение *K. michnoi* в Хубсугуле не подтверждено (в том числе и нами). Род *Kobeltocochlea* эндемичен для Байкала, а похожие на голотип *K. michnoi* особи в нем нашла Т.Я. Ситникова [1988]. Таким образом, на данном уровне наших знаний фауны Хубсугула *K. michnoi* мы не должны включать в список байкальских эндемиков, обитающих в Хубсугуле.

В связи с поиском в Хубсугуле видов, близко родственных байкальским, представляет интерес моллюск *Choanomphalus mongolicus*. М.М. Кожов, описавший его, и мы относим его к эндемикам Хубсугула [Кожов, 1946; Кожова, Ербаева, 1984]. В книге “Lake Baikal. Evolution and Biodiversity” [1998] мы ошибочно включили этот вид в список эндемиков Байкала, обитающих в Хубсугуле. В Байкале обитает другой близко родственный ему вид – *Ch. angulatus*. *Choanomphalus mongolicus* относят вместе с

другими 4 видами из Байкала к субэндемичному байкальскому подроду *Achoanomphalus* Ldh. *Ch. mongolicus* морфологически достоверно отличается от *Ch. angulatus* и других видов подрода *Achoanomphalus* [Sitnikova, Goulen, 1997].

Как видно, в Хубсугуле обитают представители далеко не всех систематических групп беспозвоночных, встречающихся в Байкале и характеризующихся высокой степенью эндемизма. Особенно это касается гаммарид. Они в Байкале по сравнению с другими группами наиболее разнообразны, тогда как в Хубсугуле байкальских эндемичных гаммарид нет, а представлены они обычным озерным *Gammarus lacustris* и описанным А.Я. Базикаловой из Хубсугула и пока более нигде не найденным *G. kozhovi*, а также, возможно, еще одним новым для науки видом, достаточно хорошо не описанным. Г.П. Сафонов его условно называет *G. hanhi*.

Все это заставляет склоняться к мнению, что указание на нахождение в Хубсугуле байкальских эндемичных видов – результат недостаточной изученности фауны других озер Евразии с аналогичными экологическими условиями.

М.М. Кожов [1972], характеризуя фауну Хубсугула, писал: “Следами бывшей когда-то богатой фауны озера являются несколько видов, родственных современным байкальским и явно чуждых современному сибирскому комплексу” (с. 145). Возможно, это и так, но специальных доказательств этому мы до сих пор не имеем. Н.А. Порфириева [1977], исследовавшая планарий Байкала и Хубсугула, подчеркивает различие фаун этих двух озер. Она пишет: “В Хубсугуле нами не обнаружено представителей, близких к байкальским планариям. Хотя Хубсугул и Байкал по ряду гидрологических особенностей имеют общие черты, их фауны планарий формировались из различных источников: планарииды в Хубсугуле и дендроцелиды в Байкале” (с. 155).

Кроме того, складывается впечатление, что гидрографическая связь через вытекающую из Хубсугула р. Эгийн-Гол – приток Селенги, впадающей в Байкал,

не имеет сколько-нибудь существенного (если ни никакого) значения в общности некоторых элементов фауны в Хубсугуле и Байкале. Конечно, гидробионты в зависимости от их плавательных способностей могут подниматься и вверх по рекам на большее или меньшее расстояние, иногда на сотни километров, и осваивать новые местообитания. Но условия среды при этом должны дать возможность виду создать достаточно большую численность, позволяющую ему иметь преимущество в конкуренции с другими видами за ресурсы. Вывод о крайне низкой роли современной гидрографической связи между Хубсугулом и Байкалом в общности их фаун можно сделать на основе анализа данных по существенно большему разнообразию эндемичных байкальских видов в Ангаре по сравнению с таковым в Хубсугуле. Для распространения байкальской фауны в Ангаре роль такой гидрографической связи несомненна.

Сравнивая видовое разнообразие в Байкале и Хубсугуле [Кожова, Ербаева, Сафонов, 1998], мы можем видеть не только существенно более низкий уровень эндемизма беспозвоночных в Хубсугуле по сравнению с Байкалом, что было известно и ранее, но и различие в составе палеарктических видов, населяющих эти два озера. В частности, это хорошо видно по составу наиболее массовых видов *Chironomidae*.

Заметим, что в будущем при установлении сходства и различия фаун Байкала и Хубсугула необходимо оценить биоценотическую роль видов, в том числе тех, которые первоначально описаны по байкальским материалам и которых и называют “байкальскими эндемиками” в Хубсугуле. В частности, это касается насекомых, способных случайно в единичных экземплярах оказываться далеко от их истинных мест обитания. Так, из трех видов *Chironomidae*, указываемых как байкальские эндемики в Хубсугуле, только один – *Orthocladius compactus* – характеризуется относительно высокой численностью – до 1–2 тыс. экз. м⁻² и является доминантным и часто встречающимся в литорали Хубсугула. Именно его и можно считать байкальским видом, ос-

войвши бенталь Хубсугула. Второй вид хирономид — *O. gregarius*, хотя и был обнаружен в достаточно большой численности (0,5 тыс. экз. м⁻²), но в крайне ограниченном числе проб, а третий вид — *Sergentia flavidentata*, относящийся к эндемичному байкальскому подроду *Baicalosergentia*, был найден только 1 раз.

Байкальские эндемичные виды, как уже упоминалось, найдены и в других озерах Сибири [Сластников, 1940; Кожов, 1942, 1950; Кожов, Томилов, 1949; Томилов, 1954; Грэз, 1957; Клишко, 1996]. Особенno интересно распространение байкальской эндемичной полихеты *Manayunkia baicalensis*. Этот вид найден в оз. Байант, расположенному в центральной части Ципинской впадины (бассейн Лены), и в оз. Бусани (бассейн Лены), а также в озерах Малое и Большое Леприндо (бассейн Чары). Оз. Мал. Леприндо лежит на высоте 995 м, Бол. Леприндо — 984 м над ур. м. Они расположены на водоразделе между Муйско-Куандинской и Чарской впадинами. К югу от этих озер находятся озера Леприндакан и Даватчан. Первое расположено на высоте 1056 м, второе — 1101 м над ур. м. Озеро Леприндакан относится к бассейну Куанды, а Даватчан — к бассейну Олекмы. В этих озерах также живет *Manayunkia baicalensis*. Ниже Муйской впадины р. Витим прорезает Северо-Муйский хребет и прорывается в тектоническую впадину одного из крупнейших озер бассейна Витима — Орон, где также обнаружена *Manayunkia baicalensis*. Ее находки в вышеуказанных озерах, возможно, свидетельствуют о существовании в прошлом гигантских озер во впадинах байкальского типа.

Как считает М.М.Кожов [1942, 1950, 1972], такое распространение элементов байкальской фауны произошло в конце третичного — начале четвертичного периодов по системе стока, направленного в сторону Лены через древние озера Баргузинское, Ципинское, Муйское, Верхнечарское. *Manayunkia baicalensis* недавно обнаружена в Зейском водохранилище, т.е. в бассейне р. Амур [Клишко, 1996].

Эти находки видов, ранее считавшихся эндемиками Байкала, далеко за его пределами являются подтверждением точки зрения, что в современной байкальской фауне сохранилась группа видов, ранее достаточно широко распространенная, по крайней мере, в тех водных системах Азии, которые связаны с районом современного Байкальского рифта.

Таким образом, среди представителей эндемичной фауны Байкала, встречающихся за его пределами, можно выделить несколько групп донных беспозвоночных.

1. Наиболее богатая видами, распространенная в вытекающей из Байкала Ангаре. Для ее верхней части особенно характерны литофильные виды. Плотность некоторых байкальских эндемиков в истоке Ангары была и остается выше, чем в Байкале. Число эндемичных байкальских видов убывает по мере удаления от истока. Ниже по течению Ангары ряд видов также характеризуется высокой плотностью, в частности, полихета *Manayunkia baicalensis*, литоральная амфиопода *Gmelinoides fasciatus*. Заметим, что численность планктонных эндемичных беспозвоночных (*Epischura baicalensis*, некоторых Rotifera), обнаруживаемых в истоке Ангары, также снижается по мере удаления от истока по сравнению с таковой в Байкале и еще более резко, чем донных беспозвоночных.

После создания на Ангаре водохранилищ число обитающих в ней байкальских эндемичных видов наиболее заметно уменьшилось в их озерных частях, но некоторые из сохранившихся, в частности *Gmelinoides fasciatus* из гаммарид и *Isochaetides arenarius* из олигохет, вошли в число доминирующих в сообществах видов. Полихета *Manayunkia baicalensis* продолжает оставаться характерной и массовой на сохранившихся речных участках системы. Тем не менее в целом образование водохранилищ можно считать фактором уменьшения ареала эндемичных байкальских видов в противоположность, например, тому, что отмечалось в волжских водохранилищах, где, в частности, согласно Н.А. Дзюбан [1963], благодаря водохранилищам произошло “интенсивное расширение ареала ряда северян на юг”(с. 58).

2. Существенно меньшая по числу видов, обитающая в крупных, но значительно меньших по размерам, чем Байкал, озерах Сибири, так или иначе связанных с ним в настоящее время или в прошлом. Одно из таких озер — Хубсугул, относящееся к байкальской рифтовой зоне. Но доля видов, встречающихся только в Байкале и Хубсугуле, невелика; основная их часть в Хубсугуле — палеаркты, частично хубсугульские эндемики, в том числе викарные байкальским. В частности, в Хубсугуле отсутствуют байкальские гаммариды, крайне разнообразные в Байкале. В целом фауна Хубсугула существенно беднее байкальской.

3. Крайне небольшая по числу видов, встречающаяся в малых прибайкальских водных экосистемах, но существующая там, очевидно, лишь за счет постоянного поступления новых вселенцев из озера с байкальскими водами. В связи с этим напомним, что существует точка зрения и о современном внедрении “общесибирского элемента” в Байкал. Приведем мнение В.В. Изосимова [1949], исследовавшего олигохет Байкала. Он считает, что “и теперь происходит внедрение “общесибирского элемента” в Байкал, причем в Байкале возникают новые формы. Так, вместе с *Nais obtusa* обнаруживается *Nais tygrina* n.sp. ... Кроме *Propappus volki* обнаружен *P. glandulosus*, а также *Rhyacodrilus coccineus* v. *inaequalis*, основной вид которого найден в сорах. Внедряющихся в Байкал лямбрикулид пока не обнаружено. Они должны быть причислены к древнебайкальному элементу” (с. 9).

4. Виды, акклиматизированные в удаленных в разной степени от Байкала водоемах, например, *Gmelinoides fasciatus* в волжских водохранилищах.

При рассмотрении распространения байкальских эндемичных видов за пределами озера можно выделить такие случаи: 1) вид экологически достаточно пластичен, что позволяет ему осваивать дополнительные пространства с относительно сходными условиями обитания; при этом надо различать виды, длительное время существующие в водоемах за пределами Байкала, и виды,

чье существование в них поддерживается постоянным поступлением из Байкала; 2) вид является реликтом прежних эпох, сохранившимся в родственных по происхождению и возрасту водоемах; 3) расселение вида связано с вмешательством человека.

Анализ распространения байкальских эндемиков вне Байкала, в том числе в водохранилищах Ангары, является частью фундаментальной проблемы эволюции байкальской фауны и ее несмешиваемости с другими фаунами. Вне пределов Байкала некоторые его эндемики в соответствующих их экологии условиях среды могут быть доминантными видами в биоценозах. Важнейшая причина этого — условия, позволяющие популяции реализовать полный жизненный цикл, включая долговременный цикл динамики ее численности.

Теоретический подход к систематике байкальских животных вообще требует переосмыслиния. Он должен быть комплексным. В частности, в число систематических признаков видового и внутривидового рангов должна включаться характеристика динамики численности, т.е. особенность динамики численности нужно рассматривать как видовой признак. Открытым для дальнейших исследований остается вопрос о зависимости обитания байкальской фауны вне Байкала от ее возрастной гетерогенности.

Отметим, что байкальские эндемики в ангарских водохранилищах могут препятствовать заселению их широко распространенными видами. Например, в водохранилищах развивается байкальский эндемик *Gmelinoides fasciatus*, а не широко распространенный в сибирских водоемах в относительно сходных условиях среды *Gammarellus lacustris*. Для понимания процессов адаптации байкальцев к новым местам обитания необходимо всесторонне исследовать изменчивость структуры популяции, в том числе генотипической, а также морфологии, физиологии, поведения, по крайней мере, каких-либо “базовых” видов, т.е. видов, представляющих ту или иную эколого-генетическую группировку.

В заключение подчеркнем, что анализ особенностей распространения байкальской фауны вне Байкала важен для прогноза его состояния в будущем в условиях воздействия антропогенных факторов. Он поможет ответить на вопросы, как будет развиваться процесс перестройки байкальской фауны в условиях антропогенного влияния: насколько избирательным окажется влияние загрязнения озера на эндемичную фауну, какие виды окажутся более, а какие менее устойчивыми к загрязнению (изменению условий существования); повлияет ли загрязнение Байкала на скорость внедрения в его экосистему неэндемичных видов; как проявится сопротивляемость экосистемы Байкала к внедрению в нее таких видов в условиях антропогенного влияния? Сейчас можно сказать, что сама по себе "эндемичность" вида не обязательно является синонимом его низкой устойчивости к загрязнениям. Об этом, например, свидетельствуют наши данные по бентосу из района влияния загрязнений Байкальского целлюлозно-бумажного комбината, а также эксперименты по оценке воздействия токсикантов на эндемичные виды. Установлено, например, что при некоторых условиях эндемичная байкальская эпиштура более резистентна по отношению к агенту воздействия, чем широко распространенная дафния. Оценка устойчивости эндемичной байкальской фауны к загрязнению и другим антропогенным воздействиям — практически важный современный аспект проблемы ее эволюции.

Для решения проблем рационального природопользования, при котором сохраняется устойчивое естественное состояние экосистем, нужно знать, каким путем происходит изменение байкальских биоценозов — за счет гибели эндемичных байкальских видов, или изменения соотношения их численности в биоценозах, или вытеснения их небайкальскими видами? Необходимо установить, при каких условиях сохранится сопротивляемость экосистемы Байкала к проникновению в нее широко распространенных, в том числе устойчивых к загрязнению, видов. Анализируя состояние донных сообществ Байка-

ла [Кожова, 1983] в районе сброса сточных вод Байкальского целлюлозно-бумажного комбината, мы наблюдали разные варианты изменения соотношения численности донных беспозвоночных под влиянием загрязнения, что свидетельствует о разной степени устойчивости байкальских эндемиков к загрязнению. Например, численность моллюсков эндемичного байкальского рода *Baicalia* резко снижалась, вплоть до исчезновения обитавших здесь популяций, а эндемичного вида *Benedictia baicalensis* увеличивалась. На эти проблемы О.М.Кожова и М.Ю.Бекман [1982] обратили внимание в специальной публикации "Эволюционная гидробиология Байкала".

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Базикалова А.Я.** Амфиподы оз. Байкал // Тр. Байкал. лимнол. ст. АН СССР. — М.; Л., 1945. — Т. 11. — 440 с.
- Гурьянова Е.Ф.** К фауне Crustacea — Malacostraca устьев р. Енисея // Русск. гидробиол. журн. — Саратов, 1929. — Т. 8, № 10—12. — С. 285—299.
- Гольшкина Р.А.** Бентос Иркутского водохранилища в первые годы его существования (1957—1961 гг.) // Биологические аспекты изучения водохранилищ. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1963. — С. 91—107. — (Тр. Ин-та биол. внутр. вод АН СССР; Т. 6(9)).
- Гольшкина Р.А.** Заобентос р. Ангары: Автореф. дис. ... канд. биол. наук. — Иркутск, 1970. — 34 с.
- Грезе В.Н.** Основные черты гидробиологии озера Таймыр // Тр. Всесоюз. гидробиол. о-ва. — 1957. — Т. 8. — С. 83—213.
- Дзюбан Н.А.** Северные вселенцы в Куйбышевском водохранилище // Материалы 1-го науч.-техн. совещ. по изучению Куйбышевского водохранилища. — Куйбышев, 1963. — Вып. 3. — С. 48—58.
- Дорогостайский В.Ч.** О фауне ракообразных реки Ангара // Ежегодник Зоол. Музея Академии Наук. — 1916 (1917). — Т. 21. — С. 302—322 и таблицы.
- Дыбовский Б.** Гаммариды оз. Байкал // Изв. Сиб. отд. Рус. геогр. о-ва. — 1875. — Т. 6, № 1/2. — С. 10—80.

Изосимов В.В. Люмбрикулиды (сем. Lumbriculidae) озера Байкал: Автореф. дис.... д-ра биол. наук. – Казань, 1949. – 11 с.

Клишко О.К. Проблемы генезиса бентофауны водоемов Байкальского региона // Сохранение биологического разнообразия в Байкальском регионе: проблемы, подходы, практика. – Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 1996. – С. 182–184.

Кожов М.М. Моллюски озера Байкал // Тр. Байкал. лимнол. ст. АН СССР. – 1936. – Т. 8. – 352 с.

Кожов М.М. Байкальская полихета – *Manayunkia baicalensis* Nussb. в озерах бассейна р. Витим (приток Лены) // Изв. БГНИИ при Иркут. гос. ун-те. – Иркутск, 1942. – Т. 9, № 3–4. – С. 231–239.

Кожов М.М. Байкальские моллюски в оз. Косогол (Монголия) // Докл. АН СССР. Нов. сер. – 1946. – Т. 52, № 4. – С. 369–372.

Кожов М.М. Животный мир озера Байкал. – Иркутск: ОГИЗ, 1947. – 302 с. и Приложение 62 с.

Кожов М.М. Пресные воды Восточной Сибири. – Иркутск: Иркут. обл. гос. изд-во, 1950. – 337 с.

Кожов М.М. Биология озера Байкал. – М.: Изд-во АН СССР, 1962. – 315 с.

Кожов М.М. Очерки по байкаловедению. – Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1972. – 254 с.

Кожов М.М., Томилов А.А. О новых находках байкальской фауны вне Байкала // Тр. Всесоюз. гидробиол. о-ва. – 1949. – Т. 1. – С. 224–227.

Кожова О.М. Изучение влияния сточных вод сульфатцеллюлозного производства на биоценозы Байкала // Охрана природы от загрязнений промышленными предприятиями ЦБП: Сб. науч. тр. ВНПО «Бумпром». – М., 1983. – С. 66–82.

Кожова О.М., Бекман М.Ю. Эволюционная гидробиология Байкала // Проблемы экологии Прибайкалья. Общие вопросы экологического мониторинга, математическое моделирование и прогнозирование экосистем. – Иркутск, 1982. – Ч. 1. – С. 20–21.

Кожова О.М., Ербаева Э.А. Генезис флоры и фауны озера Хубсугул // Природные условия и ресурсы некоторых районов МНР. – Братислава, 1984. – С. 9–11.

Кожова О.М., Ербаева Э.А., Сафонов Г.П. Сравнительный анализ донной фауны Байкала и Хубсугула // Сиб. экол. журн. – 1998. – № 5. – С. 391–396.

Лепниева С.Г. Из ранних лет жизни и деятельности лимнолога Г.Ю. Верещагина // Деятели советской гидробиологии В.М. Рылов, Г.Ю. Верещагин, А.Л. Бенинг. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1963. – С. 37–49.

Пирожников П.Л. Морские и байкальские элементы в фауне р. Енисея // Бюлл. МОИП. – М., 1937. – Т. 46, вып. 3: Биология. – С. 165–172.

Порфириева Н.А. Планарии озера Байкал. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1977. – 207 с.

Совинский В.К. Amphipoda озера Байкала // Зоологическая изыскательская экспедиция озера Байкала. – Киевъ, 1915. – Вып. 9. – 390 с.

Сластников Г.С. К нахождению многощетинкового червя *Manayunkia baicalensis* в озерах бассейна р. Гыды // Природа. – 1940. – № 7.

Томилов А.А. Материалы по гидробиологии некоторых глубоководных озер Олекмо-Витимской горной страны // Тр. Иркут. гос. ун-та. – 1954. – Т. 10. Сер. биол. – С. 5–36.

Томилов А.А., Ербаева Э.А., Акиншина Т.В. и др. Байкальские эндемики в зообентосе водохранилищ ангарского каскада // Гидробиол. журн. – 1978. – Т. 14, № 5. – С. 18–23.

Фортунатов М.А. Г.Ю. Верещагин – исследователь Байкальского озера и его роль в развитии нового направления в лимнологии // Деятели советской гидробиологии В.М. Рылов, Г.Ю. Верещагин, А.Л. Бенинг. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1963. – С. 50–75.

Cockerell T.D.A. The biology of Lake Baical // Repr. from Sci. – 1927. – Vol. 66, N 1719. – P. 552–554.

Dybowsky B. Beiträge zur näheren Kenntnis der im Baikalsee vorkommenden niederen Krebse aus der Gruppe der Gammariden. Horae Soc. Ent. Ros. – SPb, 1874. – Beiheft zu Bd 10. – S. 1–190.

Kozhova, O.M., Izmest'eva, L.R., Erbaeva, E.A. A review of the hydrobiology of Lake Khubsugul (Mongolia) // Hydrobiologia. – 1994. – N 291. – P. 11–19.

Lake Baikal. Evolution and Biodiversity // Ed. O.M.Kozhova and L.R.Izmest'eva. — Leiden, Netherlands: Backhuys Publishers. — 1998. — 447 p.

Lindholm W.A. Die ersten Schnecken (Gastropoda) aus dem See Kosogol in der Nordwest-Mongolei // Dokl. of Acad. of Sci. of USSR. — 1929. — N 12. — S. 315–318.

Sitnikova T.Ya., Goulden C.E. Shell variability of the hovsgolian Ch.mongolicus and comparative study with Baikal Choanomphalus (Gastropoda, Planorbidae) // Экологически эквивалентные виды гидробионтов в великих озерах мира: Тез. докл. междунар. симпоз.— Улан-Удэ, 1997. — С. 92–93.

МОЛЛЮСКИ БАЙКАЛА

Т.Я. Ситникова, З.В. Слугина

Ни один исследователь, хоть раз увидевший байкальских моллюсков с их разнообразной формой и скульптурой раковины, не остается равнодушным к этой группе животных. Не были исключением и польские ссылочные ученые Б. Дыбовский и Я. Грохмалицкий. Б. Дыбовский собрал большую коллекцию байкальских моллюсков, на основе которой его брат Владислав Дыбовский [W.Dybowski, 1875, 1885, 1886, 1901 и др.] описал 32 новых для науки вида. В настоящее время большая часть коллекции, включающая типовые серии, находится в Зоологическом институте РАН, другая, менее сохранившаяся, — во Львовском университете. Б. Дыбовский и Я. Грохмалицкий впервые отметили большую внутривидовую изменчивость моллюсков семейства *Benedictiidae* и рода *Choanomphalus* (Planorbidae), они описали более 50 вариететов [B. Dybowski, 1913; B. Dybowski, J. Grochmalicki, 1913, 1917, 1923, 1925].

В честь Б. Дыбовского названо семейство (Benedictiidae), род (*Benedictia*) и 4 вида байкальских эндемичных моллюсков.

Изучение байкальских моллюсков, продолжающееся более 100 лет, включает ряд аспектов. Это — таксономические, анатомические, эколого-географические, кариологические, биохимические и другие исследования. Согласно последним таксономическим работам [Ситникова, 1983, 1987; Матекин и др., 1988; Старобогатов, 1986; Старобогатов, Ситникова, 1990; Слугина и др., 1994], фауна моллюсков Байкала насчитывает около 180

видов, из них более 130 являются эндемиками. И это число, вероятно, не предел, поскольку последняя ревизия таких крупных групп, как семейство Baicaliidae и род *Choanomphalus*, была проведена более полвека назад [Кожев, 1936]. Предварительные исследования позволяют предполагать существенное увеличение объема этих таксонов как за счет описания новых видов, так и установления валидности для некоторых внутривидовых форм, описанных Б. Дыбовским и Я. Грохмалицким.

Двустворчатые моллюски в Байкале представлены 2 надсемействами, 4 семействами, 12 родами и 31 видом. Надсемейство Pisidioidea включает 3 семейства (Sphaeriidae, Pisidiidae, Euglesidae), 11 родов и 30 видов, 16 из которых — эндемики. Надсемейство Unionoidea представлено в Байкале 1 семейством (Unionidae), состоящим из 1 рода и 1 неэндемичного вида [Слугина и др., 1994]. Эндемичные двустворчатые моллюски составляют более половины (52 %) всех двустворчатых озера. Эти моллюски, имеющие длину раковины от 2 (семейство Euglesidae) до 12 мм (семейство Sphaeriidae), обитают в открытом озере на глубинах до 60 м, а также в заливах, с условиями, промежуточными между соровой зоной и открытым Байкалом. Самыми типичными (часто доминирующими) в различных районах Байкала являются эндемичные виды *Euglesa granum* (Lind.) и *Conventus raddei* (W. Dub.). Наибольшее видовое разнообразие сибирских и палеарктических двустворчатых моллюсков наблюдается в заливах, бухтах и сорах Байкала. Характерный вид на этих участках озера — довольно крупный по сравнению с остальными двустворчатыми моллюсками представитель сем. Unionidae — *Colletopterum ponderosum sedakovii* (Siem.) (длина 85–100 мм). Только один палеарктический вид — *Lacustrina dilatata* (West.) — заходит в открытый Байкал и встречается там на глубинах до 60 м.

Мелкие двустворчатые моллюски являются молодыми эндемиками Байкала [Старобогатов, 1970]. Для ряда эндемичных видов установлен близкий по морфологии раковины неэндемичный общесибирский вид. На-

личие такой парности позволяет предполагать независимое вселение в Байкал сибирских видов и формирование в нем эндемичных видов [Старобогатов, Ситникова, 1992]. Согласно палеонтологическим данным, в олигоцен-миоцене в Южном Байкале обитало около 40 видов двустворчатых моллюсков, только 2–3 из них принадлежали надсемейству Pisidioidea, большая же часть относились к семействам Margaritiferidae, Amblemidae, Unionidae и Limnocyrenidae [Мартинсон, 1951, 1961; Попова, 1981]. Более широкое распространение Pisidioidea в Прибайкалье приходится на поздний плиоцен — плейстоцен [Попова, 1981]. Вероятно, именно в этот период началось активное освоение Байкала мелкими двустворками.

Брюхоногие переднежаберные моллюски представлены в Байкале тремя семействами. Семейство Valvatidae включает 14 видов, относимых к 3 подродам. Четыре общесибирских вида подрода *Sibirovalvata* (род *Cincinna*) обитают только в прибрежно-соровой зоне Байкала. Пять эндемичных видов подрода *Pseudomegalovalvata* (*Cincinna*) встречаются на глубинах с 39 м и глубже, 1 из них обнаружен на глубине 1380 м. Это мелкие моллюски с прозрачной раковиной, диаметром не более 4 мм и беловато-розовым цветом тела. Другая группа эндемичных вальват приналежит номинативному подроду рода *Megalovalvata* и включает 6 видов с крупной раковиной (более 6–7 мм в диаметре). Они обитают на глубинах до 50–70 м. *Pseudomegalovalvata* по строению полововой системы и жабер более близка к европейским представителям рода *Cincinna* s. st., нежели к сибирским (*Sibirovalvata*), а *Megalovalvata* — к вальватам из оз. Бива в Японии. Ископаемые раковины *Pseudomegalovalvata* не известны, однако европейские представители *Cincinna* (например, *C. pulchella*) встречались в Прибайкалье в плейстоцене [Попова, 1981]. Из *Megalovalvata* известен 1 ископаемый вид из Нижнебикинской впадины, датированный палеоген-неогеном [Попова, 1981]. Этот вид в какой-то мере совмещает в себе признаки байкальских *Megalovalvata* и японских *Biwakovalvata*.

Таким образом, можно предположить, что предок гигантских мегаловальват вселился в байкальскую рифтовую зону в миоцен-плиоцене, предок карликовых псевдомегаловальват – в плейстоцене. Потомки первого освоили лitorальные биотопы, а в участках с медленным опусканием дна они способны проникать в сублиторальную зону. Потомки второго попали, вероятно, сначала в сублитораль, а затем в абиссаль вместе с селевыми потоками или ледниковым сносом. Способность цинцинн обитать на заиленных грунтах и питаться детритом и бактериями позволила им адаптироваться к большим глубинам.

Эндемичное семейство Benedictiidae включает 16 видов, объединяемых в 2 рода – *Kobeltochlea* и *Benedictia*. Как и вальватиды, они освоили различные биотопы Байкала, в том числе и глубоководные, но в отличие от вальват гиганты-бенедиктии (высота раковин которых бывает более 5–6 см) обитают не на литорали, а на глубинах выше 80 м (до 200 м). Карликовые виды (высота раковины до 4 мм) населяют, главным образом, глубины выше 300 м (и очень редко меньшие). М.М. Кожов [1962] впервые отметил возможное родство бенедиктиид с северо-американскими моллюсками рода *Fluminicola*. Полученные данные по анатомии 2 групп [Кожов, 1945, 1950; Thompson, 1984; наши исследования] показали, что бенедиктии и флюминиколи настолько близки между собой, что заслуживают объединения в одно семейство. Бенедиктииды – достаточно древняя группа моллюсков в Байкале. Согласно палеонтологическим данным [Мартинсон, 1951; Попова, 1981], в Южном Байкале в олигоцен-миоцене обитали, по меньшей мере, 1 вид бенедиктиид и 2 вида флюминиколь. Последние в более поздних палеонтологических находках не обнаружены, не обитают они и ныне в Северной Азии.

Семейство Baicaliidae – наиболее многочисленное среди байкальских эндемичных моллюсков, включает 8 родов и более 40 видов [Ситникова, 1991]. Байкалиды играют важную роль в биоценозах каменистых и скальных грунтов литорали и песках сублиторали озера, где

они часто доминируют по численности и биомассе. Это самая разнообразная по морфологии и скульптуре раковины группа моллюсков, освоившая все возможные биотопы Байкала.

Семейство Baicaliidae ныне считается эндемичным для Байкала, если не учитывать единственную находку пустой раковины вида *Pyrgobaicalia aenigma*, описанную Я.И. Старобогатовым из оз. Дункульдук на Памире и отнесенную им к семейству Baicaliidae [Старобогатов, 1972]. Сравнивая морфологию раковины байкальских и каспийских моллюсков и отмечая их конхологическое сходство, Б. Дыбовский и Я. Грохматицкий [B. Dybowski, J. Grochmalicki, 1917] высказали предположение о родстве этих групп. В дальнейшем некоторые исследователи, например М.М. Кожов [1936], Я.И. Старобогатов [1970], отрицали непосредственное родство байкальских и каспийских моллюсков, сходство же в морфологии раковины объясняли конвергентностью. Ископаемые раковины *Turritaspidia* из неогенного Паратетиса [Невесская и др., 1986] и *Aenigmatorygus* из неогеновых отложений Горного Алтая [Попова и др., 1970] близки по морфологии телеоконха некоторым современным байкалидам и байкалидам из олигоцен-миоценовых отложений Южного Байкала [Мартинсон, 1951; Попова, 1981]. Это свидетельствует, скорее всего, о существовании в неогене нескольких водоемов со сходными условиями существования, адаптация к которым приводила к образованию близких по морфологии видов.

В последнее время появились сведения о более близком родстве Baicaliidae с Benedictiidae, нежели с другими известными группами моллюсков [Ситникова, Старобогатов, 1998]. Оба обсуждаемые семейства могли произойти в результате разделения видов по способу питания: Benedictiidae – соскрабают пищу, Baicaliidae – “всасывают”. Именно это позволило эволюционировать параллельно друг другу без конкуренции за пищевые ресурсы, параллельно с эволюцией этих пищевых ресурсов (в первую очередь, с фито- и бактериопланкто-

ном, фито- и бактериобентосом) и совместно с развитием биотопов Байкала и всей экосистемы озера.

В Прибайкалье и очень редко в соровой зоне Байкала встречаются моллюски семейства *Bithyniidae*. Они не сумели освоить открытый Байкал, хотя обитают в Прибайкалье с палеогена [Попова, 1981].

Причина, возможно, кроется в том, что они были не способны конкурировать с *Benedictiidae* (с которыми сходны по способу питания) и изменяться под действием биотических факторов. Согласно Гортнеру и Мейр-Бруку [Görthner, Meier-Brook, 1985], эволюционная адаптация эндемичных видов в древних озерах связана не столько с абиотическими факторами среды, сколько с коэволюцией видов посредством трофических связей. Виды, на существование которых влияют, главным образом, физические и химические условия среды, имеют широкие ниши (частично перекрываемые) и не способны противостоять эндемикам.

В палеоген-неогене в Южном Байкале обитали моллюски семейства *Viviparidae* [Мартинсон, 1951; Попова, 1981]. Ныне же они в Байкале и во всей Восточной Сибири отсутствуют.

Брюхоногие легочные моллюски представлены в Байкале субэндемичным родом *Choanomphalus* (*Planorbidae*) и 3 эндемичными родами семейства *Acroloxidae*. Род *Choanomphalus* обычно считается эндемичным для Байкала, однако он включает кроме 7 эндемичных 1 субэндемичный подрод (один вид его обитает в оз. Хубсугул) и 2 подрода, распространенных далеко за пределами Байкала: представители одного (*Lamorbiis*) обитают в Европе и Западной Сибири, представители другого (*Iteroplanoorbis*) – в Приморье и Приамурье [Старобогатов, 1970].

Байкальские хоаномфалусы (22 вида) освоили различные биотопы озера, в том числе и глубоководные районы.

Несмотря на то что из Танхойской свиты известен всего 1 вид, близкий к байкальским хоаномфалусам

[Мартинсон, 1961], можно говорить о третичном вселении в Байкал предков современных *Choanomphalus*.

Из 25 видов моллюсков семейства *Acroloxidae* 24 обитают на глубинах до 36–40 м [Старобогатов, 1989] и только 1 описан с глубины 340–420 м из района подводной гидротермы (у Фролихи) [Ситникова и др., 1993]. Недавно этот глубоководный вид – *Pseudancylastrum (Frolikhiancyclus) frolikhae* – был обнаружен на глубине 100 м в районе мыса Покойники в Северной котловине озера [Adov et al., 1998]. Обитание акролоксуса на больших глубинах можно объяснить существованием здесь мелких камней или гальки – субстрата, необходимого для акролоксид. Внедрение на большие глубины могло произойти вместе с грубообломочным материалом, который был снесен туда либо опускающимся ледником, либо селевым потоком в плейстоцене. Ископаемые находки акролоксусов не известны, родственные связи с внебайкальскими видами в настоящее время не прослежены.

В прибрежно-соровой зоне Байкала обычными обитателями являются легочные моллюски семейства *Lymnaeidae*. Один из его представителей – *Radix intercisa* (Ldh.) – встречается в литорали озера на высшей водной растительности, на которую и откладывает свои кладки. Преадаптация байкальской популяции этого вида к условиям открытого Байкала выражена в продуцировании небольшого количества крупных яйцевых капсул по сравнению с популяциями из более теплых (в летнее время) водоемов. Лимнейды известны в Северной Азии начиная с палеоген-неогена, в Прибайкалье они найдены в плейстоценовых отложениях [Попова, 1981].

В прибрежно-соровой зоне Байкала кроме лимнейид обитают в незначительном количестве палеарктические виды моллюсков семейства *Physidae* и родов *Anisus* и *Armiger* из семейства *Planorbidae*. Один из видов рода – *Anisus (Gyraulus) umbiliciferus* (Kozhov) – является эндемиком Байкала, а другой, близкий к нему *A.(G.) baicalicus* (W. Dub.), населяющий заливы Байкала и прилегающие к нему водоемы, – байкало-сибирским [Бекман, Ст-]

робогатов, 1975]. В Прибайкалье представители Physidae и Planorbidae известны с палеоген-неогена [Попова, 1981].

Таким образом, для большинства байкальских эндемичных моллюсков можно проследить родственные связи с внебайкальскими видами. Наибольшее число эндемичных видов относится к крупным таксонам, представители которых обитают в Байкальской рифтовой зоне, начиная с олигоцен-миоцене. Дальнейшие эволюционные процессы моллюсков в Байкале происходили в ходе развития и усложнения экосистемы озера за период, насчитывающий более 25 млн лет.

Работа выполнена при частичной поддержке РФФИ, грант 98-04-49276а.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бекман М.Ю., Старобогатов Я.И. Байкальские глубокоvodные моллюски и родственные им формы // Новое о фауне Байкала. — Новосибирск; Наука. Сиб. отд-ние, 1975. — Ч. 1. — С. 92–111.

История неогеновых моллюсков Паратетиса / Л.А. Невесская, И.А. Гончарова, Л.В. Ильина и др. — М.: Наука, 1986. — 208 с.

Кожов М.М. Моллюски озера Байкал // Тр. Байкал. лимнол. ст. АН СССР. — 1936. — Т. 8. — 352 с.

Кожов М.М. К морфологии эндемичных моллюсков оз. Байкал. 1. Benedictiidae // Зоол. журн. — 1945. — Т. 24, вып. 5. — С. 277–290.

Кожов М.М. К морфологии эндемичных моллюсков оз. Байкал. // Изв. Биол.-геогр. ин-та Иркут. ун-та. — 1950. — Т. 12, вып. 1. — С. 3–20.

Кожов М.М. Биология оз. Байкал. — М.: Изд-во АН СССР, 1962. — 315 с.

Мартинсон Г.Г. Третичная фауна моллюсков Восточно-го Прибайкалья // Тр. Байкал. лимнол. ст. АН СССР. — 1951. — № 13. — С. 5–92.

Мартинсон Г.Г. Мезозойские и кайнозойские моллюски континентальных отложений Сибирской платформы Забай-

калья и Монголии // Тр. Байкал. лимнол. ст. АН СССР. — 1961. — № 19. — 356 с.

Матекин П.В., Дзубан Т.А., Ситникова Т.Я. О новом виде рода *Benedictia* (Gastropoda, Benedictiidae) из озера Байкал // Зоол. журн. — 1988. — Т. 67, вып. 1. — С. 129–134.

Попова С.М. Кайнозойская континентальная малакофауна юга Сибири и сопредельных территорий. — М.: Наука, 1981. — 188 с.

Попова С.М., Девяткин Е.В., Старобогатов Я.И. Моллюски кзылгирской свиты Горного Алтая. — М.: Наука, 1970. — 95 с.

Палеолимнологические реконструкции. Байкальская рифтовая зона / С.М. Попова, В.Д. Мац, Г.П. Черняева и др. — Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1989. — 111 с.

Ситникова Т.Я. Система байкальских эндемичных моллюсков рода *Megalovalvata* и некоторые вопросы систематики семейства Valvatidae (Gastropoda, Pectinibranchia) // Зоол. журн. — 1983. — № 62, вып. 1. — С. 32–43.

Ситникова Т.Я. К систематике байкальских эндемичных моллюсков семейства Benedictiidae (Gastropoda, Pectinibranchia) // Зоол. журн. — 1987. — Т. 66, вып. 10. — С. 1463–1476.

Ситникова Т.Я. Новая структура байкальского эндемичного семейства Baicaliidae (Mollusca, Gastropoda, Pectinibranchia) // Морфология и эволюция беспозвоночных Байкала. — Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1991. — С. 281–295.

Ситникова Т.Я., Старобогатов Я.И. Половая система и радиула каспийских Pyrgulidae (подсемейства Turrificaspiinae и Caspiinae, Gastropoda, Pectinibranchia) // Зоол. журн. — 1998. — Т. 77, № 12. — С. 1357–1367.

Слутина З.В., Старобогатов Я.И., Корнишин А.В. Двусторчатые моллюски озера Байкал // Ruthenica. — 1994. — № 4(2). — С. 111–146.

Старобогатов Я.И. Фауна моллюсков и зоогеографическое районирование континентальных водоемов земного шара. — Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1970. — 371 с.

Старобогатов Я.И. Новые виды брюхоногих моллюсков из родниковых подземных вод Средней Азии // Тр. Зоол. ин-та АН СССР. — 1975. — № 42. — С. 280–304.

Старобогатов Я.И. Моллюски семейства Acroloidae // Черви, моллюски, членистоногие, фауна Байкала. — Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1989. — С. 42–75.

Старобогатов Я.И., Ситникова Т.Я. Пути видообразования моллюсков озера Байкал // Журн. общ. биол. — 1990. — № 51, вып. 4. — С. 499–512.

Старобогатов Я.И., Ситникова Т.Я. Процесс видообразования в гигантских озерах // Экологические исследования Байкала и Байкальского региона. — Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1992. — Ч. 1. — С. 18–53.

Adov F., Tachteev V., Röpstorf P. Molluscs of Baikal-Lena Nature Reserver (Northen Baikal) // Abstract. World Congress of Malacology, Washington, D.C. / Eds. R. Bieler & P.M. Mikkelsen. — Unitas Malacologica, 1998. — P. 6.

Dybowski B. Bemerkungen und Zusätze zu der Arbeit von Dr. W. Dybowski "Mollusken aus des Uferregion der Baikalsees" // Ежегодник Зоол. Музея Императорской АН. — СПб., 1912. — Т. 17, № 2. — С. 165–218.

Dybowski B., Grochmalicki J. Beiträge zur Kenntnis der Baikalmollusken. I. Baicaliidae. 1. Turribaicaliinae subfam. nova. // Ежегодник Зоол. Музея Императорской АН. — СПб., 1913. — Т. 18, № 2. — С. 267–316.

Dybowski B., Grochmalicki J. Beiträge zur Kenntnis der Baikalmollusken. I. Baicaliidae. 1. Turribaicaliinae subfam. nova. III. Untergattung *Trachybaicalia* (v. Martens) Lindh. // Ежегодник Зоол. Музея Императорской АН. — СПб., 1914. — Т. 19, № 2. — С. 286–322.

Dybowski B., Grochmalicki J. Studien über die Turmförmigen Schnecken des Baikalsees und des Kaspimeeres (Turribaicaliinae – Turrikaspiinae) // Abhandlungen der Kaiserlich-Königlichen Zoologisch-Botanischen Gesellschaft. — Wien, 1917. — Т. 9, N 3. — P. 55–76.

Dybowski B., Grochmalicki J. Badania nad ślimakami bajkalskimi o rozwiniętych skrętach skorupy, oraz nad formami podobnymi z innych miejscowości (Études sur les gastropodes à spirale roulée du lac Baïkal et sur les formes analogues des autres localités) (Liobaicaliinae, Liosarmatiinae, Lioatlantiinae) // Kosmos. — Lwow, 1920. — N 45. — P. 87–100.

Dybowski B., Grochmalicki J. Przyczynki do znajomości mieczaków jeziora Bajkalskiego (Contributions à la connaissance

des Mollusques du lac Baïcal) // Kosmos. — Lwow, 1923. — N 48. — P. 7–58.

Dybowski B., Grochmalicki J. Przyczynki do znajomości mieczaków jeziora Bajkalskiego (Contributions à la connaissance des Mollusques du lac Baïcal), Wladislawiidae nov fam. // Kosmos. — Lwow, 1925. — № 50. — P. 819–881.

Dybowski W. Die Gastropoden-Fauna des Baikal-Sees, Anatomisch und Systematisch bearbeitet // Mémoires de l'Académie Impériale des Sciences. — SPb., 1875. — Т. 22, N 8. — P. 1–73.

Dybowski W. Ein Beitrag zur Kenntnis der im Baikal-See lebenden *Ancylus*-Arten // Бюл. Импер. МОИП. — 1884. — N 4. — P. 145–149.

Dybowski W. Über zwei neue subirische *Valvata*-Arten // Jahrbuch der deutschen Malakozoologischen Gesellschaft. — 1886. — N 13. — P. 106–121.

Dybowski W. Diagnosen neuer *Choanomphalus*-Arthen // Nachrichtenblatt der deutschen Malakozoologischen Gesellschaft. — 1901. — N 33. — P. 119–125.

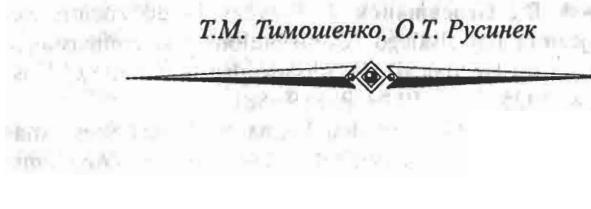
Gorthmer A., Meier-Brook C. The steinheim Basin as a Paleo-Ancient Lake // Lecture Notes in Earth Sciences / Ed. G. Friedman. — 1985. — Berlin; Heidelberg; New York; Tokyo: Springer Verlag. — Т. 1. — P. 322–334.

Sitnikova T.Ya., Fialkov V.A., Starobogatov Ya.I. Gastropoda from underwater hydrothermal vent of Baikal lake // Ruthenica. — 1993. — Vol. 2, N 3. — P. 133–136.

Tompson F.G. North American freshwater snail genera of the Hyrobiid subfamily Lithoglyphinae // Malacologia. — 1984. — Vol. 1, N 25. — P. 109–141.

ЖИЗНЕННЫЙ ЦИКЛ ЧАЕЧНОГО ЛЕНТЕЦА В УСЛОВИЯХ ОЗЕРА БАЙКАЛ

Т.М. Тимошенко, О.Т. Русинек

Б. Дыбовского по праву считают одним из первых экологов, утверждавших, что водоем — есть целостная система, где все организмы связаны между собой и окружающей средой. Эти идеи актуальны при изучении паразитических животных, которых к настоящему времени в Байкале насчитывается 284 вида. При определении их места и роли в экосистеме озера большое значение приобретают исследования жизненных циклов, успешное осуществление которых зависит от трофических и топических связей с другими животными.

Работы по изучению жизненных циклов паразитов на Байкале малочисленны [Скворцов, Талызин, 1940; Судариков, Рыжиков, 1951; Чижова, Гофман-Кадошников, 1960; Жалланова, Белякова, 1986; Пронин, Ринчина, 1986; Русинек, 1989; Тимошенко, Русинек, 1988]. При этом большинство из них посвящены расшифровке жизненного цикла *Diphyllobothrium dendriticum* — лентеца чаек.

Интерес к изучению лентеца чаек на Байкале не случаен. В результате исследований низших ракообразных (более 7 тыс. экз.) были выявлены первые промежуточные хозяева *D. dendriticum*: *Cyclops kolensis*, *Eucyclops serrulatus*, *Macrocylops albidus*, *Mesocyclops leuckartii*, *Diaptomus incongruens*. Естественная зараженность их составила 0,02 %, экспериментальная — 4,2 %. Наиболее зараженными в условиях эксперимента были взрослые стадии *C. kolensis* (41,6 % с интенсивностью от 1 до 12 экз.) и *D. incongruens* (26,6 % с интенсивностью 1—3 экз.).

Приживаемость корацидиев в раках наблюдалась в пределах 0,39 %. Личинки за сутки проникали в полость тела рака и через 3 сут отмечались в цефалотораксе (дорсально от кишечника). Морфологически зрелые процеркоиды были отмечены в ракообразных на 18-е сутки; средние размеры их были $0,62 - 0,01 \times 0,20 - 0,02$ мм.

Для определения вида в первых промежуточных хозяевах изучены морфология и размерная структура эмбриональных крючьев *D. dendriticum*. Личинка имеет 6 крючьев, располагающихся тремя парами: I пара — медианная, II — медиолатеральная, III — латеральная. Крючья I пары короче II и III пар. Рукоятки их тонкие, со слабыми базальными выпуклостями. Отростки простираются параллельно концу лезвия. Крючья II пары имеют хрупкую рукоятку, заканчивающуюся хорошо развитым базальным утолщением. Из-за выдающегося отростка лезвие этой пары имеет объемную серповидную форму. У III пары крючьев лезвия тонкие и длинные, отростки — прямые.

Размеры I пары изменяются в пределах 10,5—11,5 мкм; II — 12,5—12,8; III — 12,4—13,1 мкм. Сравнение полученных данных с материалами других исследователей выявили морфологические особенности байкальского вида *Diphyllobothrium dendriticum* (см. таблицу).

В качестве вторых промежуточных хозяев лентеца чаек зарегистрированы 12 видов рыб: таймень, ленок, омуль, сиг, хариус, налим, 6 видов керчаковых (или рогатковых) рыб (*Cottoidei*) — широколобки: большеголовая, ушканская, жирная, длиннокрылая, желтокрылая, голомянка большая [Заика, 1965; Пронин и др., 1988].

Облигатными дополнительными хозяевами служат омуль, сиг и хариус, зараженные на 30—100 %. Капсулы с плероцеркоидами обнаруживаются на пищеводе, стенках желудка, пиларических отростках, в жировой ткани, иногда в почках и половых органах. В рыбах в инкапсулированном состоянии паразит может существовать в течение 2 лет [Пронин, 1981].

Дефинитивными хозяевами лентеца на Байкале являются 10 видов птиц: серебристая, сизая и озерная чай-

Сравнительные размеры эмбриональных крючьев
Diphyllobothrium dendriticum (по разным авторам), в мкм

Параметры	Наши данные (оз. Байкал)	По Bylund [1975] (Финляндия)	По Yamane et al. [1989] (Финляндия)
I пара крючьев			
Длина крючьев	10,99±0,02 (10,00–12,50)	11,10±0,06 (10,30–12,00)	11,11±0,10 (10,50–12,00)
Длина лезвия	4,28±1,12 (3,40–5,70)	4,50±0,03 (4,30–5,00)	4,25±0,11 (3,00–5,00)
Длина отростка	1,22±0,05 (0,90–1,50)	1,70±0,02 (1,50–1,80)	2,00±0,07 (1,50–2,50)
II пара крючьев			
Длина крючьев	12,68±0,12 (10,90–13,20)	12,70±0,06 (12,00–13,80)	12,80±0,08 (12,00–13,75)
Длина лезвия	4,66±0,09 (3,40–5,30)	4,80±0,03 (4,50–5,00)	4,25±0,11 (3,00–5,00)
Длина отростка	1,76±0,05 (1,30–2,30)	2,90±0,03 (2,50–3,30)	2,78±0,05 (2,25–3,25)
III пара крючьев			
Длина крючьев	12,76±0,08 (11,70–13,80)	12,40±0,07 (11,30±13,00)	12,25±0,08 (11,75–13,00)
Длина лезвия	5,00±0,08 (4,30–6,00)	4,90±0,03 (4,50–5,30)	4,78±0,06 (4,50–5,25)
Длина отростка	2,12±0,05 (1,60–2,70)	3,10±0,03 (2,80–3,80)	2,96±0,005 (2,50–2,75)

Примечание. В скобках – пределы колебаний.

ки, большая и черношейная поганки, краснозобая и чернозобая тагары, длинноносый и большой крохали, черная ворона. Основные дефинитивные хозяева *D. dendriticum* – чайковые птицы (Laridae). Зараженность их в разные сезоны колеблется от 10 до 80%; максимум инвазии отмечен в июне–июле.

Ведущая роль в циркуляции летенца принадлежит серебристой чайке – наиболее многочисленному хозя-

ину паразита, имеющему устойчивые трофические связи с дополнительным хозяином – омулем. Численность серебристой чайки составляет 15–16 тыс. экз. и имеет тенденцию к росту [Пыжьянов и др., 1989]. Основную часть в питании птиц составляют рыбы (более 80%) [Скрябин, Размахнина, 1978].

По данным кольцевания [Скрябин и др., 1981], серебристые чайки прилетают на Байкал с побережья Желтого моря (в апреле) и не заражены дифиллотриидами. Заражение происходит после освобождения озера ото льда. Максимум зараженности наблюдается в середине лета, когда омуль более доступен птицам. В августе показатели инвазии снижаются, потому что рыбный корм становится малодоступен (рыбы выходят в глубоководный Байкал), и вновь зараженность увеличивается в сентябре, при заходе омуля в нерестовые реки.

На долю серебристой чайки приходится более 90% численности гемипопуляции лентеца, причем 50% их встречается в районе Малого Моря, несмотря на то, что здесь обитает только 20–30% всех чаек, живущих на Байкале [Некрасов и др., 1988]. Здесь имеются благоприятные условия для осуществления цикла развития паразита. Температурные условия обеспечивают высокую численность зоопланктона первых промежуточных хозяев лентеца. Здесь же отмечена высокая концентрация омуля в нагульный период.

Из-за экологической разобщенности наземных млекопитающих с рыбами их роль в поддержании очага дифиллотриоза невелика. *D. dendriticum* обнаружен в нерпе, но гельминты были с неразвитой половой системой. Нерпа, вероятно, не является облигатным хозяином лентеца [Делямуре, 1982].

D. dendriticum имеет большое эпидемиологическое значение. Зараженность людей в 1985–1986 гг. составила 2,8% в Кабанском районе и 12% на Малом Море [Майборода и др., 1990]. Значительные показатели зараженности связаны с промысловым ловом рыбы в этих районах, развитием туризма и специфическими способами приготовления рыбы для питания. В клини-

ческой картине у инвазированных лентециом людей наблюдались симптомы умеренной общей интоксикации. У некоторых больных были головные боли, общая слабость, тошнота, неспецифические аллергические реакции.

Таким образом, получены достаточно полные сведения о жизненном цикле лентеца чаек: паразит созревает в чайке в течение 5–7 сут. Репродуктивный период лентеца составляет 7–10 сут. Общая продукция яиц, выделенных одним паразитом, насчитывает 73,7–3,7 млн шт. [Пронин и др., 1989]. Яйца с птичьими фекалиями попадают в воду, из них на 5–7-е сутки выходят корацидии. Выход корацидии в экспериментальных условиях составляет 89–96 %. Продолжительность жизни корацидии в воде достигает 7–9 сут. Корацидии поедаются веслоногими ракообразными (*Cyclopoida* и *Calanoida*) и развиваются в процеркоид. Дальнейшее развитие лентеца связано с рыбами (плероцеркоид) и птицами (взрослый паразит).

Установленная степень зараженности паразитом промежуточных и дефинитивных хозяев позволяет оценить и при необходимости контролировать эпизоотологическую и эпидемиологическую ситуацию по *D. dendriticum* в оз. Байкал. Кроме того, полученные результаты расширяют наши представления о паразитарной системе *D. dendriticum* и дают возможности для использования этого вида в качестве индикатора состояния экосистемы озера.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Делямуре С.Л., Попов В.Н., Михалев Е.С. Гельминтофауна байкальской нерпы // Морфофизиологические и экологические исследования байкальской нерпы. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1982. – С. 99–122.

Жалцанова Д.-С.Д., Белякова Ю.В. Биология *Quinqüeserialis quinqüeserialis* (Barker et Langhlin, 1911) (Trematoda, Notocotylidae) – паразита ондатры в Прибайкалье // Паразитология. – 1986. – Т. 20. – С. 323–326.

Заика В.Е. Паразитофауна рыб озера Байкал. – М.; Л.: Наука, 1965. – 106 с.

Майборода А.А., Тимошенко Т.М., Казакова А.А. и др. К изучению природного очага дифиллоботриоза в проливе Малое Море оз. Байкал // Паразиты и болезни гидробионтов Ледовитоморской провинции. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1990. – С. 135–140.

Некрасов А.В., Пронин Н.М., Санжиева С.Д. и др. Состав дефинитивных хозяев *Diphyllobothrium dendriticum* (Nitzsch, 1824) и распределение его имагинальной гемипопуляции по акватории Байкала // Мед. паразитология и паразитарные болезни. – 1988. – № 6. – С. 69–71.

Пронин Н.М. Экологический анализ паразитофауны омуля // Экология, болезни и разведение байкальского омуля. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1981. – С. 145–160.

Пронин Н.М., Пронина С.В., Санжиева С.Д. Зараженность рыб бассейна озера Байкал плероцеркоидами лентеца чаечного // Мед. паразитология и паразитарные болезни. – 1988. – № 4. – С. 64–67.

Пронин Н.М., Ринчино В.Л., Кудряшов А.С. и др. О промежуточных хозяевах цестоды *Cyathocephalus truncatus* в водоемах Байкало-Ангарского бассейна // Тр. ГЕЛАН. – М.: Наука, 1986. – Т. 34. – С. 72–79.

Пронин Н.М., Тимошенко Т.М., Санжиева С.Д. Динамика яйцепродукции и плодовитость цестоды *Diphyllobothrium dendriticum* (Cestoda: Pseudopyllidea) // Паразитология. – 1986. – Т. 23, вып. 2. – С. 146–152.

Пыжьянов С.В., Скрябин Н.Г., Садков В.С. и др. Условия обитания, размещение и численность серебристой чайки на Байкале // Исследования по экологии и морфологии животных. – Куйбышев, 1989. – С. 69–81.

Русинек О.Т. Цикл развития *Proteocephalus thymalli* (Cestoda: Proteocephalidae) – паразита сибирского хариуса озера Байкал // Паразитология. – 1989. – Т. 23, вып. 6. – С. 518–522.

Скворцов А.А., Талызин Ф.Ф. Цикл развития малого лентеца *Diphyllobothrium minus* (Cholodk.) // Докл. АН СССР. Нов. сер. – 1940. – Т. 27, № 6. – С. 619–621.

Скрябин Н.Г., Размахнина О.В. Питание чаек и крачек Байкала // Роль птиц в биоценозах Восточной Сибири. – Иркутск, 1978. – С. 44–52.

Скрябин Н.Г., Садков В.С., Пыжьянов С.В. и др. Результаты кольцевания чаек и крачек на Байкале // Экология и охрана птиц: Тез. докл. VIII Всесоюз. орнитол. конф. — Кышинев, 1981. — С. 209.

Судариков В.Е., Рыжиков К.М. К биологии *Contracaecum osculatum baicalensis* — нематоды байкальской нерпы // Тр. ГЕЛАН. — 1951. — Т. 5. — С. 59–66.

Тимошенко Т.М., Русинек О.Т. О первых промежуточных хозяевах *Diphyllobothrium dendriticum* // Проблемы экологии Прибайкалья: Тез. докл. 3-й Всесоюз. конф. 5–10 сент. 1988. — Иркутск, 1988. — С. 33.

Чижова Т.П., Гофман-Кадошников П.Б. Природный очаг дифиллотриоза на Байкале и его структура // Мед. паразитология и паразитарные болезни. — 1960. — Т. 29, вып. 2. — С. 687–692.

Bylund G. The taxonomic significance of embrionic hooks in four European *Diphyllobothrium* species (Cestoda, *Diphyllobothriidae*) // Acta Zool Fenn. — 1975. — Vol. 142. — P. 1–22.

Yamane V., Shiwaki K., Abe K. et al. The taxonomic differences of embrionic hooks in *Diphyllobothrium nihonkaiense*, *D. latum* and *D. dendriticum* // Parasitol. Res. — 1989, N 75. — P. 549–553.

ПТИЦЫ БАЙКАЛА

Н.Г. Скрябин

Изучение птиц Байкала было начато участником экспедиции П.С. Палласа Иоганном Готлибом Георги (1772 г.). Им был составлен первый их список, включавший 23 вида водоплавающих птиц, относящихся к отряду пластинчатоклювых. После поездки Георги орнитологические работы на Байкале и во всей Восточной Сибири надолго прервались. С учреждением Сибирского отдела РГО организуется Сибирская экспедиция с участием орнитолога Г.И. Радде. Собранные им сведения были опубликованы в 1863 г. в его капитальном труде “Путешествие на юг Байкала”. Интересны его сообщения о многочисленности гусей в летнее время в устье Верхней Ангары и дельте Селенги.

Выдающуюся роль в изучении орнитофауны Байкала и Восточной Сибири сыграли труды ссыльных поляков Бенедикта Дыбовского и Виктора Годлевского. Поселившись в 1868 г. в поселке Култук, они начали интенсивное исследование птиц в его окрестностях. В первый год своих работ на Байкале они обнаружили 211 видов птиц, из них 16 видов водоплавающих (1870 г.). Всего же на территории Южного Прибайкалья зарегистрирован 291 вид. Следует отметить, что в своих работах они не ограничивались приведением простых списков птиц, а сопровождали их фаунистическим анализом. Исследователи разделили всех птиц, встреченных в районе работ, на группы: гнездящиеся, прилетающие только на зиму и проживающие постоянно, привели приближенные сроки основных фенологических явле-

ний (прилет, гнездование, отлет). Последнее стало возможным в связи со стационарным, круглогодичным наблюдением в природе. В этом состоит огромная заслуга Б. Дыбовского и В. Годлевского: до сих пор все работы проводились экспедиционным способом, что не могло дать сведений по экологии.

Собранные шкурки птиц поступили, главным образом, в Варшаву к В. Тачановскому и послужили основой для написания двух статей на русском языке (1872, 1877 гг.). Они же легли в основу опубликованной тем же автором в 1891–1893 гг. монографии “Орнитологическая фауна Восточной Сибири”.

После отъезда ученых из Култука (1872 г.) орнитологические работы на Байкале опять замерли. Лишь в 1914–1915 гг. Г.Г. Доппельмаиром проведены сборы на территории Баргузинского заповедника, включающие 75 видов птиц. В 1922–1923 гг. здесь же коллектировал птиц С.С. Турков, которым было добыто 201 экз. более чем 80 видов.

В 1930–1945 гг. сборы орнитологического материала проводили Б.К. Штегман (Северный Байкал), К.К. Волгинцев (Южный Байкал), в 1954–1960 гг. – Л.И. Малышев (Северный Байкал, Чивыркуйский залив), О.К. Гусев, Н.Г. Скрябин (Баргузинский заповедник).

Начиная с 1946–1948 гг., птиц Прибайкалья изучала Т.Н. Гагина. Как итог всей предшествующей работы в 1961 г. ею был составлен список птиц Восточной Сибири, а в 1988 г. опубликован список птиц оз. Байкал, включающий 337 видов. В 1975 г. вышла монография Н.Г. Скрябина “Водоплавающие птицы Байкала”. В 1975 г. Ц.З. Доржиев, А. Бод и др. опубликовали список птиц бассейна Байкала, охватывающий 319 видов.

Наиболее изученными в орнитологическом плане в настоящее время оказались Баргузинский заповедник, дельта р. Селенги, Чивыркуйский залив и пролив Малое Море с его островами. С организацией двух заповедников и национальных парков, а также орнитологической станции на р. Селенге, стационаров на Малом Море и Верхней Ангаре, принадлежащих НИИ биоло-

гии при Иркутском университете, успешно развивались исследования птиц экологического и экосистемного плана (динамика численности, продуктивность орнитоценозов, мониторинг, миграции птиц).

Ввиду горного характера побережья Байкала, размещение орнитофауны в его котловине отличается крайней неравномерностью. Основная часть населения птиц приурочена к долинам рек, впадающих в Байкал, особенно к их приусыевым участкам и пойменным озерам. Обширные же водораздельные пространства, покрытые лесами таежного типа, заселены ими значительно беднее как в количественном, так и в качественном отношении. Указанные особенности во многом определяют динамику численности птиц в условиях современного все возрастающего антропогенного воздействия на природу Байкала.

В последнее время наиболее мощным фактором, повлиявшим на орнитофауну озера, стало искусственное поднятие его уровня на 1,5 м от средней многолетней отметки, вызванное строительством Иркутской ГЭС и зарегулированием стока р. Ангары. Это повлекло за собой разрушение наиболее биологически продуктивных прибрежных биоценозов, включая и орнитоценозы (крупные популяции околоводных птиц). Особенно пострадали низкие придельтовые участки крупных рек (Селенга, Верхняя Ангара и Кичера), перешеек п-ва Святой Нос – основные очаги гнездования водоплавающих, куликов и чайковых – и исток Ангары как место уникальной зимовки гоголей в Сибири.

В настоящее время при относительной стабилизации нового уровня Байкала на вновь формируемых побережьях биотопах начинают восстанавливаться некоторые популяции околоводных птиц. Ввиду незаконченности этого процесса и продолжающихся колебаний уровня воды в результате работы гидроэлектростанций Ангарского каскада, а также наложения естественных сезонных и межгодовых изменений уровня, численность и, особенно, успешность размножения водоплавающих птиц остаются низкими. В то же время появление на

гнездовые таких видов, как белокрылая и белошекая крачки, чеграва, рост численности черношейной поганки мы связываем с **повышением уровня воды**. Значительных изменений в численности водоплавающих, останавливающихся на дневку на период миграции, не отмечено. Лишь гуменник и лебедь-кликун стали на пролете редкими.

Существенным фактором, влияющим на орнитофауну Байкала, стала резко усиливающаяся деятельность человека: выпас скота, особенно в водно-болотных биоценозах, весенние палы, беспокойство птиц во время их гнездования, рекреация, весенняя охота. Это приводит не только к **непосредственному уничтожению птиц и их кладок**, но и к резкому увеличению случаев разорения гнезд пернатыми хищниками при поспешном взлете с них взрослых особей. Прямым вмешательством человека можно объяснить снижение численности гнездящихся лебедей до **нескольких пар**, значительное **сокращение** числа **большого** и длинноносого крохалей, турпана, линяющих гоголей, скопы, орлана-белохвоста, сапсанов и др., исчезновение сухоноса, таежного гуменника, серого гуся, большого баклана.

Фактор беспокойства птиц, особенно во время их гнездования, привел к значительному снижению численности наземногнездящихся лесных птиц (**боровая дичь, пеночки, некоторые дрозды и др.**). Особенно это сказалось в окрестностях таких крупных туристических баз, как "Бухта Песчаная". Большое количество туристов, приезжающих ежедневно в бухту Песчаную, на Байкальскую биологическую станцию в пос. Большие Коты, на Кругобайкальскую железную дорогу, устраивающих привалы в любых понравившихся им местах и с шумом расходящихся по побережью Байкала, практически лишает птиц условий спокойного проживания, насиживания и вывода птенцов и заставляет их покидать подобные участки.

Особый интерес представляет явное увеличение численности серебристой и озерной чаек на гнездовые

(почти в 2 раза), что по времени совпадает с аналогичным явлением, наблюдаемым почти по всему ареалу.

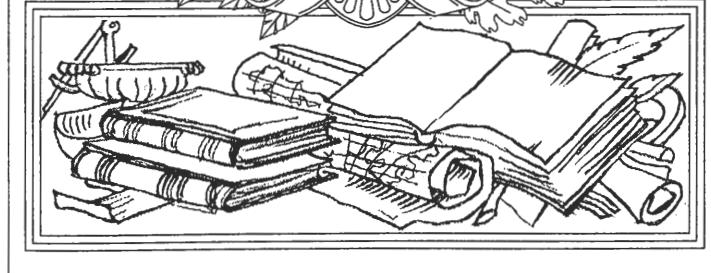
Для птиц – обитателей тайги Прибайкалья – основным фактором, вызывающим глубокие изменения численности, видового состава и распределения их, являются лесные пожары, вызываемые человеком, число которых в настоящее время, к сожалению, возрастает.

Если не принимать решительных и кардинальных мер по охране птиц и регламентации их рационального использования и регуляции численности, то неблагоприятная тенденция в сокращении количества важных в охотничьем плане птиц и птиц редких еще более усугубится.

Следует обратить особое внимание на охрану водно-болотных биоценозов. Расположенные в приустьевых участках рек, они характеризуются высокой биологической продуктивностью, которая достигает здесь наибольших показателей среди всех биоценозов открытых естественных ландшафтов. В то же время они несут на себе и очень высокую антропогенную нагрузку, резко сказывающуюся на их структуре и функционировании (охота, рыбная ловля, выпас скота, сенокошение, мелиорация, сброс бытовых и сточных вод). Нестабильность гидрологического режима водно-болотных биоценозов приводит к изменению многих количественных параметров популяций растений и животных, что влечет за собой резкие колебания биологической продуктивности экосистем и требует к себе адекватного отношения при ее использовании.

II

МАТЕРИАЛЫ И
ДОКУМЕНТЫ
БЕНЕДИКТА
ДЫБОВСКОГО
И
ЕГО КОЛЛЕГ

ГУМАНИТАРНЫЙ АСПЕКТ
НАУЧНОГО МИРОВОЗРЕНИЯ
БЕНЕДИКТА ДЫБОВСКОГО
И ЕГО ОТРАЖЕНИЕ
В СИБИРСКОМ НАСЛЕДИИ УЧЕНОГО

Б.С.Шостакович

Стереотипы мышления – весьма распространенное и живучее явление обыденного сознания, примеры которых можно обнаружить даже в самых, на первый взгляд, казалось бы, бесспорных и проверенных временем представлениях. Не составляет исключения в этом смысле и утвердившееся мнение о Бенедикте Дыбовском. Его выдающийся вклад в зоологию и зоогеографию современной ему эпохи, в частности первые системные научные описания Байкала, положившие начало современному изучению этого уникального озера-моря, и ряд иных зоолого-биологических работ в Дальневосточном регионе – таковы те безусловные и общепризнанные научные заслуги ученого, в прокрустово ложе которых до сих пор “вгоняется” и жестко ими же ограничивается его во всех отношениях необычна, неординарная личность. В большинстве отечественных справочных изданий Б. Дыбовский традиционно представляется именно в рамках подобных характеристик. В качестве примера укажем на статьи о нем во втором и третьем изданиях *Большой советской энциклопедии*, где характеристика Б. Дыбовского сводится к односложному определению – “польский зоолог”, между прочим, при этом же собственное имя польского зоолога подается в неправильном, русифицированном его виде – Венедикт, а настоящая его польская форма – Бенедикт – указывается почему-то лишь в скобках*.

*Строго говоря, и эта транскрипция не вполне верна. Автор данного очерка давно предложил наиболее правильное транскриби-

Между тем в многосторонней деятельности и в обширном наследии Б. Дыбовского, касающихся Сибири, наряду с отмеченными выше его выдающимися достижениями натуралиста-зоолога отчетливо прослеживается также весьма оригинальный аспект его же незаурядной деятельности в гуманитарной области знаний. Вопрос об этом неоднократно затрагивался автором данной публикации. Впервые внимание к гуманитарной стороне обширного наследия Б. Дыбовского, касающегося Сибири, было привлечено им в 1989 г. на проходившем в Иркутске советско-польском симпозиуме, посвященном истории исследований поляками Восточной Сибири и Байкала. В докладе, а также в одновременно опубликованной развернутой статье на ту же тему [Шостакович, 1989 а, б] были проведены первоначальные систематизация и анализ целой группы произведений гуманитарного содержания о Сибири, которые принадлежат перу выдающегося ученого и существуют наряду со значительно более известными российской общественности его же зоолого-биологическими трудами.

Соответствующие работы Б. Дыбовского, в просторечии именуемые его “воспоминаниями”, в действительности достаточно разноплановы по своему видовому и жанровому характеру. Подчас они представляют сложную совокупность – от непосредственно эпистолярных, дневниковых и мемуарных, до чисто исследовательских, источниковедческих, исторических, очерково-биографических и публицистических произведений. Даже специалисты-сибириеведы до обидного мало знакомы с этими содержательными трудами польского ученого. За минимальными исключениями они нигде не рассмат-

рование данного имени как *Бенедыкт*. Учитывая однако, что эта форма с трудом преодолевает инерцию привычки большинства русскоязычных читателей, а также помогает избежать дополнительных трудностей в унификации написания этого и ему подобных польских имен, при подготовке публикаций настоящего сборника написание имени принято в сделавшемся привычным упрощенном его русском транскрибировании.

риваются и не используются – ни как источниковый, ни как историографический материал.

В связи с вышеизложенным автором данной статьи высказаны рекомендации по введению этого комплекса материалов в практический обиход. Параллельно была начата работа по выявлению и систематизации документальных материалов гуманитарного характера из наследия Б. Дыбовского [Шостакович, 1993; Szostakowicz, 1991], о чем дальше будет сказано подробнее. Для развития ранее поставленных задач изучения гуманитарных материалов, относящихся к выдающемуся польскому естествоиспытателю, в нескольких последних источниковедческих прикладных разработках [Шостакович, 1999] проведен анализ фрагментов документального наследия Б. Дыбовского.

Тем не менее приходится, к сожалению, констатировать, что и по прошествии ряда лет указанные исследовательские предложения и первые опыты по их реализации все еще остаются одиночными пионерскими разработками. Они недостаточно попадают в поле зрения специалистов (особенно в области естествознания) и еще менее учитываются ими. Поэтому и рассмотренные в указанных работах данные о многообразных замечательных достижениях Б. Дыбовского не только в сфере его непосредственных “профильных” специальностей, но также и в гуманитарных областях знания (в частности, в истории) во всероссийской научной среде пока еще не приобрели сколько-нибудь широкого распространения. В отечественном стереотипном представлении Б. Дыбовский и ныне все еще воспринимается (даже в научной среде) исключительно как естествоиспытатель: биолог и зоолог, проводивший свои исследования в Сибири и на Дальнем Востоке. Лишь изредка встречаются упоминания о нем как о враче, одновременно там же практиковавшем. В подобной характеристике Б. Дыбовского, как правило, не содержится даже фрагментарных указаний на его гуманитарные занятия и интересы, тем самым истинные масштаб и значимость личности этого исследователя, представления о его на-

учном мировоззрении заметно обедняются и выхолащаются.

В сравнении с русской (советской) историографией, в польской обнаруживаются не только значительно большая информированность о деятельности гуманитарного характера, которую вел этот выдающийся ученый и общественный деятель, но и известные попытки ее первичного научного анализа. Среди первых авторов, посвятивших свои работы изучению деятельности ученого, наряду с З. Вержбицким, затронувшим в своем научном очерке общественно-философские взгляды Б. Дыбовского [Wierzbicki, 1974], был А. Трэпка. В 1979 г. он опубликовал весьма оригинальную и, не побоимся сказать, этапную в разработке данной темы монографию о выдающемся ученом-натуралисте, где впервые предпринял попытку специального освещения и характеристики некоторых из гуманитарных аспектов его деятельности в общем контексте долгого (без малого 50-летнего) львовского периода жизни профессора, неизменно и заслуженно игнорировавшегося вниманием всех прежних его биографов.

Следует отдать должное названному исследователю, предпринявшему серьезные усилия, чтобы максимально полно описать жизнь и деятельность профессора Дыбовского. Вместе с тем в характеристике воззрений выдающегося польского биолога автором указанной работы, на наш взгляд, оставлено существенное противоречие, не объясненное в полной мере. Такова отмеченная в книге очевидная, с точки зрения А. Трэпки, недооценка и даже как бы принижение Дыбовским значимости гуманитарных дисциплин и одновременное отстаивание им позиций, позволяющих, по мнению его же, вполне заслуженно назвать ученого “большим гуманистом” [Trepka, 1979]. Причину этой неувязки, как представляется автору данного очерка, следует искать в том, что интерпретация рассуждений Дыбовского по указанному предмету проводилась не вполне адекватно логике выдвигавшейся им самим своеобразной концепции, далекой от традиционалистских научных подходов.

Особо следует выделить монографию Г. Бжэка [Bżęk, 1994], где впервые представлена известная систематизация всех отраслей научного знания, в которые Дыбовский внес свою лепту. Он также впервые кратко отнесен и охарактеризован как историк и мемуарист — при том, что большее внимание уделено его заслугам в областях этнологии и языкоznания и совершенно незамеченной оставлена столь же очевидная его роль в источниковедении. Что касается сложившегося в результате деятельности открывателя байкальской фауны значительного сибирского источникового наследия, то, как можно заключить из всего изложенного выше, оно и в польской научной литературе до сих пор не сделалось объектом целенаправленного системного изучения специалистами.

В данном месте очерка автор акцентировал внимание на том обстоятельстве, что интерес Б. Дыбовского к гуманитарным наукам был совершенно не случаен. Его природа коренилась в глубоком убеждении ученого, что существует общая биологическая первооснова всякого рода знаний, в том числе и гуманитарных. Все научные знания, согласно его трактовке, могут быть синтетически увязаны в рамках единственной общей науки — антропологии. Последняя понималась Дыбовским как универсальная наука о человеке, где находят свое органическое слияние все “ветви” знания на общем их “материнском, биологическом стволе” [Dybowski, 1897].

Он же полагал, что антропология может служить научным “необходимым условием” для “усиления нравственности человечества”. По Дыбовскому, антропологические исследования окончательно должны привести человечество к убеждению, что все люди братья, все расы способны к прогрессу на путях культуры и цивилизации, а обязанность антропологов состоит в том, чтобы свою деятельность направить к устранению расовых, племенных и национальных предубеждений [см.: Dybowski, 1912; Шостакович, 1989 б]. Стоит подчеркнуть, что данные заключения были высказаны, по край-

ней мере, за полвека до распространения расистско-фашистских идеологических измышлений. Едва ли следует убеждать в том, насколько актуально и прогрессивно звучит этот последний тезис и ныне, спустя 120 лет после того, как был впервые высказан.

В целом изложенная доктрина Б. Дыбовского, несомненно, заслуживает серьезного осмысления и характеристики с позиций современной науки. В особенности это касается науки отечественной, для которой воззрения Б. Дыбовского в отмеченных ракурсах до сих пор почти не знакомы. Естественно, позиция ученого оказывается во многом непривычной для традиционно устоявшихся представлений по этому вопросу.

При рассмотрении данной концепции необходимо также принимать во внимание индивидуальные черты, присущие личности корифея байкаловедения: бескомпромиссность и полемическую страстность (подчас заразительность), с которой он выступал в клерикально-консервативной атмосфере австро-венгерской Галиции в защиту своих позиций “во имя научной правды”. Подобный эмоциональный накал в сфере морально-теоретического противоборства не всегда способствовал точности и взвешенности некоторых его высказываний и оценок. В ситуациях такого рода профессор Дыбовский проявлял иногда излишнюю категоричность, подчас впадая в крайности, допускал и отдельные заблуждения. Известно, например, что идея Дыбовского о создании некоего научно-исследовательского антропологического института (или музея), где бы были посмертно сосредоточены костные и иные элементы телесных останков наиболее известных представителей рода человеческого, и попытка осуществления ее на практике, были восприняты без большого энтузиазма (см.: Ю. Талько-Грынцевич, наст. сборник). Все отмеченное дало основание биографам ученого, кто сколько-нибудь серьезно уделил внимание данной стороне его научно-методологической деятельности, для общих скептических заключений о нем как о “неисправимом мечтателе-идеалисте”.

Однако означает ли это, что как мыслитель и философ, пытающийся заглянуть далеко вперед (в том числе и в области общественного развития), выдающийся “открыватель” Байкала был в указанной научной проблематике всего-навсего ограниченным и наивным утопистом? Автору данного очерка представляется, что ответ на этот вопрос, несомненно, должен быть отрицательным. Он же полагает, что величие замечательного ученого состоит именно в отсутствии ограниченности его интересов рамками узкого, “отраслевого” профессионализма. Дыбовский обладал достаточно редким талантом широкого взгляда сквозь призму собственных знаний и богатого опыта исследователя-натуралиста на самые различные проблемы и сферы человеческого бытия, в том числе и гуманитарного свойства. При этом весьма смелые его научные гипотезы не умещались в пределы привычных дисциплинарных границ или представлений, традиционно устоявшихся в современной ему науке. Более того, приходится признать, что многие из них и до сих пор не получили достаточной известности, не осмыслены и не оценены по достоинству.

Видное место среди таких гуманитарных идей Б. Дыбовского занял его необычный футурологический проект, предусматривающий обновление человечества в Новой Европе, который уже был рассмотрен автором этих строк в более ранней публикации о нем [Шостакович, 1989 б]. Не повторяясь в данном случае в изложении названного проекта, обратим внимание лишь на некоторые из постулатов такового, высказанных ученым более 80 лет назад. В частности, речь идет о “равенстве и свободе” как “принципе общежития народов и государств” и принятии в качестве международного языка эсперанто, “объединяющего все человечество посредством братской речи в одну большую семью”. Задумаемся, как воспринимаются эти положения, казавшиеся совсем недавно беспочвенной утопией, в конце 1990-х годов, когда бурно развивается наднациональный феномен Европейского Союза. При этом существует новейшая информация о том, что 11 членов его Европар-

ламента “поддерживают идею использования эсперанто для общения внутри Сообщества”, ибо “в качестве международного языка предпочтительнее использовать нейтральный язык” и “многое говорит о том, что язык эсперанто готов к исторической миссии всеобщего языка” [Высоковский, 1998].

Здесь же отметим еще один своеобразный подход Б. Дыбовского к чрезвычайно актуализированной в современный период охране природы, в частности лесов и в целом растительного мира. По глубокому убеждению ученого, растения обладают психическими реакциями, свойственными всему живому, а потому их порубки, ломка и всякое уничтожение сродни убийству. Отсюда следуют его размышления о бессмыслиности уничтожения елей на рождественские празднества, “немилосердно срубленных для минутной забавы”, и о том, что можно было бы заменить массу уничтожаемых деревьев искусственными. Так, казалось бы, несколько фантастическая натуралистская гипотеза в дальнейших рассуждениях Дыбовского уже начинает приобретать очертания актуальной ныне экологической проблемы.

При этом мысль ученого не ограничилась изложенным, но своеобразно провела связь этой последней с совершенно определенными социальными аспектами. С одной стороны, в его интерпретации человек – не царь всей живой природы, но ее брат, ибо он равнозначен как с животными, так и с растениями общим “началом из первичной клетки”, тем самым, выражаясь современной терминологией, он как бы включает человека в круг биосферы. С другой стороны, польский естествоиспытатель эти свои общетеоретические концепции сопоставляет с конкретными проявлениями отношения человека к природе. Какую любовь к дереву можно ожидать “там, где даже к людям нет любви, где целые племена и народы служат для забавы сатрапов и оказываются отданы бюрократии на съедение”, – с искренним возмущением восклицает ученый, неизменно верный своим гуманистическим и демократическим идеалам. Подмеченные же им в период пребывания в Сибири и

районе его поразившее повсеместное отсутствие зеленой растительности в сибирских населенных пунктах вместе со своеобразной “ненавистью к деревьям” у местного населения, он по-своему объясняет (заметим сразу, достаточно односторонне и не бесспорно) сильным психологическим воздействием на сибирское население соседних монголов-степняков [Dybowski, 1907, 1912].

Но как бы ни расценивать взгляды ученого, вполне очевидно, что именно подобное своеобразное его отношение к науке заставляло остро ощущать гуманистическую, социальную сущность последней, придавать таковой принципиальное значение. Не случайно современниками и близко знавшими Дыбовского коллегами отмечалось, что им всегда руководил альтруизм – непременная забота об “общественной пользе” своей деятельности, стремление подчинить ее “общечеловеческой выгоде”. Сам ученый не уставал повторять, что познание “научной правды” должно указать путь к достижению лучшего или более нравственного будущего и человеческой общности “идеальных альтруистов”. Все это дало основание одному из современных польских биографов Б. Дыбовского К. Ковалской назвать его “последним эпигоном романтизма, заблудившимся в рационалистическом двадцатом веке” [Kowalska, 1960, S. 26], на который пришлось целое 30-летие его долгой жизни.

Как показывают исследования, проведенные автором в недавний период, гуманитарная часть сибирского наследия Б. Дыбовского по своему составу далеко не ограничивается одними лишь печатными его мемуарно-очерковыми произведениями. Существует не менее значительный по объему массив неопубликованных документов и материалов, связанных с сибирской темой в жизни этого ученого, которые рассеяны по различным архивам и фондам ряда центров России, Украины и Польши. Первые опыты их сводной аналитичной характеристики были представлены автором этих строк в публикациях в отечественной и в польской специальной литературе [Szostakowicz, 1991; Шостакович, 1993].

Указанные источники подразделяются на несколько групп, которые в данном случае обозначаются автором в самых общих чертах.

Ценные в фактологическом отношении документы официального характера затрагивают различные обстоятельства пребывания и деятельности Б. Дыбовского и его коллег в сибирской ссылке и в последние годы его добровольной службы на востоке России. Материалы такого рода были выявлены нами в областных архивах Иркутска и Читы, в Центральном архиве Дальнего Востока и в архиве Русского географического общества.

Среди неизученных пока источников, непосредственно относящихся к сибирской "дыбовскиане", совершенно особое место занимают обширные рукописные коллекции, хранящиеся в различных архивах Польши. Это эпистолярные материалы, значительную долю которых составляет внушительный архив личной переписки Дыбовского, находящийся в настоящее время в Отделе рукописей библиотеки Ягеллонского университета (Краков). Он состоит из десяти объемистых папок, расположенных в алфавитном порядке фамилий корреспондентов ученого и содержащих богатейшую оригинальную источниковую информацию. Среди авторов писем в указанном собрании отметим Я. Черского, А. Чекановского, Ф. Ширяева (правителя дел ВСОГРО, ведшего переписку с Дыбовским в 1913–1915 гг.), Г. Верещагина (основателя Байкальской лимнологической станции).

Параллельно, как бы "симметричную" группу источников, в которых постоянно присутствует сибирская тематика, составляют собственные письма Б. Дыбовского, которые автору удалось обнаружить во многих польских хранилищах документов в Кракове, Вроцлаве, Познани.

Нельзя не отметить и неопубликованные эпистолярные материалы, принадлежащие перу различных лиц из сибирского окружения Б. Дыбовского, в которых отразилась повседневная научная и общественная жизнь ученого, в том числе и малоизвестные ее стороны. В

этом отношении несомненно выделяются письма близких коллег и друзей ученого по его повстанческой деятельности и последующей сибирской ссылке – М. Дубецкого, А. Крэнцкого, Ф. Зенковича, Х. Воля.

Все сказанное закономерно подводит нас к заключению о давно назревшей задаче осуществления планомерной программы введения в широкий обиход разнообразных материалов из наследия Б. Дыбовского, составляющего ценность, в первую очередь, для нашего Сибирского региона не только в конкретном научно-прикладном плане, но и в общем историко-культурном смысле. В то же время работа такого рода должна предусматривать участие в ней специалистов в ряде областей как естественных наук – биологии, зоологии, лимнологии, антропологии, так и гуманитарных – истории, этнографии, археологии, филологии – при непременном сотрудничестве в этом деле российской и польской сторон. Очевидно, что с самого начала целью указанной работы должна быть поставлена подготовка цикла изданий, в котором займут свое место и непосредственные научные публикации наиболее важной части источниковых материалов сибирской "дыбовскианы", и специальных исследований, проведенных современными учеными на их основе.

Первый шаг в указанном направлении сделан уже в настоящем сборнике. Наряду с данным очерком в раздел документальных приложений сборника включена публикация ряда фрагментов материалов из обширного наследия открывателя байкальской фауны.

*
* * *

Главная задача данного эссе видится его автору в том, чтобы на фоне общеизвестных, ставших уже в известной мере хрестоматийными, фактов биографии этого ученого и одновременно польского политического ссыльного в Сибирь акцентировать внимание на его занятиях, интересах и воззрениях гуманитарного характера.

Именно эти стороны остались в тени в наиболее распространенных сведениях о нем. В особенности и по преимуществу это касается литературы отечественной, русскоязычной, которая формирует и у своих читателей соответствующие, вполне односторонние представления.

В настоящей публикации лишь намечена, причем в масштабе, весьма далеком от всесторонности, одна из оригинальных и неотъемлемых сторон жизни и деятельности выдающегося исследователя Восточной Сибири Бенедикта Дыбовского, нашедшая отражение, в частности, и в его сибирском наследии. Изучение, оценка и популяризация этого далеко не самого известного, но крайне характерного аспекта деятельности Дыбовского и остается большим долгом науки вообще, а отечественной в особенности, перед памятью этого замечательного ученого и человека.

Однако задача состоит не только в расширении общего кругозора читателей по затронутому вопросу, но и в выяснении подлинных природы и смысла тех органически присущих Б. Дыбовскому черт, что до сих пор так незаслуженно мало привлекали внимание большинства его российских биографов. Думается, что серьезное знакомство с этими вопросами могло бы способствовать и лучшему постижению мировоззренческих позиций ученого, которые дают непосредственный ключ к пониманию подлинного масштаба его во многом уникальной личности. Хотелось бы надеяться, что в перспективе все-таки дойдет до осуществления комплексного, систематизированного их изучения. И тогда, быть может, впервые в России наряду с вполне заслуженным признанием ученого как “открывателя” “загадочного Байкала … в фаунистическом отношении”, что отмечалось представителями младшего поколения исследователей Сибири еще в их непосредственном обращении к Мэтру — в конце его большого жизненного пути (см.: Письмо Общества изучения Сибири Б. Дыбовскому, в наст. сборнике), сделается общепризнанным и хрестоматийным столь заслуженное представление о Дыбовском как

о Человеке с большой буквы: Ученом-гуманисте, Патриоте, Мыслителем и Борце за торжество общечеловеческих идеалов Добра, Разума и Правды Научного Знания.

Лучшим завершением данного краткого представления польского корифея сибирской лимнологии в нетрадиционном ракурсе его гуманитарных интересов, включая и соответствующее сибирское общественно-документальное наследие, может быть едва ли знакомое российской общественности высказывание, принадлежащее классику польской литературы Болеславу Прусу (под этим псевдонимом известен всему литературному миру выдающийся польский прозаик Александр Гловацик): “Человек воистину незаурядный — Бенедикт Дыбовский. Он представляет собой одну из личностей, жизнь которых можно выразить афоризмом и представить образцом не для одиночек, но для всего народа. ... Сегодня он имеет право на звание филантропа и пионера культуры, что является наивысшей честью, которая может быть оказана человеку. Достижению же подобных результатов помогли ему, помимо большой силы характера, знание природы, тесные связи с цивилизацией и доброжелательность к роду людскому” [Prus, 1958, с. 20].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Высоковский С.Н. Эсперанто — язык надежды // Русс. журн. — 1988 [версия Интернета].
- Дыбовский Бенедикт (Бенедикт) Иванович // БСЭ. 3-е изд. — М., 1972. — Т. 8. — Стб. 1660.
- Шостакович Б.С. К проблеме изучения и введения в научный оборот источникового наследия Бенедикта Дыбовского // Сов.-пол. симпоз. “100-летие исследований поляков в Восточной Сибири и на Байкале”: Тез. докл. — Иркутск, 1989а. — С. 65–67.
- Шостакович Б.С. О характере сибирского мемуарно-очеркового наследия Бенедикта Дыбовского и задачах его изучения // Ссыльные революционеры в Сибири (XIX в. — февраль 1917 г.). — Иркутск, 1989б. — С. 6–25.

Шостакович Б.С. Неопубликованная сибирская “дыбовскиана”: Обзор историко-гуманитарного наследия Б. Дыбовского, относящегося к Сибири // Байкал и естествознание за 100 лет: К 100-летию исследований поляков на Байкале. – Иркутск, 1993. – С. 159–166.

Шостакович Б.С. Бронислав Пилсудский – корреспондент Бенедыкта Дыбовского // Изв. Ин-та наследия Бронислава Пилсудского. – Южно-Сахалинск, 1999. – № 2.

Brzęk G. Benedykt Dybowski. Życie i dzieło. – Warszawa; Wrocław, 1994. – Wyd. II: Uzupełnione i rozszerzone. – S. 267–366 (323–326).

Dybowski B. O kwestii tak zwanej “kobieciej” ze stanowiska nauk przyrodniczych. – Lwow, 1897.

Dybowski B. Sen i marzenia senne. – 1907. – S. 27–28.

Dybowski B. O Syberii i Kamczatce. – Kraków, 1912. – Część I: Podróż z Warszawy na Kamczatkę.

Kowalska K. Benedykt Dybowski – krótki rys biograficzny // Kowalska K., Mikłaszewska-Mroczkowska A. Benedykt Dybowski: Materiały biograficzno-bibliograficzne. – Wrocław; Warszawa, 1960. – Część I. – S. 26.

Trepka A. Benedykt Dybowski. – Katowice, 1979. – S. 438–440.

Prus B. Kroniki. – Warszawa, 1958. – T. 7.

Szostakowicz B. Przegląd spuścizny Benedykta Dybowskiego, dotyczącej Syberii // Przegląd Wschodni (Warszawa). – 1991. – T. 1, z. 1. – S. 185–193.

Wierzbicki Z.T. Benedyktu Dybowskiego poglądy filozoficzno-społeczne na tle jego twórczości naukowej // Kultura i Społeczeństwo. – 1974. – № 1. – S. 141–159.

ДНЕВНИК ДОКТОРА БЕНЕДИКТА ДЫБОВСКОГО, НАЧАТЫЙ С 1862 ГОДА ДО 1878 ГОДА*

Бенедикт Дыбовский

ОБЩЕЕ СОДЕРЖАНИЕ КНИГИ “ДНЕВНИК ДОКТОРА БЕНЕДИКТА ДЫБОВСКОГО, НАЧАТЫЙ С 1862 ГОДА ДО 1878 ГОДА”

	Стр.
Вступление	VII
Список работ проф. д-ра Бенедикта Дыбовского	IX
I. Биографические подробности	1
Время пребывания на свободе	1
II. Арест	8
ССЫЛКА В СИБИРЬ	23
I. Путешествие Петербург–Москва	25
Пребывание в Москве	27
II. Москва–Нижний Новгород–Тобольск	30
III. Тобольск–Томск	37
IV. От Томска до Красноярска	46
В Красноярске	49
V. От Красноярска до Канска	50
Пребывание в Канске	50
VI. От Канска до Иркутска	53
В Иркутске	60
Пребывание в Городской тюрьме, называемой казенная палата	63
VII. Выезд на Байкал. Иркутск–Сивакова	69

*Эта работа, а также далее следующие “Посмертные воспоминания о Викторе Годлевском” ранее не были опубликованы на русском языке. Перевод на русский язык общего содержания книги сделан Б.С. Шостаковичем, а самого текста Дневника – М.Я. Бушман, отредактировал Б.С. Шостакович.

ПРЕБЫВАНИЕ В СИБИРИ НА КАТОРГЕ	83
I. Сивакова	85
Поездка в Читу с целью добиться выезда из Сиваковой	98
II. Конец моей каторги. Приготовления к выезду из Сиваковой	105
III. Пребывание в Чите	108
IV. Дарасун и пребывание в Дарасуне	155
Охота на полярную сову Nictea L.	170
Кабарги, купленные для Варшавского Музея	171
Замечания, касающиеся сохранения, препарирования, измерений, а также значения зоологических образцов	172
Визит в Дарасун св. Читинского настоятеля	173
V. Устиля	183
VI. Пребывание в Карлуцке, Акше и Кирпичной Дальнейшее пребывание в Кирпичной и Акше	193
VII. Пребывание в Дарасуне. — Первая зима. 1866 год	203
Забайкальские буряты (“Братские” на сибирском диалекте)	218
О строительных работах в Дарасуне	238
Изменения, вызванные прибытием г. исправницы	249
Наши коллекторские работы	250
Первый год съезда курортных гостей	251
Поздняя осень 1866 года, называемая эпидемической	253
Суровая весна 1867 г. — Новые гости курорта	257
О ссылном швейцарце Бонгарде	264
Пребывание на золотых приисках полковника Буйвида	266
Описание золотых приисков Буйвида	268
Путешествие на Киринские минеральные воды	272
	274

О ферме Истоминых	277
О matrimonиальных торжествах и о Шумове	280
Последнее путешествие генерал-губернатора Корсакова по Забайкальскому краю	282
VIII. Приготовление к отъезду из Дарасуна	283
IX. Пребывание в Иркутске в конце 1868 года	286
ПРЕБЫВАНИЕ В ПОСЕЛЕНИИ	303
I. Култук над Байкалом	305
Первая экскурсия на Байкал, конец 1868 года	314
Култук в течение 1869 года	325
II. Выезд на Байкал. Пребывание в Иркутске и подготовка к поездке	331
III. Благовещенск	354
IV. Пребывание в Николаевске. Приготовления к морскому путешествию	363
V. Путешествие: Сахалин — Аскольд — Владивосток — Посыт	367
Продолжение морского путешествия. Залив Де-Кастри и залив Америка	369
Остров Аскольд. Владивосток	371
Посыт. Корейские села. Пребывание на станции “Угловой”	375
Камень-Рыболов. Озеро Ханка. Река Сунгача	382
VI. Поездка по реке Уссури-Хабаровка (это последнее название перенесено затем на Хабаровск)	388
VII. Возвращение из Забайкальского путешествия в Иркутск	400
Култук на исходе 1869 года и в 1870 году	404
Работы над рисунками байкальских бокоплавов	415
Рисунки рыб и общественная деятельность “Отца Ивана”	423
О Яне Черском	424

Рисунки рыб Байкала. Изучение глубин воды в попечнике озера	425
Новые трофеи для фауны	426
VIII. Выезд на Байкал: год 1872 до 1873	428
Пребывание в Станице “Св. Цурухай- туй” на реке Аргунь	457
Выезд из Старого Цурухайтая. Путешес- тие по Аргуни и Амуру в собственной лодке	470
Поездка лодкой по Амуру в сентябре 1873 г.	478
Пребывание в Хабаровке, которая затем названа Хабаровском.	
Начало октября 1873 г.	487
Пребывание в Станице Казакевичевой . .	489
Поездка на буксире в Станицу Казакеви- чеву	495
Пребывание в Козакевичевой. Конец 1873 года	497
1874 год, проведенный в Казакевичевой на реке Уссури	505
Пасхальные праздники и приготовления к летней кампании	510
Важнейшие подробности из жизни Ми- хаила Янковского	512
Письмо Михаила Янковского (Аскольд, 1 июля 1878 г.)	514
Пребывание с весны 1874 года в долине реки Уссури	523
IX. Поездка из Казакевичевой во Владивосток.	526
X. Пребывание во Владивостоке осенью 1874 года	531
XI. Поездка на Аскольд и наше пребывание на этом острове	541
Пребывание в заливе Стрелок на ферме Гека	547
XII. Пребывание в Сретенске и дорога в Ир- кутск	586

XIII. Пребывание в Иркутске с октября 1875 года	592
Изменение глубины Байкала: от Голоуст- ной до Посольска вдоль 52 градуса гео- графической широты или на широте Роттердама или устья Рейна в Европе	603
XIV. Приготовление к дороге. Само путешествие из Иркутска в Варшаву	613
УКАЗАТЕЛЬ ФАМИЛИЙ	615
УКАЗАТЕЛЬ ЗООЛОГИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ . .	621
ЗАМЕЧЕННЫЕ ОШИБКИ, ДОПУЩЕННЫЕ ПРИ ПЕЧАТИ	628

ПРЕБЫВАНИЕ В СИБИРИ НА КАТОРГЕ

Пребывание в Дарасуне. — Первая зима. 1866 год
<i>Последнее путешествие генерал-губернатора Корсакова по Забайкальскому краю</i>

В прошлом году генерал-губернатор Корсаков не посещал Забайкалья и Амура, решил это сделать летом нынешнего 1868 года. **Объявленное** прибытие правительства в Читу вызвало в Управлении и среди населения города желание устроить ему пышный прием. В Чите пребывало тогда много наших политических заключенных. Среди них был Мейбаум из Варшавского балета. В Чите выступал он в роли учителя танцев. Он предложил театральное представление оперы-балета, вроде берлинского “Flick und Flock”.

Это должно быть соединение песни, танца, декламации на музыку Пытлевского, нашли поэтов, соглашившихся сложить остроумные строки, выбрали самых прекрасных девушек для балета, ангелочеков с крыльшками. Прекраснейшие дамы представили в распоряжение устроителей, организаторов театра. Из Дарасуна пригласили нашего художника Вронского, чтобы подготовить и нарисовать занавес и театральные кулисы. Корзон, руководитель наших земляков, сосланных на ка-

торгу, работающих по приведению в порядок улиц, засыпке оврага и посадке деревьев в парке на месте бывшей свалки, получил указание закончить работы. Александра Романовна была душой всей поспешной деятельности, по ее просьбе Витольд Марчевский и Николай Эпштейн принимали участие и помогали советами в деятельности наших соотечественников. Н. Эпштейн исправлял русские поэтические строки и писал острогумные песенки по-французски. Возбуждение умов было таково, что даже пани акушерка писала мне, что очарована музыкой, песнями и танцами. “Антося Ланина — настоящий ангелочек в своей роли, — писала она, — а Мейнбаум творит чудеса, я бываю на репетициях, слежу за успехами, а эта сцена, где земной ангелочек улетает к небу и там хор ангелов встречает его песнями, восхитительна. Великолепная режиссура, господа инженеры руководят и являются исполнителями. Все хвалят декорации, нарисованные Броньским. Вид города меняется соответственно торжествам: красят дома, очищают улицы, сажают деревья. Наверно, Корсаков будет доволен”.

В этот год никто из жителей Читы не удалился из города, здесь можно увидеть столько нового. Летний и осенний проезды генерал-губернатора через Читу вызвали всеобщий интерес, ожидали каких-либо еще неопределенных изменений. Александра Романовна рассказывала мне, что приказано всех политических заключенных из Забайкалья вернуть в Иркутск.

Дмитрий Бутин обратился с просьбой к Атаману, чтобы за его поручительством остались одного из музыкантов оркестра Пытлевского, а именно Лятуковича Юзефа. Эту просьбу из канцелярии Атамана выслали в канцелярию генерал-губернатора в Иркутск, причем Бутин лично был у Корсакова и получил, якобы, разрешение, но до сих пор его официально не прислали, как говорят здесь, нужно подтверждение от самого царя.

Художника Броньского вызывали два раза, каждый раз был щедро вознагражден, привез с собой конфеты, шоколадки, сахар, чай, туалетное мыло и разные дру-

гие мелкие подарки для своего стада девчат, потому что девчата называли его “девичий пастух”.

Обо всем он рассказывал, а также о том, что сатрап был доволен приемом, встретившим его в столице Забайкалья.

Приготовления к отъезду из Дарасуна

Некоторые наши коллеги в Дарасуне, успевшие приготовиться к отъезду, продавшие свои строения, покидали Дарасун до назначенного срока и переезжали в Читу. Наша троица — я, Виктор и Леон — несколько раз ездили в Акшу и Кирпичную, посетили долину Алэнгуй, пополнили наши собрания. Несколько раз охотились на белых журавлей, но, к сожалению, безуспешно. Вызывали меня к больным в далекие степные окрестности, но в этом году ничего нового не прибыло. Наши коллекции мы поочередно высыпали почтой, готовясь к отъезду, с некоторым чувством грусти. Мы прощались со знакомыми, меня радовало убеждение, что я, по возможности, выполнил то, что хотел и намеревался выполнить. Растрогавшись при прощании, Акулина Яковлевна благодарила за возвращение ей здоровье, тоже самое заявила Анна Афанасьевна и жена Ивана Александровича. Уже поздней осенью был назначен день отъезда. Прибыли подводы, мы на них уложились. Еще раз бросили свой прощальный взор назад и с глубоким вздохом прощались с прибывшими Тимофеевыми и бурятами Тумурами. В Чите мы пробыли очень немногого, выехали на волах. Обратной дороги до Верхнеудинска описывать не буду, упомяну только, что трудом польских рук была построена дорога через Яблоневые горы.

В Верхнеудинске произошел случай, могущий иметь грозные последствия: о нем должен подробно упомянуть, предваряя его следующим рассказом.

В 1867 году, осенью, бешеный волк в ночную пору ворвался в деревню Бальзыну, покусал собак, лошадей, свиней и несколько человек, среди них кузнеца Фили-

мона. Меня вызвали, чтобы оказать помощь искусанным. Больные рассказывали, что в темноте, когда раздался лай собак, люди выбегали во двор прямо из постели, в белье, и там, беззащитные, были искусаны бешеным волком. Осмотривая раны, у всех на месте укуса я нашел три глубокие ранки с синим ободком (каемкой). Волка убили, это сделал Филимон. Во время борьбы он бил его палкой, волк укусил его в предплечье правой руки и правое бедро. Поскольку убитый волк, выброшенный за деревню, не был еще закопан, я пошел его осмотреть. Внимательно и осторожно рассмотрел его пасть и обнаружил, что у него было только три клыка, четвертого, с левой стороны нижней челюсти, не хватало. Или был выломан, или вообще не развит, сказать не могу. Вернувшись после осмотра волка, я велел разжечь в кузнице угли и при помощи накаленного до красноты крючка у людей, покусанных волком, выжег все ранки. С покусанными животными дело было труднее, по причине того, что ранок не было видно.

После проделанной операции я заявил, что если дадут слово во время лечения не пить водки, я заранее ручаюсь за благополучный исход лечения. Кузнеца Филимиона, наиболее пострадавшего, привезли в Дарасун, где жила его замужняя дочь, там я продолжил его лечение. Через день, а потом через два дня он принимал небольшую дозу хины, на каждую ранку я ставил (*vissikatorie*), это же советовал и другим больным. Все лечившиеся таким способом не заболели бешенством. В то время как много собак, несколько свиней и одна лошадь взбесились в течение следующих двух месяцев.

Этот метод лечения я применял и в дальнейшем, всегда с хорошим результатом. Укус ядовитых змей я лечил сразу же йодом, а позднее выжиганием при помощи раскаленного железа.

После этого вступления возвращаюсь к упомянутому выше. Приехав в Верхнеудинск, Годлевский привязал своего пса около столба посередине двора. Когда хотел его вечером накормить, Дунай к еде не притронулся. Назавтра утром нам сообщили, что собака во дво-

ре бросается на прохожих. Вышел Годлевский, чтобы взять его в нашу квартиру и освободить от привязи. Когда он приблизился к собаке, та бросилась вдруг и покусала ему руки. Поскольку Дунай был злой, Годлевский думал, что причиной приступа злости было то, что собаку посадили на цепь. Он помыл несколько раз окровавленные руки только мылом и мы сейчас же должны были выехать в дальнейший путь. Как и ранее, собаку вели на цепи за возом, но сейчас он упирался, грыз цепь, пена текла у него из пасти. Когда мы выехали за город, он упал на землю и разрешил тащить себя на цепи, не желая встать на ноги.

Я сошел с воза, надел толстые кожаные рукавицы нашего возчика, отстегнул цепь от ошейника, причем собака все время хватала меня за руки. Освобожденная от привязи, встала и побежала в поле, напрасно мы ее звали. Тогда мы убедились, что Дунай заболел бешенством. Прибыв на станцию Половинную, я сделал операцию, выжигая раскаленным железом все многочисленные ранки на руках Годлевского, затем приложил на каждую ранку визикаторийной мази и липкий пластырь, забинтовал старательно руки и мы были уверены, что от укусов никаких последствий не будет, как и у покусанных в Бальзыне. Годлевский некоторое время принимал маленькие дозы хины и этот, вначале опасный, случай закончился благополучно.

После прибытия в Посольск на Байкале, куда приставал тогда пароход, нас немедля на большом баркасе перевезли на пароход "Байкал", переименованный впоследствии на "Сенельников". Пароход деревянный, в 120 сил, обслуживался матросами-бурятами и капитаном, похожим на бурята. В морском деле он был самоучка, боялся священного моря и бросал якорь далеко от берега. Сейчас тоже остановился вдали, а день был ветреный, боковые короткие волны очень сильно бросали баркас и многие наши товарищи, особенно живописец Вронский и Зажицкий Эварист, болезненно перенесли переправу.

Весьма неприятным был переход с баркаса на пароход, здесь происходили ужасные сцены, но в конце концов все оказались на палубе "Байкала", хотя многие, как например Вроньский, на пароходе очутились в полусознательном состоянии. Все складывалось так, чтобы первое впечатление от встречи со священным морем было наименее приятным. Это впечатление было настолько сильным, что художник Вроньский, гостивший впоследствии у нас в Култуке на Байкале, никогда не осмеливался плавать в лодке.

Всю ночь нас бросало из стороны в сторону. С рассветом день стал разгуливаться, но волны не уставали и только к 10 часам утра мы увидели деревню Лиственичную, а вскоре потом был брошен якорь. Пароход остановился у пристани. Высадка была сносной. Мы поспешили к этапу освежиться и подкрепиться. Нас должны были отправить в Иркутск на барже, которую тянул за собой железный пароход "Николай". После чая у меня было время навестить купца Шишилова, у него я познакомился с инженером-механиком Горном, потом он нам много помогал, и мы всегда с ним были в дружеских отношениях.

Я расспрашивал Шишилова о жилищных условиях на побережье Байкала. Он поведал, что недалеко от Лиственичной в Никольской сдается вилла на Ангаре, кроме того, в Голоустной можно найти квартиру у знакомого Шишилова, наконец, в Култуке, в деревне, расположенной на самом южном конце Байкала, есть жилой дом, где была фабрика Пермякина изделий "Ляпис-лазури", или голубого камня. Дом этот сегодня стоит пустой, никем не занят и он советует поселиться в нем для исследования фауны Байкала. Я решил ходатайствовать о разрешении поселиться на Байкале. Распрощавшись с Шишиловым, мы отправились на баржах в Иркутск. Прибыли к тому же зданию, к бывшей расчетной палате, откуда нас в 1865 году увозили на катогру.

Вот и закончился первый период нашей работы в Забайкалье, а сейчас начинался новый — в Прибайкалье.

Пребывание в Иркутске в конце 1868 года

Когда мы устроились в здании так называемой "Казенной палаты" и были освобождены от хождения по городу с конвойным казаком, мы стали навещать новых ссыльных, имеющих право жить в Иркутске, а было их тогда много: д-р И. Лаговский, пользующийся большой известностью хирург, д-р Сьвида, признанный великолепным врачом, д-р Пекарский, д-р Бирфрейнд, д-р Висьневский, д-р Яворский и много других.

В Иркутске находились: Мацей Смоленьский, по-мешник из Царства Польского, с женой и приемной дочерью Уршулькой, Сициньский и Млоцкий из Дарасуна, выехавшие до нас, Миколай Эпштейн, Витольд Марчевский, Хенрик Воль, Феликс Зенкович, Токажевский, Аугуст Крэнцкий, Юзеф Калиновский, Оскерко Александр, Горайский, Чекановский Александр из Дарасуна и Падуна и т.д.

Из русских я знал Ричарда Маака и Ломоносова, рассчитывал, что они помогут получить разрешение властей поселиться на Байкале.

Когда в городе узнали о нашем приезде, нас в нашей временной тюрьме навещали знакомые и по-разному советовали. В канцелярии для политических заключенных чиновником служил Тиер, сын поляка, политического ссыльного, женившегося на сибиричке. Отец умер рано, мать воспитала двух сыновей как сибириков. Один из них в Петербурге окончил Горную академию и был начальником государственного золотого прииска в горах за рекой Ононом. Второй был чиновником в канцелярии ген[ерал]-губернатора и временно исполнял обязанности при полковнике Купенко, начальнике полит. заключенных Восточной Сибири. Он навещал нас почти ежедневно. Это был симпатичный молодой человек, к полякам весьма благожелательный, по-польски не говорил. У него была редко встречающаяся память, он мог сказать по памяти, куда кто из наших был выслан на поселение и куда намеревались выслать нас.

Однажды нам сообщили, что поселение мне определили в деревне Еловка, а Годлевского должны были выслать в другое место. Узнав об этом я немедленно направился к целому ряду влиятельных в городе лиц и к русским знакомым с просьбой походатайствовать, чтобы нас оставили в Иркутске, пока не получим разрешения поселиться где-нибудь на Байкале. Людям, не знавшим тогдашних отношений в Иркутске, трудно себе представить, сколько нужно было употребить стараний, чтобы получить разрешение оставаться в городе. Я обращался с просьбой к Мааку, к Лаговскому и т.д. Наконец удалось добиться того, что нам нужно было в данный момент.

Пока мы оставались в нашем, так называемом "этапном отеле", в бывшей "Казенной палате", отсюда я предпринимал новые старания перед властями, чтобы нам позволили жительство в Култуке на Байкале. Если с таким трудом было получено первое разрешение, то против второго препятствий было во сто крат больше.

Все наше духовенство поместили в деревне на Иркуте, по названию Тунка. Дорога в эту деревню шла через Култук. Власти боялись, чтобы мы не стали посредниками между ними и прочим миром. Не знаю, смогли бы мы преодолеть эти трудности, несмотря на ходатайства Маака и больного в то время Болеслава Козимировича Кукеля, если бы не случайное знакомство с начальником Иркутского уезда Федором Павловичем Павлищевым, встреченным у д-ра Лаговского.

В беседе о пребывании в Дарапуне я упомянул о начальнике Шитилове, о его к нам доброжелательности и других подробностях. Когда вышел разговор о тех трудностях, встречаемых нами при получении разрешения на пребывание в Култуке, как когда-то было и в Дарапуне, то начальник уезда Ф.П. Павлищев заявил, что решение этого вопроса берет на себя: и действительно, в основном мы ему обязаны получением разрешения поселиться в этой местности.

Почему я выбрал Култук? Должен здесь вкратце объяснить: я рассказал доктору Лаговскому о беседе с Шитиловым в Лиственичной, что в Култуке имеется пустующий дом купца Пермикина и можно его снять под квартиру. Оказалось, д-р Лаговский знает лично Пермикина, даже является его домашним врачом, и взялся поговорить с ним лично, и в самом деле Пермикин согласился отдать в наем все свои владения в Култуке, а именно, большой жилой дом, при нем хозяйственные постройки, овощной огород, кусок луга, и все это — за 15 рублей в год. Таких жилищных условий, пожалуй, нельзя было найти во всей Восточной Сибири. Они были для нас неожиданы и до такой степени выгодны, что бороться за них я решил до победы, которая, благодаря начальнику Павлищеву, и была осуществлена. Он взял нас под свою ответственность. Это был второй случай редкой любезности в мире российской бюрократии, первый — с Шитиловым по поводу Дарапуна. Если бы я был суеверен, то такое благоприятное стечение обстоятельств мог бы приписать провидению и его специальной заботе о моем ничтожном существе. Моя радость по поводу победы была огромна и я хотел хотя бы часть ее вселить в душу, до сего времени пассивную, товарища моего Годлевского.

Я видел его готовность остаться в городе, у него здесь было много друзей, он любил карточные игры, а они в среде наших ссыльных были в почете. Я должен был употребить все возможные средства, чтобы вдохновить его надеждой больших научных подвигов. Помогло мне письмо Тачановского, высланное в адрес Географического общества Восточной Сибири. Он заинтересовался нашими посылками, обещал выслать некоторую сумму денег, в настоящее время нам очень необходимую. Письмо это наэлектризовало Годлевского, и я полностью завоевал его для нашей дальнейшей общей работы.

До этого, предвидя возможность разлуки, я старался уговорить Михаила Янковского, которого знал из Сиваковой, чтобы он поехал со мной в Култук, показал ему как снимаются шкурки с птиц.

Михаил Янковский — великолепный стрелок, страстный охотник, способный техник — мог бы частично заменить Годлевского, но когда этот последний решительно отбросил мысль остаться в городе, Янковский был лишний. Он отправился на север на прииски, обещал, что будет отстреливать и препарировать птиц для Тачановского.

Для помощи в нашем будущем култукском хозяйстве нужен был молодой парень, я выбрал Ксенжопольского. В Дарасуне он обучился препарировать крупнейшие экземпляры птиц, засушивать растения, знаком был с кухней и т.д. Я предложил ему заняться всем нашим хозяйством, а мы даем полное содержание, а также выхлопочем кредит у купцов на несколько тысяч рублей серебром, чтобы он мог открыть лавочку для торговли с окрестными крестьянами и бурятами. Ксенжопольский на эти условия согласился.

При помощи Павлищева мы получили разрешение на его пребывание в Култuke. Итак, вопрос был решен. Кредит у купцов выхлопотали Сьвида и Лаговский, имеющие в Иркутске обширные связи среди купцов и бюрократии.

Наши финансы были недостаточны для закупки всего, в чем нуждалось наше новое хозяйство, а тем более для начала научных работ. Я обратился к Восточно-Сибирскому Географическому обществу с просьбой о денежной субсидии, обещая, что будем за нее выплачивать собранными коллекциями. С этой просьбой я пошел к Ришарду Мааку, с которым был знаком во время пребывания в 1865 году. Сейчас он исполнял роль министра просвещения Восточной Сибири, по крайней мере, так его называли. Он был супругом красивейшей женщины и, как рассказывали (так же как д-р Карпинский в Чите) своим нынешним высоким положением был обязан своей жене. Когда ему я представил наши проекты в свете моих мечтаний, я заметил удивительное равнодушие, сказал бы даже — некоторую неприязнь с его стороны. Он начал мне рассказывать о разочаровании Радде, а ведь ему мы должны верить. Не по-

могло мое решительное утверждение, что фауна низших животных в Байкале должна быть обильна, поскольку так богата фауна рыб. Он упорно оставался при своем мнении, что я буду разочарован в своих ожиданиях, как это было с Радде.

Что же касается денежного пособия, то в настоящее время Географическое общество вовсе не имеет средств, так как весь денежный запас, каким оно располагает, а именно 1300 руб. серебром, предназначается для геологической экспедиции Чекановского. Увидев, что здесь ничего не добьюсь, я хотел рас прощаться, но он задержал меня, представив своего сына, которого, как говорят, обучает естествознанию.

Желая показать его знания, он спросил, какие особенности характеризуют рысы.

— Короткий хвост и кисточки на концах ушей, — ответил мальчик.

— А тигр?

— Длинный хвост и черные поперечные полосы на спине и на хвосте.

И так по очереди вопросы и ответы. Министр был доволен своим единственным сыном. Во время этого экзамена вошла его благоверная София Маак, действительно красивая женщина немецкого типа. Я был ей представлен как доктор Дерптского (Юрьевского) университета, разговаривали мы по-русски, хотя она была немкой из Лифляндии.

Не получив денежной помощи в Географическом обществе, я должен был одолжить деньги у д-ра Лаговского и заняться подготовкой выезда из Иркутска.

Прежде чем перейду к описанию, касающемуся нашего путешествия в Култук, сперва я должен вспомнить об изменениях, которые произошли в столице Восточной Сибири, а также заметить хотя бы бегло о наших сосланных земляках, с которыми здесь встретился. Начинаю с общего впечатления, которое получил от первой встречи с городом.

Я застал большое количество работающих ремесленников (кустарей), были уже портные, сапожники,

столяры, золотых дел мастера, жестянщики, оружейные мастера, кондитеры, содержатели кофеен, даже нашелся первый книгоиздатель и т.д. Под руководством наших земляков действовали уже фабрики спичек, изразцов и так далее. Была открыта торговля варшавской обувью, галантереей и одеждой.

Гостиницы и рестораны перешли под управление поляков. Август Кренцкий открыл переплетную мастерскую. Словом, Иркутск приобрел подобие города, тогда как до этого это был неприглядный городишко.

Даже извозчики и водовозы были поляками. Некоторые врачи — Вишневский, Свидида, Бирфрейнд — имели свой собственный выезд, также и д-р Лаговской. Когда я проходил по улице Большой, один из стоящих на площади извозчиков окликнул меня: “Садитесь, барин”, — а сам смеется, здороваясь. Узнаю его — это товарищ нашего путешествия в Иркутск, — Петрашевский. Подхожу к нему, спрашиваю, как дела. Рассказывает, что у него две лошади, дрожки (пролетка), городские сани, сам правит лошадьми и зарабатывает на содержание, собирает средства для возвращения на родину.

В другой раз встречаю второго товарища пути Дубовика, везущего дрова на продажу. Приветствует меня. Этому не так хорошо повезло, но теперь уже имеет лошадей и зарабатывает продажей дров. Воз березовых дров для отопления стоил в Иркутске 5 рублей.

После нескольких лет разлуки я встретил Августа Кренцкого. Он основал переплетную мастерскую и, как выражается, имеет средства к жизни, продаёт изящно выполненные готовые альбомы, переплётает книги, продаёт коробки, бонбоньерки, изготавливает элегантные рамки для фотографий и таким способом находит средства для существования. Я навещал его часто, мы рассказывали друг другу о годах, проведенных в Сибири. Он был в Усолье, жизнь там на каторге была терпимой. Августу я отдал подклейть карту Восточной Сибири, она у меня сохранилась до сегодняшнего дня и берегу ее, как дорогую память тех времен.

Однажды, когда я его [Кренцкого — Б.Ш.] навещал, у него гостил незнакомый мне земляк. Август представил нас и сказал, что они вместе с товарищем были в Усолье. К товарищу приехала невеста. В Иркутске они повенчались и работают сейчас с женой, открыли кафе, выпекают пряники.

У них по вечерам собираются товарищи на чай и кофе. Как раз уже был вечер и мы пошли вместе в это маленько кафе. Оно было скромным, даже убогим, но приходящие сюда получали газету из Варшавы и дешевые булочные изделия, а также чай и кофе. Пряники они продавали в русские лавки, поэтому выпекали, главным образом, так называемые “Вяземские”, на дрожжах. Пивной завод, а также фабрику дрожжей открыл наш сосланный земляк Сежпутовский: я был у него в предместье Иркутска на Ушаковке. Зашел также впольскую кондитерскую, хорошо обставленную, в которой продавали пирожные, кофе, великолепный шоколад, конфеты, получаемые преимущественно из Варшавы. Более простые вырабатывали на месте... В конце концов была и польская баня, с хорошими ваннами, чего раньше не было в русских банях. Вот в общих чертах перемены, какие я нашел в городе.

Присылка товаров почтой из Варшавы была в то время облегчена законом, так как почтовый тариф на посылки был одинаков на любое расстояние. Даже до самого края Сибири, даже до Камчатки, за фунт платили 20 копеек. К нашему несчастью, неожиданно изменили почтовый тариф на посылки, и в Култуке мы должны были сами изготавливать веревки, необходимые нам для опускания на дно озера приманки на бокоплавов. После зарисовки в общих чертах изменений, которые я нашел в Иркутске, перехожу к подробностям, относящимся к нашим землякам.

1. Чекановский Александр. Раньше я описал историю его пребывания в Сиваковой, Чите и Дарсуне. Здесь, в Иркутске, я встретил его изменившимся до неузнаваемости. Он выглядел здоровым, был в веселом настроении, разговорчивый, подвижный. Из Падуна, куда он

был сослан на поселение, выручил его академик Фридрих Богданович Шмидт, он взял у него коллекции растений, насекомых и т.д., выслал ему значительную сумму денег, а заодно распоряжение Академии, чтобы иркутское Географическое общество поручило Чекановскому исследование геологического строения Восточной Сибири. Он готовится к этим исследованиям, приводит в порядок и определяет все собрание горных пород и окаменелостей в кабинете Географического общества, где оно до сих пор было в полнейшем беспорядке: почти все дни он проводит в кабинете. Через Академию из Петербурга привезены (доставлены) микроскоп, паяльные трубки, лампочки и т.д., выписаны минералогические, геологические, палеонтологические труды. Географическое общество поручило топографу Жилейщикову приготовить карту тех мест, которые будет исследовать Чекановский.

Прибыло предложение Академии, чтобы Чекановский принял участие в экспедиции барона Майделя на Чукотку. В состав этой экспедиции входили Майдель и астроном Нойман из Дерпта, однако же ген[ерал]-губернатор Корсаков не дал такого разрешения, мотивируя отказ какими-то царскими постановлениями. Экспедиция многое на этом потеряла, но я полагаю, что Александр ничего не потерял.

Чекановский, имея теперь достаточно средств, заказал себе приличную одежду и снял у топографа Жилейщикова квартиру — две светлые комнаты, недалеко от кабинета. Комнаты устроены достаточно элегантно: диван, кресла, шторы на окнах, вазоны с цветами. Жена Жилейщикова, которую Александр называл “сестрицей”, устроила ему белье, хорошую постель, сама ему прислуживала. Ее с семьею отношение [к Чекановскому — Б.Ш.] было как к брату; она во время позднейшей болезни Чекановского была его сестрой милосердия. Привыкший видеть Чекановского в “казенном” одеянии, в “чажах” и меховой шапке, говорю я ему, что он изменился и что только теперь вижу, что ему необходим комфорт.

“Я должен приспосабливаться к условиям, — ответил он. — Сегодня общаюсь со многими сановниками, они у меня бывают, и я их посещаю; отсюда необходимость этого внешнего великолепия. Ручаюсь, если бы ты явился к Мааку в собольей шубе, в изысканной одежде, то, наверное, нашлись бы средства для исследования фауны Байкала. Как тебя видят, так тебя и пишут”.

У Чекановского я познакомился с рядом лиц и встретился со старыми знакомыми, упомяну о них по очереди.

2. Владислав Коссовский (бывший гвардейский артиллерист русского войска). Я его видел первый раз и тогда еще не знал, что он предал Огрызко. Он показался мне настоящим ученым, исследователем, химиком, с самоотверженностью отданной своей специальности. Рассказывал, что устроил химическую лабораторию, что собирается сделать химический анализ тункинских вод на Байкале и минеральных вод в долине Иркута, выше деревни Тунки (Нилова Пустынь), что он уже один раз ездил к этим водам, был в Култуке, познакомился с начальником станции Золотницким. Это человек отзывчивый и он считает, что мы в нем найдем человека полезного и готового помочь во всех отношениях; он любит беседы за рюмкой вина и угощение — лучший способ взволновать его благосклонность.

Другая важная личность в Култуке — это трактирщик Шишгин, человек сравнительно образованный и имеющий обширные связи с местным крестьянством. Владислав Коссовский обещает написать письмо Золотницкому, приглашает к себе показать свое лабораторное устройство. Когда я сказал, что переслал для анализа Ломоносову большие бутылки минеральной воды из святого источника, расположенного около станицы Киры, Коссовский ответил с иронической улыбкой: “Увидим”. Вначале я не понял этого ответа, только позднее убедился, что Ломоносов был хвастун (врун) в полном значении этого слова. Я навещал Коссовского, познакомился с его женой, видел его сына, это был груду-

ной еще, болезненный ребенок, несколько раз пришлось прописывать ему лечебные средства.

Мои дружеские отношения с Коссовским я порвал позднее, узнав о его позорном политическом прошлом.

3. Квятковская, родственница жены Бакунина, жена чиновника, занимающего должность уездного начальника, подруга жены Жилейщикова, женщина молодая, не безобразная, но и не красавица, разговорчивая, элегантная, говорящая по-польски, с русским акцентом. Я застал ее у Чекановского в обществе Жилейщиковой. Во время беседы на отвлеченные темы, которую мы вели на русском языке, она обратилась с просьбой помочь ее больному мужу, так как прописываемые врачами средства не помогают. Я согласился и навестил больного. Это был очень интересный случай заболевания.

Мужчина средних лет, крепкого телосложения, хорошо упитанный, с лицом бледным, старательно выбритым, без усов и бакенбардов, жаловался на боль языка. Чувствовал во рту страшно неприятную горечь и постоянный зуд на верхней поверхности языка,правлялся он с этим весьма странным образом, а именно царапал (почесывал) язык перочинным ножиком.

Я осмотрел язык больного, весь израненный, сухой и красный. Разговор с больным, его порывистые ненормальные движения, ответы на вопросы, часто хаотические, непонятные, свидетельствовали, что умственное состояние его не в порядке. Я прописал полоскание мяты водой и содой, приказал время от времени смазывать язык горячим жидким жиром и запретил употребление перочинного ножика. Я распрошался с больным и сейчас же направился к Чекановскому, сообщив ему, что болезнь языка, по-моему, является признаком скорого помешательства, советовал сообщить об этом Квятковской, так как здесь нужен был совет психиатра и лечение в больнице для помешанных.

Квятковская обиделась, заявив, что это оговор, клевета на ее мужа, умственно совершенно здорового. Однако оказалось, что я был прав, Квятковский сошел с ума и умер, а Квятковская вышла замуж за Михаила

Коссовского, с которым в то время я не был еще знаком.

4. Полковник Усольцев — начальник топографов, заместитель председателя Географического общества Восточной Сибири, делопроизводитель этого общества, а заодно редактор научного журнала под заглавием “Известия Сибирского отдела Императорского Российского Географического общества”. Он был в дружеских, близких отношениях с Александром, бывал в его доме, жена Усольцева — урожденная полька, но воспитана русской. Она была доброжелательна к ссыльным. С ней проживала ее младшая незамужняя сестра, если не ошибаюсь, фамилия ее Карпинская.

Однажды, когда я гостил у Чекановского, на собственных лошадях прибыл Усольцев за какими-то подробностями, относящимися к топографическим делам на территории будущих исследований Александра. Представленный полковнику, я говорю с ним о будущих наших исследованиях и спросил, нельзя ли получить так называемое открытое предписание к волостным властям с просьбой помогать нам. Он обещал это сделать, причем заметил о сообщении Маака, что мы будем разочарованы в своих ожиданиях относительно фауны низших животных в Байкале, потому что только месяц как возвратился из Култука молодой натуралист Пуцилло, посланный туда вместе с Ломоносовым для исследований. Он остался разочарован и жалуется на большую бедность фауны. Чекановский заметил, что нет оснований не доверять результатам исследований Г. Радде, который целый год пробыл на Байкале, проплыл его с юга на север по обоим берегам и огласил подробный отчет, тогда исследование Пуцилло является подтверждением доклада Радде. Поэтому единодушный результат поисков не может подвергаться никаким сомнениям. На это заявление Чекановского я сказал: “Однако я им не доверяю, может быть они применяли несовершенные способы лова, потому что не могут байкальские рыбы жить под водой и илом, должны иметь пищу и к тому же обильную”.

Александр ответил, что как раз рыбы могут питаться илом. Я запротестовал, говоря, что сиги (*Coregonus*) питаются исключительно животным кормом, однако Александр утверждал, что байкальские омули, хотя принадлежат к разряду (виду) сиговых (*Coregonus*), должно быть питаются илом, богатым микроорганизмами. Я закончил этот спор русским словом “увидим”.

Я попросил Усольцева разрешить мне работать в кабинете Географического общества. Он обещал дать распоряжение сторожу Болдыреву, чтобы пропускал меня в кабинет в любое время дня. После отъезда Усольцева я спросил Чекановского, знает ли он этого молодого натуралиста Пуцилло. “Знаю хорошо, — ответил, — это симпатичный молодой человек, исполняет обязанности чиновника обычных поручений при канцелярии генерал-губернатора”.

Он собирает насекомых для Маака, в Култук был послан за счет Географического общества с целью исследования озера и его окрестностей. С ним вместе поехал Ломоносов, они вместе вернулись и готовят обширный доклад, который будет напечатан в научном журнале Географического общества. Они провели там свыше месяца, и посетили заброшенные шахты (копи, карьеры) слюды на реке Слюдянке, а также бывшие разработки ляпис-лазури на реке Быстрой, привезли оттуда интересные образцы строгоновита и кокшаровита в прекрасных кристаллах. “Пуцилло — это очень добросовестный исследователь, — уверял Чекановский. — Как-нибудь зайдем к нему, живет он вместе с Ломоносовым”. На следующее утро я отправился в кабинет, доложился сторожу, знаменитости в своем роде. Он был героем Севастополя, на нем был мундир времен царя Николая, грудь украшена медалями и наградой “За личную храбрость” или “За личную доблесть (мужество)”. Из войска ушел фельдфебелем и был полностью преисполнен своим высоким званием. О Географическом обществе всегда говорил “мы”, чувствовал себя членом Географического общества и, вероятно, в своем суждении, самым важным.

Генерал Кукель — председатель общества — здоровался с ним за руку, которую он по-приятельски пожимал. У него был в служении паренек, за которым присматривал, когда тот убирал в музее. Я спросил, говорил ли делопроизводитель, полковник Усольцев, о допуске меня в любую пору в кабинет, он подтвердил распоряжение и спросил, как меня величать, я подал свою визитную карточку, написанную по-русски, оказалось, что он грамотный, прочитал и сообщил, что в кабинете находится уже Александр Лаврентьевич и его высокоблагородие господин делопроизводитель. Я пошел по широкой, солидно построенной лестнице на второй этаж. Кабинет общества размещался в отдельном двухэтажном довольно вместительном доме. Внизу слева в двух больших комнатах жил сторож, с правой стороны тоже две комнаты были заняты под склад вещей и коллекций, не помещающихся наверху. В середине между упомянутыми помещениями находились склад для дров и кладовая для палаток, юрт и чумов, употребляемых путешественниками-натуралистами во время странствий по северным краям. Потом я узнал о них подробно. Там были палатка и оленье седло академика Миддендорфа, палатки Радде и Р. Маака.

Более старых вещей-памяток, оставшихся после Палласа и Георги, не было. Я ознакомился со всеми, даже мельчайшими, подробностями кабинета. Там внизу в комнате сторожа после смерти Болдырева довольно долго снимал угол Ян Черский, наверху у него было помещение для работы, а внизу — ночлег. Второй этаж состоял из нескольких обширных зал, освещенных сквозным путем.

В зале слева размещались небогатые орнитологические коллекции, были там экземпляры, подаренные Радде, и редкие представители, отстреленные в Восточной Сибири. Наиболее интересным был скелет фламинго (*Phoenicopter*), определяемый как красный рубер, но мне кажется, что это была форма американская, но не европейская. В этом же зале стоял экземпляр джегетая (*Equus hemionus Pall.*), к сожалению, сильно испорчен-

ный молью, чучело изготавливал Парвекс. В шкафу под стеклянным колпаком размещалась группа бурундуков (*Tamias pallasi*), чучела сделаны этим же натуралистом.

Здесь же были черепа "бабров" (*Felis tigris*), один из них очень древний, происходящий якобы от экземпляра, убитого в окрестностях Иркутска; именем "бабр" называли тигра и это послужило поводом, что когда городское управление Иркутска просило печать, на который должен быть представлен "бабр", держащий в пасты соболя, то в Петербурге, сочтя, что бобр — это бобр, вырезано на печати бобра вместо тигра, и с тех пор Иркутская губерния пользуется этой печатью, в то время как в Сибири нигде нет бобра (*Castor fiber*).

В другом зале в больших шкафах было уложено огромное количество меховых нарядов всех туземных народов до самой Камчатки. Драгоценные и красивые наряды очень пострадали от моли. Здесь были поставлены также манекены, представляющие типы туземных народов, головы, лица, сформированные из папье-маше, старательно исполненные. Шаман с барабаном в ритуальном наряде, алеут в одежде гребца, камчадал в прекрасной "кухлянке", "тунгус" в бисерной нарядной одежде, бурят, китаец и т.д. Самые богатые собрания составляли геологические и палеонтологические экспонаты, помещенные в шкафах и стеклянных витринах. Сейчас над ними работал Чекановский, отдавшись этому с присущей ему страстью.

В маленьком кабинете он просиживал целыми днями, пока не привел все в порядок и не дал определения, что позволило Черскому ознакомиться с обоими разделами науки, прежде чем он взялся за выполнение своих замечательных геологических исследований.

Зал заседаний был устроен с настоящим комфортом. Длинный стол, покрытый зеленым сукном, на нем — изящные лампы, кругом удобные, украшенные резьбой кресла. За этим рядом кресел стояли стулья для благовоспитанной публики.

В этом зале делали доклады академик Миддендорф, Густав Радде, полковник Николай Пржевальский. Здесь

также проводились популярные лекции научного содержания. В одном из залов помещались библиотека Географического общества. Я нашел там очень важные труды, например, Темминка, А. Шегля, фауна Японии, одна часть только о птицах, затем труды Палласа, Георги, Тилезия, Радде. В этом же зале была канцелярия Усольцева, и сам он ежедневно там находился для выполнения текущих дел. Здесь указал он мне место для работы с нужной и необходимой мне литературой. Библиотечные труды я нашел в большом беспорядке, например, в отделе фауны Японии не хватало иллюстраций. Когда я обратил на это внимание Усольцева, он ответил, что некоторая часть находится у него дома. Я подумал: "Наверное, для развлечения детей".

Чучела птиц делал наш земляк ссыльный Константин Жебровский, он выполнял это хорошо и умело, оплачивали ему за штуку. Хранители музея при кабинете не было, только потом была создана эта должность для Черского с ничтожной оплатой — 150 рублей (в год).

Книги выдавались без контроля и получающий часто нечестно задерживал их, т.е. присваивал. С того дня, как я обосновался в кабинете, проводил я там занятия все утренние часы. Жили мы постоянно в так называемой этапной гостинице, обедали чаще всего у товарищей, по их приглашению, вечерами собирались для беседы и на чай у друзей и знакомых. Несколько раз приглашали друзей в наш отель. Я опишу некоторые собрания, чтобы дать представление о нашей жизни этого времени.

1. Собрание медиков-врачей у доктора Яна Сьвиды. У него была хорошая квартира, рассчитанная на многих больных, обращающихся за советом. Он держал своих лошадей, кучером был у него помещик из Могилевского, прислуживал молодой жмудин, бывший гимназист, симпатичный молодой человек. Эти двое после своих служебных обязанностей садились вместе с гостями и чаще всего участвовали в карточной игре. В этом же доме был устроен галантейный магазин Трепки, где Эдислав Миткевич выполнял роль продавца, ему

помогали и были на посыпках два молодых жмудина, прибывшие с семьями сосланных, я удивился его таланту обслуживания покупателей. В этот вечер, когда я был приглашен к Сьвиде, Миткевич своими рассказами развлекал собравшихся гостей. Прибыло около десятка врачей-поляков, среди них и Лаговский, он оставался недолго, должен был ехать к больным. За чаем развлекались беседой о текущих делах, а затем поставили столики для игры в карты. Все присутствующие занялись этим, для меня отвратительным, развлечением. Я попрощался с врачами и с тех пор не бывал на их собраниях, где главным была игра в карты.

2. Вечернее собрание у д-ра Лаговского. На этот званный вечер мы должны были надеть праздничный наряд. Прибыло много русских дам, также их мужья, частью из бюрократии, частью из купеческой интеллигенции, а также много ссылочных с женами. Д-р Лаговский занимал весь дом, жил великолепно (пышно), прием был замечательный. Согласно обычаю дамы и барышни развлекались отдельно, мужчины отдельно. После чая для мужчин поставили столы с картами, а дамы занялись, как определил присутствующий на этом собрании мой двоюродный брат Эмиль, сплетнями.

Стоя в дверях гостиной, где собирались дамы, мы с братом Эмилем рассматривали их. Подошел д-р Лаговский, он называл имена дам, объясняя их положение и значение. Рассказывал, что та и другая закончили обучение в пансионе благородных девиц, руководительницей которого была гофдама пани Быкова. Эмиль спросил, что эти барышни “выносят” (получают) из этого заведения. “Именно большим достоинством императорского заведения является, что оттуда ничего не выносят”, — ответил Лаговской и далее в шуточном, остросаркастическом тоне описывал нам собравшихся в салоне изысканных дам. Молчком мы с братом Эмилем удалились вниз в подвальное помещение этого дома, где жил Эмиль со своей женой Амелией из Ровенских. В то время она тайком от мужа занималась воспитанием детей Лаговского, русифицированных православной ма-

Б. Дыбовский с товарищами по ссылке в г. Иркутске.
Слева направо — Марьян Дубецкий, Генрик Вольф, Бенедикт Дыбовский,
Феликс Зенкович, Леон Домбровский.

Село Култук Иркутской губернии. 1870 г.

Дом в селении Култук, где жил Дыбовский.
Реконструкция фото С.Н. Лаптева.

Портрет Юзефа Калиновского
(святой отец Рафаэл) — участника
экспедиций Б. Дыбовского
на Байкале [Brzénk, 1994].

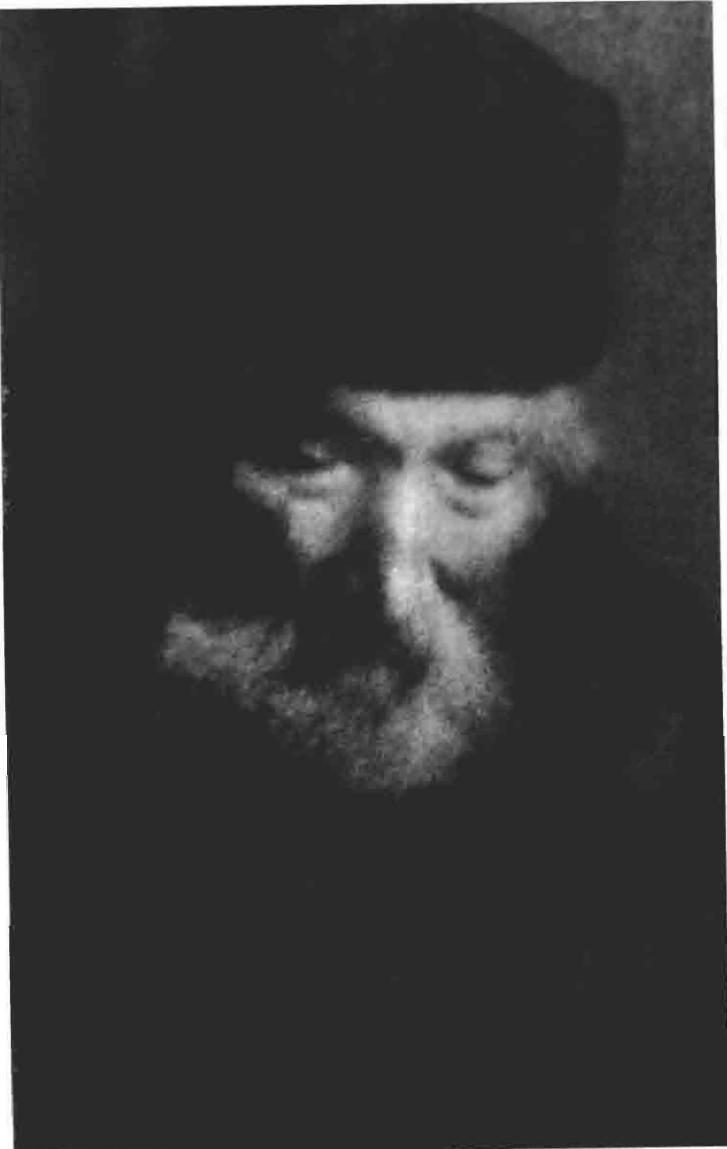
Портрет В. Годлевского
[Brzénk, 1994].

"Лаборатория" — так называлось помещение, где разбирался,
консервировался и препарировался зоологический материал.
Реконструкция фото С.Н. Лаптева [Лаптев, 1939].

Ян Черский —
выдающийся геолог Сибири
[Brzénk, 1994].

Б. Дыбовский. Последние годы жизни (1928 г.).

1326.

20 Abysmæ

35

Его Высокопреосвященства и бывшего

Господину Генерал-Губернатору Восточной Сибири

Генерал-адъютанту - Михаилу Семёновичу Корсакову.

Политического посольства Бенедикта Невобода

Бюлла Игорь Заменяю.

После отработки основных птических местонахождений по Амуре, на ходу поездки Степанов обвел окрестные побережья волго-волжской губы и озер Тутаевского и Егорьевского бассейнов. Всего же в ходе трех пребываний здесь и расстояниях в 150 км он изучил свыше сорока птических местообитаний, а также сан-
гинационные и гнездовые находки птиц.

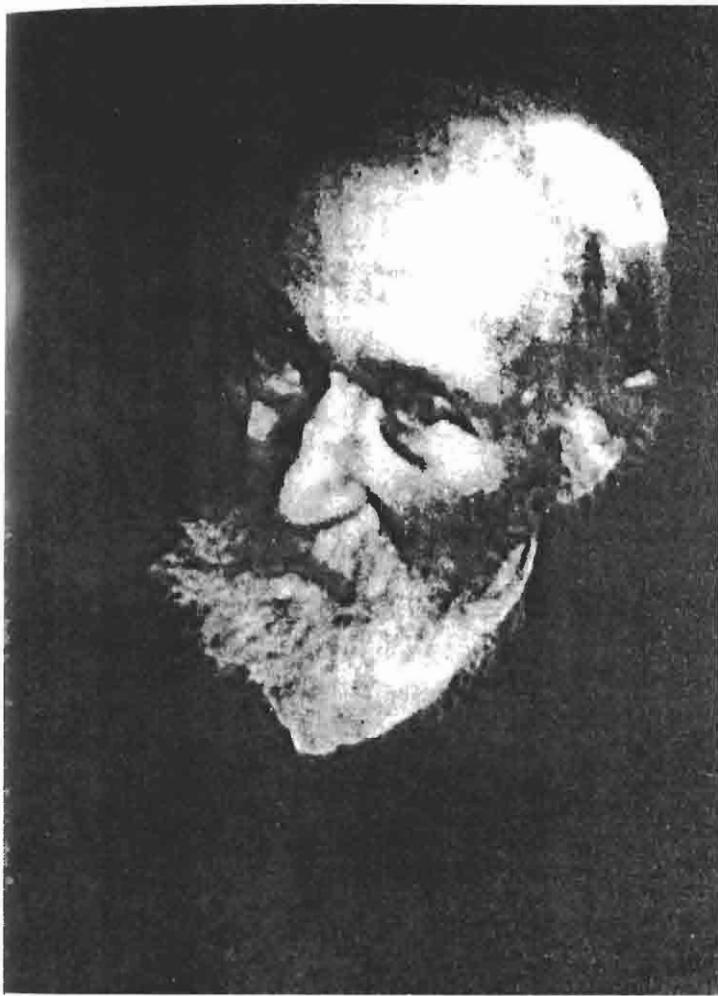
б) д. Шенкбронен изъезд
Проф. Адольфом Брандта

12
111-63
1940

Автограф Докладной записки Венедикта (Бенедикта) Дыбовского генерал-губернатору Восточной Сибири М.С. Корсакову о необходимости ихтиологических исследований на р. Амур.

Портрет Б. Дыбовского [Brzencik,1994].

Портрет Б. Дыбовского,1928 г. [Brzencik,1994].

Портрет-гравюра Б. Дыбовского (из материалов прессы).

терью. Короткое жизнеописание Амелии я подал в брошюре под заглавием: “Воспоминания из полувекового прошлого” (стр. 44). Это была женщина с патриотическими добродетелями, характеризующими наших полек, так называемых “литвинок”. Брат Эмиль оставил после себя мемуары, которые должны быть изданы. В них представлена, как на фотографическом снимке, история путешествия и пребывания в Сибири наших ссыльных. (Рукопись хранится в Виленской библиотеке Общества Наук.)

3. Вечернее собрание в квартире гр. Бнинских. Прием сердечный, общество, состоящее только из поляков и полек, обслуживали поляки, принимающие участие в беседах вместе с гостями, иногда держа в руке поднос со стаканами с чаем и пирожными. Разговор оживленный, относящийся преимущественно к нашим самым близким делам. Там я познакомился с очень симпатичной супругой Александра Оскерки, прибывшей из Литвы, повенчались они в Усолье. Познакомился затем еще с двумя молодыми барышнями из Литвы — одна была невестой д-ра Пекарского — п. Ивашкевич, другая ее родственница, молодая и прекрасная п. Воеводская, та последняя была свободна, иногда добивалась ее благосклонности, но она выбрала себе Свиду, известного в то время в Иркутске под названием “Душка доктор Свиду”, но он был к ней равнодушен, на родине у него была невеста.

Я узнал Иваньского — политического ссыльного. Вечер, проведенный у Бнинских, был для меня приятен. Здесь я встретил много прежних, давно не виденных знакомых, а именно Оскерко, Обуховича, Валицкого и т.д.

4. Обед у четы Смоленьских. Г. Мацей Смоленьский — немолодой человек — был типом такого насквозь сердечного, до мозга костей честного помещика старого закала, с присказкой “Пане дзею”, с длинной трубкой в губах, с веселой улыбкой на лице. Я смотрел на него с чувством настоящего удовольствия. Весь его вид,

его речь, его мнения и взгляды восстанавливали в моей памяти столько дорогих образов из прошлого.

Его супруга младше его, но уже немолодая особа, представляла тип польской женщины, нежно любящей своего мужа. Она прибыла с ним, чтобы сократить ему тяжелые минуты неволи, привезла приемную дочь Уршулю, веселую, милую девочку, любящую искренне и горячо своих приемных родителей. Это "трио" любящих взаимно друг друга существ, а также своих соотечественников и близких, было чисто польское. Здесь не слышалось русского слова.

Я узнал г. Мацея у Сициньского, к которому он приходил с женой и дочерью осмотреть пейзаж Вроньского, законченный недавно по заказу полковника Буковского. Эта картина должна быть выслана в Швецию, где родной брат полковника обещал ее реализовать. Живописец Вроньский, как большинство художников, был неосмотрителен в своих финансовых делах. Сицинский окружил его истинно отцовской опекой, следил, чтобы художник регулярно и постоянно работал, присматривал за ним. Столуясь у Смоленских, Сицинский брал его с собой обедать, а вечером, когда садились играть в карты, в вист, Вроньский должен был оставаться, читал с Уршулькой польские поэтические произведения или рассказывал ей о своих развлечениях в пору, когда был учеником в Академии изящных искусств в Варшаве, рисовал ей нашу столицу в виде земного рая с ангелами в образе очаровательных варшавянок. Таким образом он очень мило проводил вечера своего принудительного пребывания у своего наставника, коротко державшего своего воспитанника, заставлявшего его трудиться и вести упорядоченную жизнь. Именно в момент пребывания Смоленских в квартире Сицинского, Млоцкого и Вроньского я познакомился со всей семьей и был приглашен на польский обед в их квартире. В назначенный день я пунктуально прибыл и застал собравшихся гостей. Сицинский, Млоцкий, Вроньский, Антоневич, молодой человек из Вильно и Шимон Токажевский, второй раз сосланный на сибирскую ка-

торгу. Двух последних я видел впервые, о них скажу несколько слов. Антоневич был красив, разговорчив, веселого нрава, одно его безобразило — это красное пятно на правой щеке, "родимый знак". Он принимал участие в беседах, рассказывал о последних событиях в городе и в мире наших ссыльных, главным образом, развлекая собравшееся общество. Г.Ш. Токажевский — человек немолодой, в первой каторге в крепости много выстрадал. Позднее он написал интересные мемуары, но последний том, изданный его супругой после смерти мужа и написанный ею на основе слышанных рассказов, содержит некоторые ошибки.

Токажевский с Хенриком Волем задумали организовать продажу варшавской обуви. Это дело полностью поглотило пана Шимона. Он рассказывал с преувеличениями о больших выгодах для варшавских сапожников, в цех которых он вступил после первого возвращения из Сибири, а заодно представлял процветание этого предприятия в самых ярких красках. Слушая его рассказы, я составил впечатление, что это личность, всегда поддающаяся иллюзиям. За обедом я узнал еще одну его сторону — склонность к преувеличению. Когда все хвалили польскую кухню и наших женщин, умеющих великолепно готовить блюда по указаниям дам Цюнძевицкой и Цверцякевичевой, Токажевский высокопарно воскликнул: "Милостивая сударыня! Даже Анна Ягеллонка не сумела бы попотчевать Батория такими щами, которые мы здесь вкушаем". Все смеялись таким высказываниям Токажевского, но это было поводом к разговору о королевских женах. Здесь Токажевский продемонстрировал свои исторические знания, относящиеся к нашим королевам. Говоря о Марысеньке (жена Яна Собесского), подчеркнул, что она совсем не была знакома с польской кухней, но у короля Яна был хороший повар, что подтверждает его полнота.

Вообще дальнейшее течение беседы было чисто историческим. Сразу после обеда Токажевский распроштался. Он спешил на какое-то заседание. Четверо засели за вист, я также хотел попрощаться с хозяевами, но

п. Смоленская задержала меня на кофе, которое готовила по-польски. Мы развлекались беседой, Уршулька рассказывала о потешных историях художника Вроньского в Варшаве. Она знала этот город, хотя никогда там не была. Саксонский сад и ботанический, Лазенки, Krakowskie предместье, Аллеи Ерозолимские, Казимировский дворец, кафе Хойнацкой, Пильцовой, рестораны Андзи и Войцешковой, знала фамилии профессоров в школе искусств: Герсона, Тэпы, Костшевского. Знала фамилии коллег Вроньского: Шаховского, Круля, их псевдонимы и т.д. Когда затем к нам присоединилась г. Смоленская, то хвалила влияние Вроньского на обучение Уршульки и обещала себе, что зимой будет возможность дальше развивать ее в этом направлении.

Сейчас у них есть пианино. Музыке обучает наш земляк, ссылочный, бывший органист в Литве, а Мейнбаум и Вроньский будут учить танцам.

Пан Станислав по причине близорукости носит очки, но не употребляет их постоянно. Чтение мучило его, и Уршулька читала ему громко, он учил ее декламации. “Я замечаю, — говорит п. Смоленская, — большие успехи и очень обязана п. Станиславу, причем он развлекает нас рассказами о Варшаве, мы искренне смеемся”. Делаю замечание, почему Вроньский не рассказывает о случаях во время пребывания в Петровске, в Сиваковой и Дарасуне. Приведя несколько оригинальных случаев и рассказав один из них, я пожелал, чтобы художник повторил его со всякими подробностями, великолепно украшившими это происшествие. Оно было мне памятно как с научной стороны, так и потому, что чуть не утонули Вроньский и его лошадь.

Это случилось в июле 1868 года. Я просил жителей деревень Дарасун, Бальзыни и Тыргитуй сообщать мне о найденных гнездах птиц, не трогая яиц и самого гнезда. Часто, получив такое известие, я отправлялся на место, осматривал гнездо, забирал яйца и хранил их в вате в жестяной коробке. Неделю до этого девушки Кругловы косили луг в долине, называемой “подушка Круглова”, на речке, название которой не помню, быстрой и глубокой,

впадающей с правой стороны в реку Тур. По дороге в Тыргитуй они нашли гнездо, на котором самка при ~~косьбе~~ была убита. Девушки, несмотря на мою просьбу, принесли мне гнездо с птицей и яйцами домой. Это был очень интересный, редко встречающийся вид, он оказался новым, названным Тачановским *Rorhina undalata*, яйца были засижены в количестве пяти штук. Я поблагодарил девчат, заплатив кирпичиком чая, и просил в будущем сообщать мне о найденном гнезде не трогая *его* с места. Вскоре нас уведомили, что по левую сторону реки обнаружено гнездо, самка тоже убита косой. Поскольку после сильных ливней река вышла из берегов и затопила всю левую сторону долины, а балаган в ~~котором~~ они пребывали, расположенный на правой стороне, сообщение через реку было невозможным, мне советовали ехать по левой стороне.

Место гнезда обозначено, там вбита высокая жердь со снятой корой, чтобы издалека можно увидеть. Лошадей нужно было оставить в лесу, так как местность топкая. Получив такое известие, я просил Вроньского поехать со мной и остаться при лошадях, пока я пешком в лаптях или портнях пойду за гнездом. Вроньский согласился. Мы расседлали лошадей, к счастью, я взял спокойного коня, которого не надо было тревожить. У затопленного моста мы повернули в долину и поехали опушкой леса. Вся эта сторона долины была под водой. Когда заметили балаган, стоящий на возвышенном месте по правую сторону реки, я решил сойти с коня, это же сделал Вроньский. В этом месте на лесном мху мы нашли обильно растущую моховку со зрелыми гроздьями ягод. Говорю Вроньскому: “Поезжай и собирай ягоды”. Сам я снял седло и пустил коня свободно, лошадь Вроньского стреножил и пошел вверх по долине, в более низких местах вода доходила до колен. Пространство до жерди было значительным, я шел медленно. Нашел гнездо, взял яйца и вернулся на прежнее место.

Вроньского я не нашел, мой оседланный конь пасся недалеко от края леса, лошади Вроньского нигде не было

видно. Я звал его громко, из-за реки мне отвечали, я сел на коня и осторожно приблизился к реке. С того берега выбежали девчата Катя и Соня Кругловы, а с ними несколько рабочих. Я спросил: "Где «живописец»? — Так называли его в деревне. Мне ответили: "Сущится у костра", — и добавили, что спасли его в реке, если бы не помогли, то утонул бы и утопил коня. Я вернулся к мосту, прошел по нему пешком, ведя коня, и поспешил к балагану. Уже вечерело, безоблачное небо предвещало ясную ночь. Я нашел Вроньского, одетого в кожух, а над костром у балагана была развезена совершенно промокшая его одежда, котелок (головной убор) был деформирован, платье испорчено. Белье скоро высохло, но одежду он должен был одеть мокрую. Нас угощали чаем со сметаной, потом мы вернулись в Дарасун. Переправляясь через мост он не хотел сойти с коня, ссылаясь на то, что у лошади лучшие ноги, чем у него.

Птица, гнездо которой с яйцами я добыл, Тачановским была определена как *Ralius indicus* (индийский коростель). В происшествии, о котором так красноречиво и живописно рассказал Вроньский, по моему заключению, действовали следующие мотивы: страх перед медведем, который, как он знал по рассказам стрелков, выходит из леса на моховку, ему показалось, что недалеко слышит рев медведя. Вторым и более сильным побуждением было желание флирта с Катей и Соней. Остальное довершила близорукость художника. Вроньскому казалось, что он всюду видит траву на дне реки. Счастливо закончилась эта его детская выходка из-за страха. Я был обрадован находкой гнезда и яиц индийского коростеля, поэтому этот день — 25 июля — глубоко врезался в мою память. Пусть художник поведает вам об этих минутах, когда его без сознания вытаскивали из воды. Также сумеет он красноречиво рассказать о своем страхе перед медведем. Почти до вечера продолжалась наша беседа, уже в сумерки я распрощался, чтобы пойти к Чекановскому, он собирался на вечер приглашить Ломоносова и Пуциллу, проживающих вместе.

5. Вечерний чай у Александра Чекановского. Когда я пришел, то застал уже приглашенных, несколько позже пришли Владислав Коссовский и Виктор Богуславский, заведующий аптекой.

Я поздоровался с Ломоносовым как со знакомым из Читы, поблагодарил за любезную помощь в деле экспедиции посылок в Варшаву, а заодно спросил, как вышел анализ киренских вод. Я описывал их чудесную деятельность, а также значение для местного населения. Ничего определенного он мне не ответил, но широко разглагольствовал о Култуке, где вместе с Пуцилло провели месяц, занимаясь научными исследованиями. К словам, употребляемым без нужды, он добавлял новое — «но однако». Это слово использовал в разговоре самым странным образом, что особенно поражало в его рассказе о Култуке, то какой-то панический страх перед медведем, по его представлению, там полно этих страшных зверей и при встрече с медведем самый безопасный способ спасения — влезть на дерево. Пуцилло — молодой человек симпатичной наружности, подтверждал рассказы Ломоносова о медведях, а также о бедности фауны низших животных. «Целыми часами, — говорил он, — мы плавали на лодках вдоль берега Байкала до устья речки Слюдянки, ловили сеткой и всегда напрасно». Чекановский, обращаясь ко мне, сказал: «Вот видишь, ты не хотел верить, а здесь имеешь доказательство, что рыбы байкальские кормятся илом». «Но однако, — сказал я, — верить этому не могу». Был также поднят вопрос о голомянках. Ломоносов решительно утверждал, что они гибнут от газов, выделяющихся со дна озера. Эта гипотеза Георги. Я сделал замечание, что этому не верю.

Вообще, я — Фома неверующий, **должен сам проверить**, чтобы поверить.

С приходом Коссовского и Богуславского предметом разговора стали местные новости, самой важной была для меня, что скоро закроется перевоз через Ангару, следовательно, нужно спешить с отъездом в Култук. Получив это известие, я сообщил, что у нас почти

все готово, нет только больших саней, чтобы упаковать на них мелочи и товары, какие должны мы взять с собой, Годлевскому кто-то из наших обещал одолжить.

“Если дело в санях, — сказал Пуцилло, — то могу Вам предложить, у моего брата есть такие сани, можно даже привязать к ним будку. В этот момент они брату не нужны”. Я поблагодарил сердечно и просил, чтобы сани завезли во двор бывшей Казенной палаты, откуда мы выедем в Култук. При этом просил Коссовского написать письмо начальнику станции Золотницкому. Все трое — Коссовский, Ломоносов и Пуцилло — хвалили этого человека как почтового магната, имеющего под своим управлением все станции от Иркутска до Посольска, их более десятка, на каждой станции 6 пар или 6 троек, каждая пара оплачивается начальнику, отсюда — огромные доходы. Золотницкий же должен оплачивать высшей власти, однако доходы его, как высчитывают присутствующие, достаточны, и они думают, что это самая доходная должность в Иркутске. Он, как говорят, правит в Култuke и его благосклонности (расположения) надо добиваться. Когда Коссовский закончил письмо, к нему дописали Ломоносов и Пуцилло, горячо вверяя насopeке начальника. Очень важным было для нас знакомство с Виктором Богуславским. У нас постоянно был химический материал для наших научных работ.

В этот вечер был приглашен молодой натуралист, недавно прибывший из Европейской России на должность учителя физики, это был ученик известного профессора Ковалевского из Одессы. Он привез с собой хороший микроскоп и берется обрабатывать микроскопическую фауну байкальских существ, поскольку больших в этом озере не обнаружено. Все единогласно расхваливают п. Гребницкого, так его зовут, происходит он из Гроденского и по-польски его фамилия пишется Хребницки. Я не познакомился с этим многообещающим молодым человеком и позднее не встречался с ним. Только на Камчатке познакомился с ним лично. Через пару дней после вечера у Чекановского мы на пароме

пересекли Ангару и по хорошей санной дороге отправились в Култук.

Переходя к описанию Култука и дороги к нему, сначала скажу пару слов о реке Ангаре, описанной мною в литературном приложении “Львовского курьера”, остающегося под руководством п. Болеслава Выслоуха в 1901 г.

Ангара принадлежит к системе вод: Селенга, Байкал, Нижняя Ангара, Тунгуска, Енисей. Длина всех поименованных рек вместе с шириной Байкала, измеренной наискось от устья до выхода Нижней Ангары, составляет около 5504 км. Так, длина Селенги с озером Косоголом, через которое она проходит, равна 1370 км, ширина Байкала наискось — 106 км, длина Нижней Ангары и Тунгуски (или часть Восточной Ангары) — 1908 км, длина Енисея от места соединения с Ангарой до побережья океана — 2120 км. Рассматриваемая таким образом Ангара является одной из могущественнейших рек Старого мира [Света]. Она длиннее Нила (5500 км), Иртыша с Обью (4980 км), Ян-тзы-дзян (4462 км), Лены (5000 км). Территория бассейна этой огромной системы вод составляет 300 000 000 гектаров. В отношении наклона плоскости, по которой стекают воды упомянутой системы, приблизительное понятие дают следующие цифры: высота поднятия суши у истоков Селенги равна 1575 м, уровень воды Байкала над уровнем моря 505 м, а при впадении Ангары в Енисей — 104 м. Ангара в любом отношении отличается от всех других рек земного шара качествами, которые я описал в упомянутом выше журнале. Здесь упомяну еще, что три большие реки — Верхняя Ангара, Баргузин и Селенга — вместе с 300 меньшими реками и тысячами ручейков вливают свои воды в Байкал, а вытекает из него единственная река — Ангара нижняя*. С виду она не больше Селенги, впадающей в Байкал многими ответвлениями, а также не больше Верхней Ангары, од-

*Так раньше называли Ангару, вытекающую из Байкала. В Байкал впадает Верхняя Ангара.

нако выполняет работу, равную работе всех рек вместе взятых. Чтобы справиться с таким большим заданием, Ангара работает (трудится) без устали целый год и уже весной уносит всю воду, собранную в течение лета и осени, так что к началу мая уровень воды озера спадает до минимума своего годового состояния, после чего медленно постоянно начинает повышаться. Это продолжается до конца августа или начала сентября. В эту пору года уровень воды достигает своего максимума. Разница между обоими состояниями равна от 87 см до 1 м в обычные годы, но в годы обильных атмосферных осадков максимум достигает 164 см – до 2 м. Уровень воды Ангары в Иркутске ниже байкальского на 30 м. Расстояние 60 км, течение воды, по новейшим исследованиям, составляет только сажень на версту (лоция и физико-географический очерк озера Байкала 1908 г. генерал-майор Дриженко) или около 2 м на километр.

ПРЕБЫВАНИЕ НА ПОСЕЛЕНИИ

Култук над Байкалом

Расстояние от Иркутска до Байкала, составляющее 90 верст, разделено на четыре станции: Веденцина, Моты, Глубокая и Култук. Переезд по горам начинается собственно от станции Моты, но самые большие, наиболее высокие горы с крутыми спусками встречаются только от Глубокой. Спуск с последней горы перед Култуком был в то время головокружительным. Тормозили все повозки, как на колесах, так и санные. С самой высокой горы на этом тракте ямщик показал нам Байкал, далеко под нами блестящий при лунном свете. Уже поздно вечером мы прибыли в Култук. Неожиданно здесь все для нас складывалось благополучно. Мы нашли в комнате вытопленные печи. Сторож Николай Колодей, поляк из Волыни, католик, забывший свою родную фамилию и принявший имя из своего ремесла – Коломилю, получил распоряжение из Иркутска натопить к нашему приезду печи. Открыли ворота, крепко построенные

ные, с железными засовами. Втянули сани в большой и содержащий в порядке двор. Пока ненужные вещи Николай поместил в амбаре, где хранились остатки ляпис-лазури; амбар закрывался на двойные замки. Остальные мы перенесли в комнаты.

Дом Пермикина был одним из лучших в целой деревне, соперничать с ним мог лишь полковник Шатца, которого селение называло “Шацовым”. В Култuke он исполнял обязанности инженера-строителя дорог и мостов. Об этой системе говорить буду потом, о нем я вспоминаю потому, что разговаривая с Николаем, увидав окна, даже со двора плотно закрытые ставнями, а некоторые – на болты, я спросил у него: “Часто ли здесь случается воровство, что от него так предохраняются?” “Да, – ответил Николай, – через Култук проходит тракт бродяг, сейчас почти каждый день они идут здесь. Все работники полковника Шацова – это бродяги. Он дает свидетельство, что бродяга его рабочий. Это свидетельство заменяет паспорт или “вид” и дает право жить в деревне. В прошлом году Шацов хотел, чтобы мой хозяин разрешил рабочим жить в этом доме, но он на это не согласился. В этом году сами рабочие решили силой занять дом. Счастливо случилось, что вы сюда приехали. Неделю тому назад проводилось следствие, приезжали становой, исправник, доктор. Делали вскрытие. Бродяги напившись, затеяли между собойссору. Одного товарища своего ударили и бросили в море, но море выбросило труп на лайду (заболоченный берег), а теперь беспокойство всей деревне и выговор старосте. Дорога в Иркутск по тракту опасна, на едущего в одиночестве нападают бродяги, поэтому крестьяне едут по несколько человек вместе. Бродяги ходят по улицам и просят милостыню, подаяние, нужно им обязательно давать хлеба, творога, мяса, иначе опасаются, чтобы ночью не подожгли дом”.

Такое объяснение Николая познакомило нас с довольно печальными местными условиями.

Дом Пермикина состоял из двух частей: фасадной, с четырьмя окнами на фасаде и двумя во двор и длин-

ной, широкой пристройки на ширину половины фасада дома и тремя окнами. В фасадной части четыре комнаты: две поменьше, лежащие одна за другой, занимают 1/4 дома; фасадная комната в два окна — одно на север, другое на восток — предусмотрена для моего кабинета. Другую — с окном на восток — для своего кабинета берет Годлевский. В каждую комнату вход отдельный из средней комнаты, самой большой и занимающей 2/4 дома с двумя фасадными окнами. Оттуда же вход в четвертую комнату, составляющую 1/4 часть дома и длинную, как две наши комнаты — моя и Годлевского. В пристройку два входа: один со двора, другой из общих сеней, соединяющих обе части дома. Внутри пристройка разделена на две избы, одна поуже — кухня с хлебной печью, другая пошире, более просторная. Обе обогреваются одной большой печью с лежанками. Здесь Ксенжопольский решил устроить лавку (ларек), а заодно и свою квартиру. Николаю отдал комнату, расположенную у входа в сени, и теплую "лежанку" у печки со стороны большой избы.

Несколько неожиданны были для нас размеры дома, равно, а может быть и более была неожиданной меблировка комнат. Мы имели столы, обитые kleenкой, стулья, табуретки, столики, топчаны для кроватей с чистыми сенниками, наполненными свежим сеном, все было в порядке, будто приготовлено для нашего приезда. Николай рассказал, что вся мебель осталась от прежнего хозяина, ничего не изменено и ничего не взято. Молодой хозяин приказал сейчас выстирать матрасовки и сменить в них сено, что и выполнено. Все указания (напоминания) старого хозяина сохраняются. Он любил Култук и его любили култучане. Каждый праздник перед окнами дома, здесь на улице было гуляние. Девушки пели, водили хороводы, танцевали. Хозяин угощал танцующих конфетами. До сегодняшнего дня продолжаются гуляния, хотя окна замкнуты и прикрыты ставнями. После рассказа Николая я замечаю, что сейчас, когда окна будут открыты, следует подумать о каком-либо хотя бы самом скромном угощении.

Ксенжопольский и Николай поставили новый самовар, мы уселись к чаю. Мы его пили каждый день из китайских мисочек "аяга". Приглашали к столу Николая, но он предпочитал кружку чая и булку на кухню и там покушать.

Визит к Золотницкому мы отложили на завтра. Когда речь шла об этом визите, неожиданно пришел сам Золотницкий. Сказал, что узнал от ямщиков о нашем прибытии и поспешил, чтобы сообщить нам распоряжение исправника, выданное старостам волостей относительно нас, а именно: господин исправник передают нас и наше имущество на попечение волости. Если веревки (шнуры) для измерения и других исследований, оставленные в проруби, будут украдены местным населением, то такая кража будет считаться воровством "казенного имущества", а волость обязана вернуть стоимость указанных предметов. Наряду с этим распоряжением, выданным волостям, он нам рекомендовал писать письма на его адрес и по-русски для более быстрого решения всех вопросов, так как вся корреспонденция, адресованная в Тунку и в Иркутск, подлежит цензуре и там лежит неделями, пока дойдет до нее очередь.

Кроме того, он советовал не посыпать никаких писем за посредничеством частных лиц, ибо дано распоряжение, запрещающее пересылку корреспонденции подобным образом.

Выслушав сообщения Золотницкого, я поблагодарил его за любезную информацию. Узнав, как затруднительна здесь переписка, я был рад, что в случае необходимости мы сможем быстро связаться друг с другом способом, указанным исправником. Я пригласил начальника почты на чай, но он отказался, мотивируя, что уже после чая. Отказался он также от предложенной сигары, сказав, что не курит.

Я расспрашивал его подробно об обстановке в деревне. Здесь два трактира, основанные по поручению еврейки Маркевич. Одним, так называемым православным, заведует Шишгин, он имеет также ларек. Другой

трактир — бурятский, трактирщик бурят, тоже открыл ларек, расположенный напротив нашего дома. В Култуке живет начальник таможни. Здесь провозят часть партий чая, даже лучшие его сорта, отправляемые спешно на ярмарку в Ирбит. Дорогой вокруг Байкала везут намного раньше, чем зимней дорогой через Байкал. Есть в деревне и батюшка, при церкви начальная школа, а учит в ней дьяк, но посещает школу мало мальчиков, жалуются на плохое преподавание "грамотности", кстати, батюшка просит перевода и я ему не удивляюсь. Здесь страшная скука, которая может довести до сумасшествия.

"Летом этого года у нас были гости из Иркутска, — рассказывает Золотницкий, — господа чиновники особых поручений Ломоносов и Пуцилло, командированные для исследования животных в Байкале. Вечерами, когда они возвращались из экспедиций, совершаемых на лодке, мы развлекались игрой в карты". Я спросил: "Большой ли был у них улов?" "Они жаловались на отсутствие корма на побережье, так как оно песчаное", — ответил Золотницкий. "Но, — возразил я, — все лето на этих песках гостят стаи чаек, должно быть, находят там обильную пищу, если пребывают там днем и ночью продолжительное время". Потом спросил, знает ли он прапорщика гвардии артиллерии Владислава Коссовского? "О, знаю! — ответил он, — любезнейший человек, он здесь исследовал минеральные воды и вообще воды источников. Это нужно для известного геолога Александра Лаврентьевича Чекановского, который сюда весной прибудет с топографами. В. Коссовский узнавал здесь цены наима проводников и лошадей выочных и верховых. Он заключил договор с хорошими стрелками, местными крестьянами Григорием и Гаврилой, они прекрасно знают окрестности Култука, на охоту ходили до Лиственничной, с одной стороны, и до Посольска, с другой. Из здешних охотников только они одни ходят на медведя и каждый год добывают по нескольку шкур". Мы спрашиваем: "Много ли здесь медведей?" "Очень мало, — отвечает, — господа Ломоносов и Пуцилло, когда ос-

матривали окрестности, брали с собой Григория, но за все время медведя не встретили. Григорий великолепно знает монгольские языки, докаменных и каменных бурят, уранхов и дархатов; это бесценный проводник, к тому же, человек честный, единственная его слабость — это водка. Другой охотник-проводник, которого хотел заполучить В. Коссовский для Чекановского — Семен, но он не согласился, так как жена ему не разрешила уезжать из Култука".

При этом рассказе Золотницкий смеялся. Он советовал познакомиться с этими стрелками, они могут быть полезны во время охоты на крупных птиц. Их нарезные дальнобойные ружья стреляют из сошек на дальние расстояния.

Я сообщил Золотницкому, что хотя и запрещено перевозить частные письма, но то, которое собираюсь ему переслать, на самом деле официальное, написано по-русски и содержит просьбу о любезной его заботе о нас. Тут я ему подал письмо В. Коссовского с припиской Ломоносова и Пуцилло.

Он прочитал письмо и заявил, что с готовностью будет оказывать нам всякую помощь. Может быть, кто-либо из нас захочет поехать с ним и осмотреть станции и долины по Кругоморской дороге (Байкал официально называли морем). Я поблагодарил его и просил уведомить нас, когда наступает время объезда станций. Он ответил, что после замерзания Байкала, в то время освобождается часть троек со станции или высылают их на дальнейшие станции в случае большого разгона.

Перед уходом Золотницкий сообщил нам очень приятные известия о том, что Байкал замерз в тихую ночь, лед выглядит, как зеркальная гладь. Во время замерзания у берегов не было щуги, так как сильно дующий в течение нескольких дней северо-восточный ветер, называемый здесь "горным", отогнал щугу далеко в море. Это редко повторяющийся здесь случай. Наверно, скоро поспешат из Иркутска любители кататься на коньках. Потом по Байкалу можно будет совершать прогулки на лыжах больше десяти верст. Так, возможна езда

на саночках с парусом, как это практикуют на Пейпусе и Ладоге.

“А вы заметили, — спрашивает Золотницкий, — как чисто на улицах Култука, ни мелкой соринки (пылинки) ни крошки снега нет, все это вымел “горный”; он единственный чистильщик здешних улиц. Как возмется за работу, то сметает даже трубы, срывает плохо закрепленные ставни, сносит оставленные свободно на улице сани. В эту зиму пытался сорвать даже таможенный шлагбаум, страшно надоевший жителям Култука. Когда “горный” рассвирепеет, шутки плохи, от него надо защищаться. Худые крыши он срывает, поэтому здесь все дома покрыты толстыми досками, прикрепленными огромными гвоздями”. “Горному” отвечает “Бора трестынсьская”, — делаю при этом замечание.

После этого длительного разговора, продолжающегося более часа, мы рас прощались с доброжелательным начальником станции, проводили его до калитки, закрыв ее, так как до этого она была открыта.

Услышав скрип запора, Ксенжопольский вышел из пристройки, где находился, и вернулся с нами в столовую. Он доложил о проведенной на свой риск конференции с Иванихой, которая пришла, узнав о нашем приезде. Результаты этих переговоров настроили Ксенжопольского мечтательно в отношении своей купеческой карьеры, задуманной на широкую ногу. Он думает выпекать хлеб: ржаной, пеклеванный, булки, сухари, сухарики, а население будет покупать.

“Сейчас начнется перевозка чая. За хлеб и сухари будут платить чаем, так называемым “цветочным”, или чаем лучшего сорта, за фунт которого в Иркутске платят от 5–8 рублей”.

Такие комбинации, рассчитанные на воровство перевозчиков, меня очень обеспокоили и я просил Годлевского, чтобы он точно, с карандашом в руке, доказал Ксенжопольскому опасность пускаться в такие нечестные спекуляции.

Сам я отправился в свою комнату отдыхать, открыв сперва ставни у окна, выходящего на восток, чтобы с

первymi лучами солнца увидеть Байкал. Ночь была тихая и ясная.

Утром, на рассвете, Николай открыл ставни, поставил самовар и подал его в столовую, разбудил спящего крепким сном будущего култуцкого купца. Его вчерашнее возбуждение показалось мне неестественным, и у меня возникло подозрение, что оно могло быть вызвано алкоголем. Поэтому я объявил ему, что поскольку он обещал, что пить не будет, то я еще раз обязываю его свято выполнять данное мне слово. От этого зависят будущие наши отношения и вся его будущность.

В настоящее время, когда он вместе с нами будет участвовать в деле научных исследований, было бы очень стыдно иметь сотрудника-алкоголика.

Здесь в Култуке все пьют, а так называемая интеллигенция играет в карты, поэтому мы обязаны подать пример трезвости и вечерних развлечений без карт. “Не обмань нашего доверия, дай обет воздержания и откажись от игры в карты”.

Ксенжопольский дал нам такое обещание, но оно однако не уберегло его от странных последствий алкоголизма, которые стали причиной его несчастий.

Николай привел меня в дом стрелка Семена Хата, находящаяся на Набережной улице, была бедная, но образцово чистая. Одна изба с перегородкой, у перегородки аккуратно застланная большая кровать, на полу на войлоке — суга и двое щенят. В углу избы — икона с горящей лампадкой. В этом же углу — большой стол, покрытый чистой скатертью, и вокруг скамейки.

Входящий в избу обязан сперва обратиться к обрам, перекреститься, а потом поздороваться с хозяевами. К этому обычно я привык, находясь в Забайкалье.

Меня пригласили садиться. Начав разговор, я спросил, как он думает, скоро ли можно будет пойти по льду Байкала? И получил ответ, что через несколько дней; ночи морозные, поэтому лед быстро наращивает толщину, уже сегодня ходили за водой довольно далеко от берега. Потом я расспрашивал о животных, водящихся возле берегов.

“Летом много “жингаров” – это маленькие рыбки, они служат пищей для людей, дети собирают их для свиней и собак”. На вопрос, чем питаются “жингары” – он не задумываясь ответил: “Бокоплавками, а этих много-много на всем побережье”. Когда я начал расспрашивать, один ли бывает вид жингаров или несколько, он ответил, что дети различают несколько видов, а именно: жингар простой, статский жингар, черногривка, пузатка. Все же он не знает, правильно ли это различие. Когда хозяйка вышла из избы, я предложил Семену отстреливать для меня хищных птиц маленькими пульками. Я буду ему платить за штуку по условленной цене: за мелкого ястреба – полрубля, за более крупного, например Мышелова, Кане – по рублю, за орла – по два рубля. Он охотно согласился, но просил не говорить об этом жене. “Хорошая баба, – сказал, – без нее я бы пропал, но опять уж слишком крепко в руках держит, а мне ведь время от времени надо выпить, это на пользу здоровью, а она “нет” да “нет”. Я буду отдавать половину заработка, ведь хватит”. По слухам возвращения в избу хозяйки дальнейший разговор на эту тему пришлось прекратить.

Детей у них нет, приемыша не хотят брать. Живут обособленно от всей общины, имеют корову, лошадь, двух собак. Любимая сука считается членом семьи. Семен показал свое хозяйство, у них был запас дров для отопления, чистая баня и черная баня с предбанником. Батюшка приходил в баню, но после того, как я ему за молебен вместо серебряной монетки дал завернутую в бумагу копейку, он рассердился и перестал посещать баню. “Я согрешил, – признался скромно Семен, – но по необходимости, я думал, он не заметит, а он так хорошо запомнил, кто дал ему копейку, завернутую в бумагу. Да, Божья воля”. Я попросил Семена, чтобы он показал мне свое знаменитое старинное нарезное ружье “Екатеринбургское”. Сегодня уже нельзя достать такое, вырабатывают только короткие, малостоящие. Семен содержал свое оружие в образцовой чистоте, калибр пулек минимальный, ствол внутри чистый, как

зеркало. Он рассказывал, что пуля не рвет, не раздирает кожи, но пробивает маленькие круглые отверстия.

Сейчас в Иркутске переделывают курки из кремневых на пистоновые, но Семен не одобряет таких изменений.

Он пространно рассуждает о великолепии своего нарезного ружья, замечает, что “и оно имеет свои капризы”, но он знает на это способ. Как только убедится, что оно начинает подводить, немедленно вынимает ствол из ложа, кладет его на срезанный в лесу пень и сильно бьет его розгой, пока не истреплется розга. Потом берет ствол, вытирает его дочиста, смазывает тряпкой, смоченной в барсучьем сале, и вкладывает в ложе. Такая порка действует весьма эффективно, ружье сейчас же исправляется.

Некоторые ружья, по мнению Семена, обладают способностью “щелкать”, т.е. издавать звук, сообщающий ожидающему в засаде стрелку, что к нему несомненно придет зверь, как, например, медведь к падали или олень к искусственной солянке.

Такие ружья имеют Гаврила и Григорий, они слышат “щелканье”, а другие не могут услышать “щелканье”. Я привел эти подробности охотничих рассуждений Семена, но, как я убедился, в Култуке они были повсеместны; меня только удивляло, что в мировоззрении култуchan никакой роли, даже второстепенной, не играл дьявол (черт), в то время как в Забайкалье *вера* в деятельность черта была всемогущественна.

Мое, почти случайное, знакомство с Семеном впоследствии оказалось очень полезным для нас. В нем мы нашли доброжелательного, даже самоотверженного друга, который помогал нам охотно, не стараясь нажиться. В тот день, когда я узнал его, он познакомил меня с разными стрелками-охотниками: с Григорием(евым), Гаврилой, Кобелевым. Первый рассказывал о знатном вельможе княжеского рода, нанявшем его проводником (речь шла о Чекановском). Среди этих охотников я не нашел никого, кто мог бы пригодиться для наших целей. Это были стрелки крупного зверя. Григорий Гав-

рилович был проводником у Радде во время его путешествия вокруг Байкала. Вместе с ним он ездил в верховья долины Иркута до шахт графита Алибера, известных всему Западу, так как все карандаши в Англии и Франции, к тому же лучшего качества, вырабатывались из этого графита. Он сопровождал его на озеро Косогол, в гору Мунку-Сардык. Будучи спутником Радде, он нес барометр и указывал ему дорогу. Никто из жителей Уранхов не осмеливается входить на эту высокую гору, опасаясь смерти. Он один не боялся и, если бы не он, то Радде туда бы не добрался.

Сознавая свои большие заслуги, Григорий ценил себя высоко, а сейчас, когда собирался поступать на службу к так называемому вельможе, он чувствовал себя еще более важным и мечтал о том, как поведет Чекановского в такие места, где кроме него никто не был, покажет ему, где находятся алмазы и изумруды, где залегает золото, где есть “нефрит”, минерал нефрит был тоже ему известен. Он почивал на лаврах и ожидал за получить еще большее великолепие.

Двоих других упомянутых охотников мало были пригодны для стрелки птиц, для них это была слишком маленькая дичь.

В Култуке начиналось восстание вокруг Байкала, мне интересно было узнать, как култучане относятся к этому восстанию. Однако расспрашивать и вообще вспоминать об этом пока было неуместно и я должен был отложить это до времени, когда наши отношения становились более близкими.

Я предполагал, что руководители восстания: Шарамович, Целинский, Рейнер и Котковский, не имеющие никаких географических знаний о Восточной Сибири и граничащей с ней Монголии, должны были искать проводников среди култучан: первым, самым главным, был Григорий, второй — Гаврила. Вполне возможно, что с ними велись переговоры, может быть их уговаривали согласиться быть проводниками, но об этом ни тогда, ни позже я ничего определенного не мог узнать.

Култучане понесли значительные потери, у них забрали лошадей, повозки, седла, но об этом, истинно детском восстании, плохой памяти они не сохранили.

Я никогда не слышал нареканий или ругани и считал, что такое забвение *понесенного ущерба* является положительной чертой култучан и их альтруистического характера. Мои антропологические измерения и многочисленные фотографии, какие мы здесь делали, убедили наконец меня, что местное население Култука и Тунки имеет белорусское происхождение. Это мое мнение разделяет и этнограф Ровинский, исследовавший это население в области языка и обрядов. Он нашел много слов польского происхождения, песни и мелодии, незнакомые великим русским, а к тому же — необычную мягкость характера.

Не знаю, публиковал ли Ровинский свои замечания, подтверждающие мои взгляды. Пользуясь любезностью Семена, взявшегося провести меня по деревне, я навещаю по очереди жителей. Вхожу в убогую хату Иванихи, ее саму я не застаю. Три дочери: Таисия, Серафима и Соломонида, занятые подготовкой хаты для приема телег или обозов с чаем. Они месили тесто для хлеба, топили печь и сообщили, что мать уже с утра в нашей квартире и там готовит хлеб для выпечки. Они показали мне дорогу к нашему дому через их и наш овощные огороды. Дорожка протоптана и мы с Семеном идем по ней.

Дома застали Ксенжопольского и Иваниху, занятых на кухне, а Годлевского, приводящего в порядок нашу квартиру. Только сейчас подают второй завтрак. Иваниха испекла великолепные оладьи. Угощаю Семена чаем с “ромом”, иначе — с водкой.

Он берется немедленно привезти ржаную муку, одолженную Ксенжопольским у трактирщика Шишкина за посредничеством Золотницкого. После обеда обещает привезти нам воз сухих березовых дров из лесу, где у него заготовлено несколько саженей. Стоимость воза на месте 7 рублей, а с вывозкой на дом 13 рублей. Соглашаюсь не торгуясь и сообщаю, что деньги пере-

дам на руки благоверной, а для снискания ее благосклонности передаю несколько карамелек. Он ушел домой и вскоре с Ксенжопольским привезли эту муку.

Я угостил Семена рюмкой коньяка (эссенция сладкого чая со спиртом Бутина), но побоялся дать ему деньги на руки, чтобы он не завернул в трактир.

Пока у Ксенжопольского работа кипит, я иду с визитом к Золотницкому. Коссовский рассказывал, что у начальника почты есть маленькая дочь, которую он очень любит. Принимая это во внимание, я решил найти путь к его сердцу, подарив дочери конфеты в красивой, сделанной Августом Кренцким, коробке. Я выбрал коробку с картинкой под стеклом, изображающей Св. Иннокентия, покровителя Иркутска. Этот святой, русин, Кульчицкий, когда-то иркутский архиерей, признан по всеместно как архи-чудо (чудесный). Все молятся ему очень горячо, а он за эти моления воздает чудеса.

Август рассказал, что когда покупал у монаха картины-образки, у того было несколько видов. Более всего он хвалил образок чудотворный, на нем клубок святого имел переди изображение самого Бога. Такое одеяние архиерей одевал на голову во время больших торжеств на небесах, так утверждал монах.

Такой вот образок я выбрал для подарка, который был благосклонно принят бледной худенькой девочкой, имеющей вид настоящего больного ребенка. Супруга начальника, мать этой девочки, похудевшая, бледная, со страданием мученицы на лице, производила грустное впечатление. Поскольку меня, как врача, советовали не просили, я воздержался от всяких консультаций, предчувствуя, что здесь уже никакие средства не помогут. Впоследствии я узнал, что иркутские врачи советовали операцию, больная на нее не согласилась, предпочитая смерть.

Я узнал, что хождение по льду будет разрешено с завтрашнего дня. Чтобы иметь разрешение ездить, я должен ожидать официального разрешения из Иркутска. Еще в этот же день я сделал остальные необходимые визиты. Навестил трактирщика Шишкина, внеш-

не приличного человека, церковного батюшку, человека без значения, пьющего "умно", нигде самостоятель но не выступающего и даже не умеющего ответить на вопросы: следует ли молиться за убитого бродягу и стоит ли принимать являющихся на исповедь бродяг.

Следующее посещение — у начальника Таможни. Я встретил в нем человека необычайной честности. Это был таможенник, может быть, единственный честный на всю Россию, деликатный, отзывчивый. Он жил по соседству, нанимая избу у крестьянина Гаврилы, пока будет закончено здание Таможни. Семья Гаврилы состояла из старика хозяина, сына его — молодого человека, отца четверых детей и мужа молодой красивой женщины. Дом был хорошо построен, боком к улице, обширный, с пристройками. Часть от улицы сдавалась внаем начальнику Таможни Чекулаеву. В другой части жила семья, а в пристройке — батраки (рабочие).

Молодой хозяин, гуляка, самый богатый крестьянин в Култуке, жизнь проводил преимущественно вне дома. В доме распоряжалась молодая Гаврилиха. Зайдя к Чекулаеву, я нашел его в окружении четверых детей хозяина: старший Петя, за ним Танька, потом Дунька и Нюрка (Никанор). Дети красивые, чисто одетые, как рассказывал Чекулаев, — единственное его общество. "Они милые, послушные, разговорчивые, от общения с ними я получаю настоящее удовольствие".

Мы подружились и дружба наша сохранилась, несмотря на время и разлуку.

Вернувшись поздно домой, я нашел там великолепный обед: капустные щи со свининой, пожалуй лучшие, чем были у Анны Ягилленки, на второе — новинка — налимы (*Lota vulgaris*), только что пойманные в верше, поставленной на речке Похабихе, на третье — блинчики, искусно приготовленные и поданные. Словом обед, которого мы в Култуке не ожидали покушать. Оказывается, Иваниха была кухаркой у Пермикина и прекрасно разбирается в кулинарном искусстве. С учетом предстоящей нам работы, хорошая и питательная пища была нам необходима.

Подготовку к завтрашней первой экспедиции на Байкал мы провели обстоятельно. На складе у Николая были пешни, или кайлы, разной формы для разбивания скал. Мы выбрали с деревянными ручками, подготовили сетку на длинной деревянной рукоятке. Для начала сделали только это.

Первая экскурсия на Байкал, конец 1868 года

Лед на озере вблизи деревни Култушной образовался в тихую, безветренную, к тому же счастливую ночь, когда поблизости не было прибрежных льдин, так как сильными ветрами их унесло в глубь озера.

Вся поверхность, куда достает глаз, была гладкая. Лед представлял собой кристаллическую плиту. Толщина льда вблизи речки Мыдлянки могла составлять до 10 см, к югу на середине Байкала была значительно больше. На эти гладкие просторы озера или моря мы отправились с утра при ясной тихой погоде. Дно озера пропало (виднелось) отчетливо, как будто подсвечивалось снизу. Минутами казалось, что мы каким-то чудом ступаем по поверхности незамерзшей воды, как будто от нее не отделены никакой твердой преградой. Освоившись с необычным положением, мы приступили к исследованию подробностей. С этой целью, заслонив голову непрозрачным покрывалом, мы приблизили глаза ко льду. То, что, на первый взгляд, мы заметили, наполнило нас большой радостью. Мы увидели жизнь животного мира и, как нам показалось, богатую. Но вопрос, каким способом приступить к вылову? Случайное наблюдение за прибрежными камнями позволило обнаружить несколько скелетов рыб очень нежных, которых я причислил, может быть и без основания, к виду голомянки, так для меня желательной.

Предположение, что эти скелеты были очищены бокоплавами, направило нашу ловецкую деятельность в эту сторону и подало нам счастливую мысль ловить бокоплавов на приманку. Этот способ при ловле бокоплавов, моллюсков и плоских червей оказался в даль-

нейшем по своим результатам очень успешным. Я применял его позднее в Маньчжурском море и на Камчатке.

На другие способы, проектированные нами, не хватало средств. Забавной была смета, составленная вместе с Валерианом Куликовским — архитектором и инженером, проживающим в то время в Иркутске. Когда мы представили ему в образцах весь сверх ожидания богатый результат наших исследований, добытый при помощи тяжелого способа лова на приманку, он спросил: “Возможны ли другие способы лова?” Вот один из простейших при помощи драги. Я рассчитал, что трехметровая драга была бы достаточна. К такой драге, металлическая часть которой, идущая плоско по дну, должна быть обернута соломой, чтобы не набирала в середину слишком много ила, нужен конопляный трос определенной толщины и точно установленной прочности, каждая 100-метровая часть каната (веревки) соединяется с другими 100-метровыми при помощи металлических спаек, легко соединяющихся друг с другом. Вся длина каната должна составлять 3000 м. Линия, по которой будут тянуть канат с драгой, заранее определена и направление точно обозначено.

Глубина Байкала вдоль этой линии должна быть измерена путем исследований, проведенных на расстоянии 100 метров, и там должны быть заложены постоянно открытые проруби, через которые опускаются марлевые цилиндры с приманкой или полотняные лоскуты, специально приспособленные для растягивания плоско на поверхности дна, тоже с приманкой на них.

Когда все таким образом приготовлено, необходимо выбрать наиболее соответствующее, двухкилометровое пространство, по которому намереваются тянуть драгу.

С одного конца этого пространства драга должна опускаться на дно, потом продевается по щели, выдолбленной кирками, канат не широкий, длиной 2 км до ее конца. У окончания щели должен быть установлен крепко построенный переносной ворот (позволяющий

медленно тянуть канат и драгу силой людей или лошадей).

В. Куликовский по ценам материалов и стоимости рабочей силы рассчитал смету, сделал соответствующие рисунки (чертежи) и послал все мне, уверяя, что для осуществления проекта вместе с войлочной обогреваемой юртой на санях, могущей передвигаться с места на место, а также включая покупку двух лошадей, достаточно будет 2000 рублей серебром. Мы спорили, к кому обратиться за помощью, а тем временем мерзли над уже многочисленными прорубями, вытягивая цилиндры и лоскуты, снабженные приманкой, для которой сперва пользовались только рыбой, а именно: налимами, не употребляемыми местным населением в пищу. Културане чувствовали удивительное отвращение к налимам и щукам. Проект Куликовского не был выполнен. В каждый выход к проруби я тянул за собой саночки, на которых помещался мелкий деревянный сосуд с теплой водой комнатной температуры, посуда сверху накрывалась деревянной крышкой, а к тому же еще заслонялась войлоком. В этом случае помещалось сразу 10 бутылок так называемых оподельковых больших, каждая с номером проруби, которую мы в этот день собирались осматривать. Все бутылки были защищены мешочками из тонкого войлока.

Вытянув марлевые цилиндры из данной проруби, мы быстро, при помощи пинцетов выбирали все живое в соответствующую бутылку, наполненную водой, закрывали ее пробкой, на марлю натягивали мешочек и кладли в сосуд с водой. За один день мы не могли осмотреть более десяти прорубей. По окончании работы я возвращался домой и тянул за собой саночки.

Годлевский оставался, чтобы вырубить дальнейшие проруби, как мы шутили, до бесконечности, пока станем на северном рубеже священного моря.

Редко кто из натуралистов находился в таком положении по отношению к описываемой и исследуемой фауне, как мы тогда относительно фауны Байкала. Каждая новая прорубь приносила новые формы, все более

интересные и более оригинальные. Разнообразие форм, пестрота красок и покрова тела, причудливое вооружение и т.д. — все это нужно было обстоятельно изучить, оценить, измерить, рассчитать и из целого хаоса разнообразнейших данных создать ясную схему для возможности дальнейшей работы по изучению все новых форм.

Я должен был создать новую анатомию ракообразных. Исследовал строение их тела до мельчайших подробностей, на основании их строения составил предварительную классификацию, обработал синоптическую таблицу. Эту анатомию переписал Генрих Воль вместе с синоптической таблицей и переслав ее проф. Вжесневскому в Варшаву и Александру Штрауху в Петербург, попросив совета и критики. Вжесневский полностью апробировал всю мою анатомическую терминологию, заявив, что с этих пор будет применять ее в своей работе над бокоплавами. Штраух ответил, что этого вопроса он решить не может, так как не работал над бокоплавами и вообще над ракообразными. В этой корреспонденции он сообщил мне несколько подробностей, объяснивших мне равнодушие, даже враждебность, встреченную со стороны тогдашнего деспотического руководителя всей Академии наук в Петербурге, известного Фредерика Брандта. Он был одним из самых знаменитых ученых того времени, поневоле сходящим в могилу, так как уже вставало солнце эволюционной теории Ламарка—Дарвина.

Чтобы объяснить надлежащим образом некоторые подробности, я должен вернуться назад, а именно ко времени моей работы в Дерпте (Юрьеве) над фауной карповых рыб в Лифляндии. В то время, узнав, что академик Баэр собрал небольшую коллекцию рыб из озера Пейпуса и она находится в Академии, я поехал в Петербург, навестил А. Баэра и попросил разрешения осмотреть эту коллекцию. Я узнал, что все собрание отдано для научной обработки академику Брандту. Этот последний, когда я к нему обратился, отправил меня к смотрителю музея Вознесенскому. Меня провели на чердак Академии и там я нашел все коллекции в полной

заброшенности. Большая часть размещалась в банках, сверху завязанных пузырем, жидкость уже испарилась, а экспонаты высохли. Из надписей, сделанных рукой А. Баэра, я убедился, что названия сделаны наспех, без точного определения. Из этих коллекций я извлек мало пользы. Я обещал сделать определения, когда собрание будет перенесено с чердака в кабинет, что я и исполнил частично. Кроме коллекции рыб из озера Пейпуса, на чердаке находились и собрания, происходящие из Байкала и Амура. Между иными экземплярами, препарированными сухим способом, я видел двух представителей осетров. Были сделаны чучела, но не посажены на основания. Они лежали прямо на полу, заброшенные. Когда я спросил, откуда эти образцы, ответили, что из Сибири, но не могли определить точнее места их находки.

“Вот сейчас, — писал Штраух, — когда из письма Маака академик Брандт узнал о твоих намерениях заняться ихтиологической фауной Байкала и Амура, он велел перенести собрание рыб с чердака в музей и решил их обработать. К сожалению, описание их будет очень запоздалым и преимущественно по сухим образцам. Академик Брандт в большом затруднении, как различить осетра байкальского от амурского. Он обратился за указаниями к академику Шренку и к Мааку. Байкальский образец он назвал *Sturio baeri*, амурский — *Sturio schrenki*. Что касается прочих рыб, вряд ли будет он ими заниматься. Но он желал бы, чтобы его авторитет был всюду, хотя и не умеет отличить *Cyprinus idus* от *C. dobula*”.

“Второй, очень щепетильный вопрос для Брандта, — писал Штраух, — это открытая Вами обильная фауна ракообразных и моллюсков. Густав Радде является зятем академика Брандта. Он его протежировал всей силой своих влияний, поэтому компрометация, встретившая зятя с Вашей стороны, очень его обидела. Он до сих пор не верит, что Вы могли найти что-либо большее, чем было описано Гершфельдом. На одном заседании Академии, когда академик Миддендорф доложил

о безмерно большом значении открытой фауны Байкала, академик Брандт с нескрываемым бешенством, цитируя по памяти виды, описанные Палласом и Гершфельдом, а именно *G. cancellus* Pall., *G. cancelloides*, *G. latissimus*, *G. vetticosus*, *G. maacki* Gerstfeld, сказал, что остальные открытые Вами виды — это ложь. Он не предполагает, чтобы они могли оставаться незамеченными таким добросовестным исследователем, как Г. Радде”. Штраух заметил, что “... если бы это открытие богатой фауны было осуществлено зятем академика Брандта, наверное, он представил [бы] его к награде Демидова, но поскольку это сделали Вы, то с его стороны не будет даже малейшего упоминания об этом факте”. На это дружеское письмо, написанное с сохранением тайны, я спросил, взялась бы Академия издать иллюстрации к труду о байкальских бокоплавах. Штраух ответил категорическим отказом. Если бы не обстоятельства, что генерал Родошковский был председателем Энтомологического Российского Общества в Петербурге и что Тачановский получил от гр. Константина Браницкого средства для репродукции рисунков, а эти репродукции были выполнены частично под наблюдением известного Т. Дейролля в Париже и окрашены самой мадам Дейроловой и что часть нецветных иллюстраций была выполнена в Лейпциге в литографическом институте известного Баха под постоянным контролем проф. Вжесневского в Варшаве, если бы не все это, то издание под заголовком “*Berträge zur näheren Kenntniss der im Baikalsee vorcommenden niederen Krebse aus der Gruppe der Gammariden v. Dr. B. Dybowski. Herausgegeben v. d. Russischen entomologischen Gesellschaft zu St. Petersburg mit 3 kolorirten und 12 schwarzen Tafeln. St. Petersburg 1874*” никогда бы не появилось в печати.

Рисунки были выполнены бесплатно Феликсом Зенковичем и им же раскрашены с натуры, а все измерения, расчеты и т.п. я выполнил сам.

Таблицы, раскрашенные и рисованные Станиславом Вроньским, из-за недостатка средств остались не-

напечатанными. Корректирование вел коллега Александр Штраух втайне от акад. Брандта.

Такие были условия нашей работы, а также условия издания (публикации). Тачановский сообщил, что гр. К. Браницкий выделил 800 рублей серебром на иллюстрации и печатание. Генерал Родошковский со своей стороны присматривал за издательством в Петербурге. Штраух помогал, и это им я обязан, что работа, отправленная из Иркутска 1/IV 1872 года, к осени 1874 года была издана.

Только вернувшись на Родину в первый раз в 1876 году, я лично видел эту работу. Что писал о ней академик Миддендорф, можно видеть из копии письма, присланного мне генералом Родошковским. Мнение акад. Миддендорфа повторяю его собственными словами: "Сочинение Дыбовского выделяется перед современными по замечательнейшему содержанию своему, открывая нам в водах Байкала неожиданно фауну не только богатейшую, но и настолько же самостоятельную... С нетерпением ожидаю продолжения столь первостепенных обогащений, отысканных в центральной части Южной Сибири".

В то время, как акад. Миддендорф с нетерпением ожидал дальнейших результатов наших исследований, академик Ф. Брандт старался всякими способами преуменьшить значение этих новых открытий. Помогал ему в этом действительно итальянский натуралист, известный позднее автор огромного труда *Gammarini dei Golti di Napoli* 1893. A. Della-Valle.

Вначале я имел только косвенные сообщения о взглядах этого ученого на фауну байкальских бокоплавов и думал, что они были преувеличены, но когда я получил напечатанный труд Д.В. (D.V.), то, к сожалению, убедился, что автор отрицает всякую научную ценность моей работы и всю массу новых видов отождествляет с уже известными видами.

Рассматривая чудачества и бредни Д.В. (D.V.), помимо воли задавал я себе вопрос, имею ли перед собой нормально действующий ум? Чтобы дать возможность

оценить мои сомнения, привожу несколько следующих подробностей:

1) К виду *Gammarus fluviatilis* Roesel 1755 Д.В. зачисляет 39 новых форм, описанных мною. При 32 ставит знак вопроса, остальные 7 признает совершенно идентичными с поименованным в заголовке *G. fluviatilis*. Такое суждение чудовищно, что достаточно привести факт, что специалист по Amphipoda T.R.R. Stebbing создал для них 6 родов.

2) К виду *Gammarus pungens* Ray 1710 Д. В. зачисляет 7 разнообразных форм, настолько отличающихся друг от друга, что никакой нормальный ум не мог бы отождествить, например *G. czerskii* и *G. ignotus*.

У профессора Б.К. Совинского было терпение подробно рассмотреть чешуя (бредни) Д.В. Он пришел к окончательному выводу, что попытка Делла-Валле подтянуть 46 форм байкальских бокоплавов к двум известным европейским видам "не имеет за собой никаких оснований". Такой же приговор вынесен проф. Совинским и на другие попытки Д.В. В этом направлении победил Байкал, помимо усилий академиков, желающих уменьшить значительность его мировой славы.

В то же время мы еще не предвидели вовсе этой борьбы, а усиленно работали над исследованиями фауны. У нас уже было 79 прорубей, вырубленных вдоль одной линии, чтобы их по очереди осмотреть, требовалось 8 дней, а чтобы определить формы, описать, изменить, на это мы употребляли даже ночное время.

Сегодня, когда переношу мысленно к тем временам, должен отдать должное нашему усердию, потому что уже к весне 1869 года у нас было правильно определенных свыше 70 видов бокоплавов, около 30 видов моллюсков, 18 видов рыб, не говоря о других видах так чрезвычайно богатой фауны.

Восточно-Сибирское Географическое общество было восхищено нашей деятельность, когда мы им выслали вышеупомянутые коллекции, размещенные в пробирках, в банках и баночках с изящными этикеточками, расставленные на красивых этажерках. Усольцев

добился возврата затрат на монтирование, составляющих 77 рублей. За некоторые банки я платил по 4 рубля. Все банки и пробирки были получены при посредничестве аптекаря В. Богуславского.

Коллекции для Географического Общества я привез лично и передал в руки Усольцева, который спросил, знает ли Маак о наших трофеях на Байкале. Я сказал, что был у него, привез ему экземпляры вида, названного Герштфельдом *Gammarus maacki*, представителей самцов я назвал *Richardi maacki*, самок — *Sophie maacki*, малые экземпляры — *Filei maacki*, а мелкие — *Filioli maacki*. Он принял этот мой подарок равнодушно, но собирается посмотреть наши коллекции и хочет писать о них в Академию. Однако на нее мы не можем рассчитывать, так как я узнал, что Ричард Радде является зятем академиком Брандта. Я не ошибся в своих предчувствиях. От Усольцева я узнал потом о тяжелой болезни председателя Географического Общества Восточной Сибири. Это был тяжелый удар для Общества, а еще более тяжелый для нас. Генерал Болеслав Казимирович Кукель был душой Общества и усердным протектором поляков. Потеря такого человека была очень чувствительна. Он умер в Карлсбаде в 1872 году.

Возвращая Пуцилле санки, одолженные у него весной 1869 года, я лично отвез коллекции в Иркутск. В Култуке посетил нас доктор Ю. Лаговский. Он видел весь наш труд и обещал летом прислать в помощь Феликса Зенковича, исполнявшего у них обязанности домашнего учителя, кроме того, при помощи протекции д-ра Лаговского он имел в городе хорошо оплачиваемые уроки. Лаговский обещал, что во время летних каникул, в июне, приедет Феликс со старшим сыном доктора Михасем и будут нам помогать. При этом объеме работ, который мы должны выполнить, помочь нам **необходима**. Деятельность Ксенжопольского была очень полезной. Без его помощи нам пришлось бы тратить много времени на хозяйство, он выручал нас. Мы все получали готовым. Его купеческие способности нас удивляли, он умел приспособиться к местным условиям и вел

крупную торговлю, благодаря крупным кредитам, полученным по ходатайству д-ра Лаговского и д-ра Швильды. Я выехал в Иркутск с целью купить лошадь. За посредничеством Кетлинского ссыльного поляк продал мне лошадь с упряжью и сани за 35 рублей серебром. Хозяин вырастил эту лошадь от жеребенка и назвал Рыжкой. Мы назвали ее именем бывшего хозяина — Анцыпы. Умственные качества лошади я подробно описал в дневнике под заглавием “О Сибири и Камчатке”, часть I “Путешествие из Варшавы на Камчатку” (в 1868–69 гг., стр. 269–276). Эта лошадь нам много помогла. Она стала участником нашей работы и мы ей много обязаны. Один из таких эпизодов, в котором Анцыпа помог найти безмерно интересную форму байкальской фауны, опишу ниже.

Это было весной 1869 года. Возвращаясь на санках после осмотра прорубей по линии Мыдлянка — Безымянная, я нашел новый вид бокоплава больших размеров, до 90 мм вся длина и 50 мм длина тела, и назвал его *Gammarus godlevskii*. Радуясь этому открытию и мечтая о новых, я не торопил Анцыпу. Он бежал мелкой рысью. Минуя деревню, тогда уже заброшенную линию Ангасолка — Култушная, он вдруг остановился, как это обычно делал, вспомнив прорубь, возле которой останавливался ранее. Я вылез и, придерживая вожжи руками, осмотрел это место. Там была старая прорубь, а при ней осталась веха, занесенная снегом. Я достал из саней кирку, отбросил снег, вынул веху (еловую ветку) и уже хотел садиться в сани. Однако раньше бросил взгляд на гладкую поверхность льда, светящуюся солнечным блеском, и в прозрачном льду заметил какой-то небольшой предмет, преломляющий солнечные лучи иначе, чем лед. Заинтересовавшись, я направил лошадь в эту сторону, стал на колени и, присматриваясь к этому предмету, ясно увидел прозрачное существо, вмерзшее в лед, похожее на бокоплава. Пространство от поверхности льда до этого существа было небольшим, оно для зрения служило как бы увеличительным стеклом. Глядя сквозь лед, я великолепно различал обильные

щетинки и волоски на щупальцах и нижних управляемых плавниках. Экземпляр великолепно сохранился, большой (до 60 мм длины), я был восхищен. Такой очаровательной формы, прозрачной, как кристалл, у нас до сих пор не было. Прозрачность свидетельствовала, что это существо пелагическое в толще воды, не связанное с берегами. Трудно описать мою радость, я глядел Анцыпу, ласкал его, ведь только благодаря ему я сделал это **открытие**.

Обозначив точно место вехой и киркой, я поспешил домой и после отдыха мы отправились с Годлевским, чтобы этот драгоценный экземпляр вырубить из льда. Осторожно топором мы вырубили вокруг глубокие канавы, а потом, действуя снизу долотом, отделили льдину (кусок льда), взяли ее с собой домой и там она медленно таяла, освобождая из неволи это чудесное существо, которое до сих пор хранила от уничтожения. Я назвал этот вид *Caelestia branickii*, ввиду того, что Тачановский советовал, что какую-либо из самых красивых форм фауны байкальской посвятить гр. Константину Браницкому, так как он этой фауной очень заинтересовался и готов пожертвовать некоторую сумму денег на предполагаемое издание байкальского бокоплава. Вот и посвятил (подарил) я гр. К. Браницкому, по моему мнению, дивную форму. Название рода советовал Тачановский изменить на *Konstancia*. Я это сделал, но, к несчастью, А. Адамс уже в 1860 году в *Annale Hist. Nat.* уже употребил это название для одного из видов моллюсков, писалось оно *Constantia*. Не помогло даже то обстоятельство, что в моем манускрипте было ясно написано *Konstancia*, но не *Constantia*.

Помог Т. Штеббинг, дал новое родовое название — некрасивое и неуместное: *Macrohectopus*, выдвинув как главную у этого в высшей степени оригинального вида характерную черту нижних конечностей или вторую пару ходовых конечностей, согласно моей номенклатуры. Когда я описывал эту форму, у меня было лишь 5 образцов самок и только в 1876 году, когда мы исследовали глубину Байкала между Голоустной и Лиственничной,

мы добыли при помощи нашего аппарата вместе с илом значительное количество экземпляров этого вида, но преимущественно это были экземпляры молоди (недоразвившиеся).

Проф. Совинский при описании *C. branickii* имел в своем распоряжении 283 образца взрослых и бесконечное количество экземпляров молодых, однако, не мог определить ни половой разницы этого вида, ни разницы, квалифицирующей особенности нескольких разновидностей, и это из 220 исследуемых образцов. Это случилось вопреки моему предложению создать разновидность под названием *Alexandri*. Он же создал для вида *M. branickii* новое родство под названием *Macrohectopodidae*. Как голомянка байкальская, *Cotemorphorus baicalensis* является формой, произошедшей от бычков, своих предков, в результате особых условий жизни, так и "простоплавка" Браницкого (*Ortonectae*) ведет свою родословную от "бокоплавок", происходящую от байкальского бокоплава (*Pleuronectae*), но с измененной формой в результате особых условий ее жизни, к сожалению, до сих пор тщательно не исследованных. Находке и возможности описания этой безмерно интересной формы я обязан исключительно Анцыпе. Так как, несмотря на исследование сотни прорубей на приманку, мы не поймали ни одного представителя этого вида и у нас бы его не было, если бы не описанный случай. Прозрачность образцов самок, найденных нами у поверхности воды, заставила меня высказать мнение, что эта форма пелагическая. Последующая добыча многочисленных молодых экземпляров вместе с илом со дна озера свидетельствует, что они пребывают и на дне. Черная окраска глаз у всех исследуемых экземпляров является очевидным доводом, что эта форма не глубинная. Будущим исследователям остается много для выяснения. Появление ее поздней осенью на поверхности Байкала одновременно с голомянкой дает повод к заключению, что оба эти явления между собой тесно связанны. Улов драгой летом на всем пространстве песчаных побережий показал, что летом она там не пребывает.

Я посвятил этой форме длинное воспоминание, признавая ее наравне с голомянкой наиболее интересным видом байкальской фауны. Другой факт важных услуг для нас Анцыпы я опишу ниже по рассказам Ксенжопольского, а заодно нарисую его полезную деятельность — торговую и научную.

Ксенжопольский, как купец и хозяин, оказался архимастером в обеих профессиях. Установив обширные купеческие связи с Иркутском, он почти каждую неделю выезжал в город на легких саночках, запряженных Анцыпой. Один день он добирался до города, на другой возвращался в Култук; он освоился с бродягами, с собой имел пистолет и ружье. Голову перед неожиданным ударом сзади охранял меховой шапкой, набитой бельем. Наши отношения, благодаря доброжелательности исправника Павлищева, очень изменились. Боязнь перед духовенством, интернированным в Тунке, была забыта. Ксендзы получили разрешение посыпать в Иркутск за товаром зав. лавкой в Тунке кс[ендза] Янковского. Он заезжал к нам, а иногда у нас ночевал. Кс[ендз] Древневский, исполняющий в Тунке функции фельдшера, также бывал в Култуке. Словом, установились не предвиденные ранее отношения и они изменились в сравнительно короткое время. В отношении заботы о нас, как довод благожелательности со стороны Павлищева, может свидетельствовать следующий факт.

Вынув из проруби веревку, мы привезли ее на саночках домой и повесили во дворе на заборе просушить. Ночью она была украдена. Следы показали, что это был бурят. О воровстве мы сообщили старосте волости. Началось следствие, вор был обнаружен. Им оказался житель бурятской степи из деревни за Тункой, ночевавший в день кражи у трактирщика-бурята в Култуке. Было доказано также соучастие в краже трактирщика. У него был найден кусок веревки. Вора и трактирщика наказали и приказали вернуть нам веревку в целости. С тех пор ни один случай кражи замечен не был.

Изобретательность Ксенжопольского была многообразна. Например, он достал машинку для резания та-

бака. Таисия, дочь Иванихи, резала табак. У токаря-поляка в Иркутске он заказал курительные трубки. Их охотно покупали.

Начав торговлю мануфактурой, он уговорил девчат, чтобы шили рубашки и брюки, таким образом давал заработать девушкам и сам продавал намного дороже, чем отдавал бы его измеряя (на меру). О других выдумках Ксенжопольского не упоминаю. Здесь только хочу заметить, что он должен был постоянно общаться с Иркутском. Однажды в ясный солнечный день утром на восходе солнца он выезжал из города, не попив чаю. С вечера купил копченой колбасы и бутылку, сложил в сумку, намереваясь подкрепиться в дороге. В предместье Иркутска, проезжая мимо харчевни, Анцыпа, как я описывал ранее, имел привычку всегда останавливаться у каждого трактира, он внезапно остановился и здесь, как раз в то время прислуживающая девушка забирала с крыльца кипящий самовар, чтобы унести его в ресторанную избу. Ксенжопольский спросил девушку, можно ли напиться чаю. Получив утвердительный ответ, он решил выйти из санок, привязать коня и подкрепиться горячим завтраком. К нему подбежала молодая собака — легавая из расы французских пойнтеров с короткой шерстью, белая с темно-коричневыми пятнами и такой же масти головой. Собака ласкалась и, подняв голову вверх, принюхивалась. Ксенжопольский понял, что она чувствует присутствие колбасы в его сумке, которую держал на плече. Он вынул колбасу, отрезал ножом несколько пластиков и угостил собаку, та жадно проглотила. Предполагая, что та голодна, отрезал ей кусок булки, но этим собака пренебрегла. Он дал ей еще пару кусочков колбасы, потом поднял меховое покрытие ног, имеющееся в санках и показал место, чтобы собака легла. Поняв приглашение, она вскочила в санки, свернулась клубком и легла под шубу. У Ксенжопольского возникла мысль присвоить собаку, что в собачьем вопросе не называется воровством, но любительством. Он прикрыл собаку мехом, привязал к столбу коня, быстро выпил чай и дальше в путь — уже с собакой, а вечером прибыл

в Култук. Собаку мы назвали Вальтон, по имени собаки легавой полковника инженера Зотикова, отличающейся необычной сообразительностью, однако наш Вальтон превышал ее своим умом. Он способен был отгадывать каждую нашу мысль, стал любимцем всех, другом, товарищем, защитником от бродяг и медведей и, когда мы находились в горах, носил письма в Култук и приносил оттуда ответы. Сколько бы мы потеряли без его помощи мелких подстреленных птиц, сколько он отыскал гнезд и потерянных в тайге наших вещей. Вальтон не любил воды, но подстреленных или убитых в воде птиц выносил, иногда дрожа от холода. Он никогда не отказывал в своей помощи, как бы ни была холдна вода осенью или весной. Птиц выносил из воды нежно, прихватывая за крылья, мертвых укладывал в ряд на берегу, пока всех не вынес. С подстреленными еще живыми поступал иначе. Этих не выпускал, пока кто-либо из нас не возьмет птицу в руки. Во всех действиях Вальтона была заметна логика его мысли, удачно избранные средства для выполнения данных действий. Мы удивлялись его уму, высоким качествам души, которые люди, одержимые своей детской манией величия, трактуют свысока. У Вальтона были высокие ноги, он был проворный, резвый, быстрый, когда мы въезжали в деревню на высоком возу, каким являются русские телеги, Вальтон, боясь нападения деревенских собак, прыгал на воз и лежал спокойно, пока не покидал деревню. В случаях, когда мы ехали верхом, Вальтон подпрыгивал к седлу Годлевского, тот брал его и укладывал впереди себя как барабана. В такой неудобной позе он лежал терпеливо, перенося все неудобства и только за деревней прыгал на землю.

Он любил детей, особенно маленькую Дуняшу Гавриловну, которая к нам часто заходила. Однажды она пришла, когда нас не было дома. Вальтон приветствовал ее, лизал руки, лицо, затем взял деликатно конфету, лежащую на стуле у кровати Годлевского, и дал ее Дуньке. Ксенжопольский, услышав голос ребенка, вошел в комнату, а заметив в ее руке конфету, спросил:

“Кто тебе это дал?” “Вальтон”, — ответила Дунька. Годлевский не хотел верить рассказу Ксенжопольского, говоря, что Дунька сама взяла конфету. Чтобы убедить его, что Дуняша сказала правду, я приготовил конфеты, а когда дети нас навестили, позвал Вальтона и дал ему конфету в бумажке. Он посмотрел на меня проницательным взглядом и сейчас же понес конфету Дуньке. Я дал ему вторую. Он взял и, минуту подумав, отнес конфету Таньке, третью отдал мальчику. С тех пор мы угождали детей через Вальтона, их это очень радовало, а Годлевский должен был признать, что я был прав, как в отношении Вальтона, так и Анцыпы. Он сам любил Вальтона, спал с ним, прикрывая его шубой. Четыре года мы имели в Вальтоне усердного помощника, погиб он в наше отсутствие. Его разорвали собаки в дер. Кирпичной на Ононе. Я сделал его скелет и отправил в Иркутск. Там в 1897 году во время пожара музея Географического Общества он был уничтожен. Сейчас после Вальтона осталось только воспоминание. Сколько раз разочарованный отношениями с людьми я должен был повторять фразу французского мизантропа “Plus je connais l’homme, plus j’aime le chien” [“Чем больше уз-наю человека, тем больше люблю собаку”].

Приобретению друга Вальтона мы обязаны Анцыпе, если бы не он, у нас не было бы ни Konstancii Caelestia branickii, ни Вальтона или “Дагора” (друга) самого верного, какого встретили мы в нашей жизни. Хвала их памяти. Если из диких эгоистических существ благодаря бессознательной дрессировке могли появиться личности, подобные Вальтону, то чего была бы способна достигнуть дрессировка человеческих рас, стремящихся к идеалу создания рая на земле на прежней пока “юдоли плача” и “зубовного скрежета”. Пусть только вместо всеобщего пьянства появится трезвость, а любовь, альтруизм, терпимость заменяет ненависть, эгоизм, фанатизм, а правда и знание займут место на троне человеческих мыслей и дел, и совершившися чудо, большее из всех чудес, преобразующее человека-зверя в человека-ангела.

Такой идеал, понятый и прочувствованный сердцем, не является утопией – раньше или позже он станет для человечества действительностью. К этому божественному идеалу будем постоянно обращать наши мысли, а с ними сообразовывать наши деяния, стремящиеся к возрождению человечества.

ПОСМЕРТНЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ О ВИКТОРЕ ГОДЛЕВСКОМ*

Бенедикт Дыбовский

Годлевский Виктор, землевладелец, сын Александра, умер 17 ноября 1900 г. в собственной деревне, называемой Смолехи, расположенной в Ломжинской (губернии).

В этих немногих выражениях (словах) сообщено о смерти естествоиспытателя, коллектора и необыкновенного наблюдателя.

В умах наших натуралистов настоящего времени имя человека, об уходе которого с арены мира живущих объявили ежедневные газеты, не может вызвать иного чувство сверх того, какое мы выносим при чтении обычных объявлений о смерти. Однако для старших естествоисследователей, до сей поры еще остающихся в живых, которые прежде следили внимательным и радостным взором за почти что чудесным ростом и развитием собраний зоологического кабинета в Варшаве, также как и для сибиряков, лично знающих покойного господина Виктора, являющихся свидетелями его деятельной жизни в изгнании (в ссылке), его настойчивой работы, имеющей целью благо отечества, – весть о смерти Годлевского пробуждает встающий перед их глазами целый ряд событий и фактов из недавно минувшего прошлого, теперь положенного в могилу и преданного забвению, может быть, даст Бог, только временно.

*Dr. B. Dybowski. Wiktor Godlewski. Wspomnienie posmiercne // Kosmos. (Lwow). – 1900. – R. 25. – S. 690–692.

Что касается меня, который прожил с покойным 12 лет в Сибири, неразлучно работая весь этот промежуток времени в одной любимой нами профессии, в одном постоянно проводимом направлении, — его внезапная кончина вызывает целую шеренгу воспоминаний о случаях, которые предстают в моем воображении так отчетливо, как если бы они происходили только мгновением ранее. При этом они связуются неразрывными узлами с памятью об умершем товарище. Приобретение каждого нового вида для фауны Восточной Сибири, а тем самым и для варшавского кабинета, исследование каждой новой биологической детали составляли эпохи в нашей тогдашней жизни, а ни один из этих фактов не может быть представлен без участия в нем Виктора Годлевского. Ряды немых свидетелей, прежде украшавших полки шкафов варшавского кабинета, убедительно говорили о значимости диапазона коллекторской деятельности покойного. Сегодня, лишенные своих оригинальных черт иностранными надписями, они для нас уже представляют мертвую букву, почти ничем не воздействующую на наше чувство.

Зная по собственному опыту, как был физически закален покойный господин Виктор Годлевский, какое у него было здоровье и какой при этом он отличался необыкновенной выносливостью, я не думал, что смогу его пережить и когда-нибудь должен буду взять на себя печальную обязанность написать его биографию, чтобы дать возможность будущим нашим натуралистам познакомиться с судьбою человека, обладавшего необычными энергией и способностями. Когда однако же иначе распорядился жребий, я решил более обширный биографический очерк о В. Годлевском поместить в одном из местных изданий, а для природоведов представить только следующий краткий набросок, относящийся, главным образом, к деятельности покойного на поле естественной истории.

Виктор Годлевский родился в 1831 году в Богатах Остролэнкского повята Плоцкой земли. Школу он окончил в Ломже, сразу затем отправился на администра-

тивно-хозяйственную практику к своему двоюродному брату Юзефу. Затем он был администратором помещичьих владений в разных районах, вплоть до 1863 года.

В следующем году перемещенный в Сибирь, он более года находился в каторжном Петровском Заводе за Байкалом, где вместе с Альфонсом Парвексом начал собирать птиц даурской фауны, ловя их около гнезд силками. Затем он пребывал в селах Домна и Сивакова по Ингоде, а годом позднее — в Дарасуне, расположенным в бассейне Ингоды. С 1865 года мы начали совместную коллекторскую, обсервационную, экологическую работу, проводимую поочередно в Дарасуне, в Култуке над Байкалом, в долине реки Иркута, по реке Ингоде, Онону, Аргуни, Гану и Дербулу в Даурии, по Амуру и Уссури и, наконец, на побережье Маньчжурского (Японского — Б.Ш.) моря. В ходе этих работ мы по нескольку раз измерили глубину озера Байкала и осматривали Байкальские горы в разных направлениях. Результаты фаунистических работ были опубликованы в свое время, а плоды орнитологических исследований оказались собраны в труде покойного Владыслава Тачановского о сибирских птицах. Всю экологическую или так называемую биологическую часть этого труда Тачановского составил по нашим совместным записям Виктор Годлевский.

По возвращении на родину у него была только одна основная постоянная мысль, которая его поглощала со всей силой стихийного, я бы сказал, врожденного, неодолимого влечения. А было это желание приобретения в собственность хотя бы кусочка пашни на родине, чтобы иметь возможность на старости лет отдохнуть у себя самого после тяжких превратностей жизни. Эти его горячие стремления оказались удовлетворены, он стал обладателем куска земли в Ломжинской губернии. Но здесь он при жизни не отдыхал, так как непрерывно тяжело трудился, вплоть до самой смерти, и только свободные от хозяйственных занятий минуты посвящал коллекционным работам, имея целью отечественную фауну. Он умер сраженный тифом, не окончив деятельности, которая постоянно откладывалась им из года в год. Год-

левский рассчитывал на то, что при уже обеспеченной материально бытовой стороне, возраст позволит ему довершить то, что он намечал. Свои мысли и наблюдения он обещал собрать в письменном виде. Удалось ли что из этих проектов ему осуществить, мне неизвестно.

БЕНЕДИКТ ДЫБОВСКИЙ (1833–1930 гг.)*

Ю. Талько-Грынцевич**

31 января 1930 г. научный мир погрузился в глубокий траур в связи со смертью одного из крупнейших польских натуралистов Бенедикта Дыбовского. Польша же потеряла в нем одного из величайших своих сынов, который сражался за нее, а потом работал для ее славы всю жизнь. Едва ли не 1/5 часть жизни в возрасте наивысшего интеллектуального расцвета провел он за границами отечества среди чужих, на окраинах Азии. Дальнейшую жизнь он посвятил главным образом обработке материалов, там собранных.

Еще будучи в отроческом возрасте, я слышал в Литве от возвращающихся из Сибири изгнанников о жизни и делах Дыбовского. В долгие зимние вечера слушал я, словно повесть о Робинзоне, о том как Дыбовский с Дубецким и Кетлинским¹ строили хату в Дарасуне или рубили лед, чтобы забрасывать сети для ловли фауны Байкала; о том, как снова готовясь к экспедиции по Амуру, Дыбовский строил корабль, а в конце шел с помощью прокаженных на Командорские острова. Эти рассказы представлялись мне столь фантастичными и пленительными, что с годами я приобрел питет по отношению к доблести Дыбовского. Долгие годы

*Опубликовано по: Archiwum Histirii i Filozofii Medycyny oraz Histirii Nauk Przyrodniczych. Poznań, 1932. – T. 12. – S. 98–119. Публикация, перевод с польского и комментарии Б.С. Шостаковича.

**Юльян Талько-Грынцевич (1850–1936) – антрополог и врач, служил в Троицкосавске (ныне Кяхта) в должности окружного врача. Активно вел научно-исследовательскую работу в области антропологии, археологии и географии. Основал Троицкосавский подотдел Приамурского отдела РГО, его музей и библиотеку. Поддерживал тесные контакты с Б. Дыбовским и другими "сибиряками"

я восхищался его неутомимым и упорным трудом, который он не прекращал вплоть до гробовой доски.

Судьба так распорядилась, что, когда через 40 лет я намеревался отправиться на Дальний Восток, то завязал с Дыбовским отношения, сохранившиеся в течение долгого времени моего там пребывания. После же того, как я возвратился из Сибири, между нами крепились узы сердечной дружбы. Я не мог не ценить глубоко изумляющей деятельности большого натуралиста, неизменно происходящей в паре с проявлениями безупречной кристальной чистоты его характера.

Он принадлежал к широко разветвленной семье, состоящей в родстве с литовско-[бело]русской шляхтой, с Прушинскими, Юрелевичами, Елецкими, Пилсудскими и др.² Горячий “крэсовый”³ темперамент и гражданское чувство не позволяли этим семьям быть безучастными в делах отечества. Якуб Гейштор в своих воспоминаниях (1857–1865 гг.), достаточно острый в суждениях⁴, причислил к ряду наиболее заслуженных людей, которые все, что имели, отдавали в жертву отчизне, Бенедикта Дыбовского, а также Яна, Эмиля и Павла Дыбовских и энергичных “крэсовых” женщин из этого рода – Сабину Елецкую и ее сестру Фабьянну Дыбовскую.

Род Дыбовских, принадлежащий к шляхетскому гербу Налэнч, геральдики выводят из Дыбова в Великой Польше, откуда прадед Бенедикта переселился в литовскую Русь⁵ и был основателем литовской ветви этого рода. Его родители были в родственных связях и в дружеских отношениях с семьей Адама Хмара, последнего минского воеводы, а дед по матери Пшицецкий исполнял обязанности камергера, но когда после разделов Польши придворные [королевские] учреждения оказались ликвидированы, он остался арендатором фольварка Адамарин, дубровской вотчины Хмара в минском повете⁶. Там в семье супругов Дыбовских – Яна и Саломеи, урожденной Пшицецкой, появился на свет 30 апреля старого стиля 1833 г. Бенедикт Дыбовский, который из шестерых детей был третьим по очередности.

Взрастал он в родительском доме в симпатичной среднешляхетской атмосфере в кругу глубоко патриотической семьи, живущей во взаимной любви патриархальным укладом. Были в ней еще свежи традиции эпохи перед разделами Польши, Костюшковского восстания, Наполеоновских войн и Ноябрьского восстания. В детстве Дыбовский был свидетелем преследования унии⁷, все то, о чем он слышал, и что переживал, закалило его волю и выработало в нем силу для борьбы с препятствиями.

Первые годы детства, проведенные в родном доме в деревне под Минском литовским⁸, были самыми счастливыми и остались неизгладимые впечатления на всю его жизнь. “Подрастающее поколение, – как рассказывал проф. Дыбовский, – видело в Адамарине земной рай, окруженный старопольской атмосферой. Речь, обычаи, повседневные и праздничные костюмы были польскими. Усадьба с дворовой и деревенской службами составляли одну совместную семью, а отношение усадьбы к деревне было идеальным. Ели обычно со службой за одним столом. Жалоб и ссор никогда не было, а только такое управление, основанное на любви ближнего, создают гармонию, которая сегодня отсутствует в обществе; болезнь или несчастье в усадьбе ощущала вся деревня и наоборот, а когда забирали кого-либо в армию, горько оплакивала беднягу как деревня, так и усадьба, как если бы он был осужден на смерть, поскольку служба в русской армии была моральной смертью человека”. Так наш ученый описывает родную деревню в Литве⁹, в период после Ноябрьского восстания. Из родительского дома он вынес первые основы любви к ближнему, охватывающие не только собственный его возлюбленный народ, его землю и природу, но и через него – все человечество.

Семья Дыбовских отличалась большими интеллектуальными способностями и превосходной памятью. Я с завистью поражался Дыбовскому, когда он, будучи 95-ти лет, декламировал на память длинные эсперантские стихотворения. Обе сестры нашего ученого дожили до позднего возраста и обе, как младшая – пани Наргеле-

вичова, так и старшая — пани Камиля Котовичова¹⁰, приводили всех в изумление своей невероятной памятью.

Способности Дыбовских были особенно направлены на естественные науки. Любительски ими занимался один из дядей Бенедикта по отцу. Младший Бенедикта на пять лет его брат Владыслав, несмотря на то, что в детстве стал жертвой несчастного случая, явившегося причиной увечья и мучений в течение всей его жизни, сделался однако известным ботаником и доцентом университета в Дерпте. Из-за болезни он должен был покинуть Дерпт и поселиться в арендемом поместье в Нянькове в Новогрудском [уезде], где с увлечением изучал местную флору. Там, окруженный повсеместным уважением и заботливой опекой сестер, брат преждевременно завершил свой жизненный путь. Двоюродный брат Бенедикта — Ян, сын эмигранта, родившийся во Франции, был профессором высшей сельскохозяйственной школы в Париже, позднее министром французских колоний и, как известно, автором проекта создания польских колоний на Мадагаскаре. Последние годы жизни он провел в отчизне, работая на опытной станции в Пулавах¹¹.

Наш ученый школьное обучение прошел в Минске, в гимназии, которая выпустила много заслуженных мужей: нескольких Монюшков — Доминика, известного фаландропа, наделяющего землей своих крепостных крестьян; его брата Казимежа, известного педагога; племянника (по их же брату) Станислава, знаменитого композитора; астронома Михала Хлущневича, писателя Яна Ходзько, натуралиста Константы Ельского, известного юриста Владзимежа Спасовича, талантливого Бронислава Залесского, известного антрополога Теофилия Худзиньского¹² и многих других.

По окончании гимназии он изучает медицину и природу в Дерпте, но в связи с участием в поединке в качестве секунданта оказывается вынужден покинуть Дерпт и отправляется для дальнейшего обучения за границу, во Вроцлав¹³, а оттуда — в Берлин. Там, по написании диссертации в области зоофизиологии, он полу-

чает степень доктора медицины. Во время обучения за границей он сближается с выдающимися впоследствии польскими натуралистами и врачами — Хенрыком Хойером старшим, Августом Вжесынёвским, Тытулом Халубинским, Игнацием Барановским, Феликсом Навроцким¹⁴ и другими. Завязавшаяся между ними дружба сохранилась до конца их жизни.

После возвращения на родину и ноэтификации докторского диплома Дыбовский получает предложение занять кафедру зоологии Ягеллонского университета, чему, однако, помешали политические причины. Вскоре его пригласили в новооткрытую Варшавскую Главную Школу на место адъюнкта при кафедре зоологии.

Время приезда Дыбовского в Варшаву было наименее благоприятным для научной работы. Все польское общество было втянуто в политику, а тогдашнее волнение умов не могло не втянуть в конспиративный водоворот и 29-летнего ученого. Он принимает активное участие в тайной организации и как комиссар Литвы и Руси¹⁵ совершает из Варшавы вылазки то в Вильно, то в Киев. С организационными целями он часто переправляется через границу в Краков вместе с Сераковским и Падлевским, позднейшими командирами повстанческих отрядов, которые вскоре принесли свои жизни в жертву отечеству¹⁶. От Дыбовского я знаю, что в Кракове они обычно останавливались в Дрезденском отеле, в номере 48. И позднее бывая в Кракове, Б. Дыбовский в память от своих товарищах всегда останавливался в этом номере.

О своем участии в повстанческом движении Б. Дыбовский так пишет в письме ко мне, датированном 1 июня 1921 г.:

“Сведения, о которых Вы пишете, свожу к следующему. После возвращения из-за границы, сдачи экзамена и докторизации в Берлине я выехал в Дерпт для сдачи там экзамена и для докторизации. Будучи избран в качестве делегата Дерптского Университета, чтобы совместно с коллегами из других университетов начать национальные демонстрации в Вильно, я принял участ-

тие в этих демонстрациях; вследствие этого я был осужден в Вильно на высылку в Россию, однако же позволили мне докторизацию в Дерпте, после чего, благодаря протекции генерал-губернатора (петербургского) кн[язя] Суворова¹⁷, я получил паспорт за границу. Вызванный в краковский университет в качестве профессора зоологии, я прибыл туда, но министр Шмерлинг не утвердил моей кандидатуры. Поэтому я вернулся в Варшаву и тут получил должность адъюнкт-профессора в Главной Школе. С 1862 г. я принадлежал к тайному Виленскому Общ[еству] в Варшаве. В секретариате Литвы я выполнял роль чрезвычайного комиссара при виленском правительстве... Перед восстанием во время Рождества Христова я был выслан в Литву для получения известий о начатых в повстанческих целях приготовлениях; перед Пасхой, уже во время восстания, я оказался выслан на Украину с той же самой целью. Наконец, после ареста австрийским правительством диктатора Лянгевича я был выслан в чешскую Прагу, чтобы стараться освободить Лянгевича. Об этих своих поездках я сообщил подробные известия в брошюре под названием “Воспоминания полувекового прошлого” (Львов, 1913)¹⁸.

“С момента, когда Вацлав Пшибыльский начал выполнять обязанности председателя города Варшавы и начальника полиции, я заменил его в секретариате Литвы вплоть до того времени, когда Кароль Пшибыльский взял на себя эту деятельность”.

“В то время я тяжело болел. С Траугуттом я не имел никаких близких отношений. Видел я его на заседаниях членов национального правительства, которые имели место либо в моей квартире на улице Варэцкой, либо в квартире доктора Витольда Йодки¹⁹ на улице Фоксаль, где я всегда присутствовал, чтобы оберегать собрания от ока полиции”.

Краткое время пребывания в Варшаве прошло для Дыбовского преимущественно в тайной политической деятельности. Он сохранял у себя разные документы и списки лиц, принадлежащих к тайной организации. Опасаясь ареста и не желая уничтожать упомянутых доку-

ментов, но стремясь передать их потомкам, вначале он зашил их в набитые чучела зверей в зоологическом музее, руководителем которого был. Однако после размышления, не будучи уверен в этом сохранении, сложил все документы в коробки, которые затопил в прудике, находящемся в университете дворе (старого Казимежовского дворца на Краковском Пшедмесьце)²⁰. К сожалению, несколькими годами позднее пруд был засыпан и с ним погребена коробка с историческими документами.

Вскоре Дыбовский оказался заключен в тюрьму и приговорен к смерти, но потом помилован и приговорен к пожизненным каторжным работам в Восточной Сибири²¹. После нескольких месяцев пути, преодолев 8 тысяч километров, часть пешим этапом, партия, в которой шел Дыбовский, весной 1865 г. прибыла на место ссылки в Забайкальский край, именуемый Нерчинской Даурей. В дороге он познакомился со многими изгнанниками, с которыми позднее в течение долгих лет делил общую судьбу и из них образовал круг исследователей Сибири. Особенную дружбу он завязал с Марьяном Дубецким, историком, родом с Волыни, [бывшим] членом национального правительства и секретарем диктатора Ромуальда Траугутта²². Сердечная дружба, свя-завшая его с Дубецким, сохранилась на протяжении 60 лет, вплоть до кончины этого исключительно благородного человека, безропотно переносящего все жизненные муки. Он умер несколько лет назад в Кракове, что глубоко пережил Дыбовский.

Изгнанники вначале жили в селе Сивакова на реке Ингоде, вблизи города Читы, затем в Дарасуне, недалеко от реки Туры, правого притока Ингоды, известном своим курортом, сибирским Карлсбадом²³. От того периода сохранился живописный вид, написанный изгнаником Станиславом Вроньским и представляющий хату, построенную совместными силами трех скитальцев: Бенедикта Дыбовского, Марьяна Дубецкого и Станислава Кетлиньского. Дарасун памятен также и тем, что здесь, в очень тяжелых условиях, Дыбовский начинает свои

исследования, которые пролили первые лучи света на животный мир Восточной Сибири.

Шестьдесят с лишним лет назад научный мир в России полагал, что фауна Восточной Азии ничем не отличается от восточно-европейской. Между тем первая коллекция птиц, их гнезд и яиц, собранная Дыбовским, опровергли эту точку зрения. В 1867 г. ученый находит незаменимого помощника в политическом ссылочном Викторе Годлевском, превосходном охотнике. Прервав свои исследования в бассейне Амура, он пересекает цепь Яблоновых гор и Байкал. В Иркутске, благодаря стараниям поляка, начальника штаба генерала Болеслава Кукеля, одновременно председателя Отдела Географического Общества, и Маака, инспектора Иркутского учебного округа²⁴, ссыльные получают право поселения в селе Култуке, расположенном на юго-западном побережье Байкала, недалеко от крупнейшей горной цепи Хамар-Дабан, знаменитой тем, что первым пересек ее столетие назад поляк, известный филолог, друг Мицкевича Юзеф Ковалевский, признанный бурятскими ламами за хубилгана (перерожденца)²⁵.

Байкал — одно из величайших пресноводных озер мира, тянущееся с северо-запада на юго-восток, имеет протяженность 800 км, а ширину от 35 до 80 км²⁶. Это озеро не было исследовано. Не было известно даже, какой рыбой оно располагает. Одни утверждали, что в Байкале такое обилие рыбы, что при каждом вылове вытягивали по 50 тысяч и более омуля, разновидности сельди, но значительно больших размеров, нежели обычная, с сильнейшим специфическим запахом, любимое лакомство сибиряков²⁷; другие же, считая, что в глубинах озера нет мелких видов, думали, что крупным рыбам нечем было питаться. Это мнение разделял и Восточно-Сибирский отдел Географического Общ[ества], опираясь на результаты научных экспедиций Палласа, Георги, Густава Радде, Кононова и, наконец, на теоретические выводы Миддендорфа²⁸. Наши исследователи, ничем не смущившись, уже при предварительных проверках в 1868 г. получили богатый материал низших

животных форм. Не имея средств для найма рабочих, они работали сами. Благодаря искусности и физической силе Годлевского, были изготовлены орудия собственного изобретения. Зимой в толстом льду, достигающем 6 футов²⁹, было проделано до 200 прорубей. В них опускались цилиндры, открытые с одного конца, содержащие мясную приманку. Все проруби проверялись в течение нескольких дней, при этом из них извлекалось значительное число видов животных. Препарированием скелетов занялся Черский. К несчастью, эти образцы сгорели во время пожара в Иркутске, равно как и богатая коллекция птиц. Поскольку для ловли на приманку, а позднее и сетями, было необходимо большое количество веревок, наши исследователи сами должны были их вить. Также они сами изготавливали зонды собственной конструкции, которыми доставали с различной глубины озера ил, содержащий великое богатство существ, населяющих Байкал. Их исследовал под микроскопом учитель иркутской гимназии Гребницкий³⁰.

Уже первые исследования Дыбовского обнаружили огромное разнообразие фауны Байкала, обработки которой хватило бы для нескольких поколений. Тогда-то наш ученый высказал мысль об основании при озере Байкал опытной зоологической станции и университета в Иркутске, который взял бы на себя научное руководство станцией. Мысль об открытии университета в Иркутске оказалась реализована через несколько десятков лет, но еще при жизни нашего ученого. Несомненно, что со временем и второй его замысел будет осуществлен³¹.

Исследования Дыбовского показали, что на 1000-метровой глубине озера не встречается слепых видов и что известная рыба, так называемая голомянка (*Cottoperlatus baicalensis*), первый раз описанная Дыбовским, относится к живородящим и составляет исключительную принадлежность Байкала. Особенно ценными являются наблюдения нашего ученого за особой разновидностью тюленя (*Phoca baicalensis*), называемой *нерпой*, отличающейся от европейской. Это была работа,

которой он посвятил последние моменты своей жизни. Через шестьдесят лет, в 1927 и 1928 гг., он подтвердил различие между байкальской нерпой и скелетами тюленей, присыпаемыми ему с Каспийского моря³².

Село Култук оказалось отличным в качестве станции наблюдения за пролетом пернатых. Богатые орнитологические материалы, собранные там, служат свидетельством того, что подвиды даурских птиц сильно отличаются от европейских.

Вскоре, счастливым для Дыбовского стечением обстоятельств, из Петербурга оказывается выслана научная комиссия, во главе которой стоял генерал-адъютант Сколков, с целью знакомства с недавно присоединенными к России Амурским и Уссурийским краями вместе с Приморской областью. Поскольку генерал Сколков перенес незадолго до этого тяжелую операцию — ампутацию руки, назначен был в экспедицию Дыбовский прежде всего для врачебной опеки над больным, а также для сбора фауны Амура, исследования экономического быта и культурного состояния местного населения. После пребывания на Амуре в течение нескольких месяцев ученый возвращается в Култук и оттуда проводит исследования в 20 местностях на Байкале, следуя с юга на север. Он находит здесь новые формы и виды рыб, ракообразных, моллюсков и червей. Собранные зоологические материалы он пересыпает для обработки частично в музей в Иркутске, а частью в зоологический музей Варшавского университета, флористические же коллекции — известному ботанику, своему брату Владыславу в Литву.

В 1873 г. неутомимый в своих научных предприятиях, предпринимает очень трудоемкую и рискованную экспедицию на восток с Виктором Годлевским и другим изгнаниником — поляком Михалом Янковским³³, найдя в нем не менее отважного и работящего товарища, особенно в области техники. Исследуют вначале фауну местностей, расположенных у [Тихого] океана, затем пополняют ее коллекцией фауны Ингоды, откуда перебираются на Аргунь, имея от Географического Об-

щества поручение исследовать сельское хозяйство и экономическое состояние населения долины Ингоды и Амура. Как приговоренные к каторжным работам они не могли совершать поездки без разрешения местных властей. Добившись для себя такого разрешения, они приобретают средства на переезды продажей добытой охотой дичи. Конным способом пробираются сквозь девственную тайгу. Охотясь, все увеличивают свои сборы новыми видами млекопитающих и птиц. Прибегая к наиболее легким средствам сообщения, они решают добираться до Амура и Уссури водным путем. Янковский строит большую лодку, а отсутствие различных материалов, как, например, гвоздей и скоб, он заменяет деревом и изделиями собственного изобретения. На лодке они плывут по Аргуни по ее течению в направлении Шилки. Среди тяжелого физического труда прошло у них все очень жаркое лето, а в связи с маловодьем часто садясь на мель, должны они были преодолевать большие трудности по неоднократному перетаскиванию лодки. Наступает период дождей. Вещи и коллекции оказываются промочены. Не знают они, что дальше предпринять. На счастье, выход для них находится. Они встречают пароход, идущий в направлении Благовещенска. Пересаживаются на него и, буксируя лодку за собой, доплывают до Благовещенска.

Была уже поздняя осень и выпал первый снег. Там путешественникам удалось поймать новую неизвестную разновидность амурско-уссурийского аиста с черным клювом, несправедливо причисляемого Пржевальским к европейскому виду. Дыбовский назвал его *Ciconia Taczanowski*. Однако в описании этого подвида опередил Дыбовского английский ученый *Swinhoe* в Лондоне, обладающий живым экземпляром аиста, присланым из Японии в Лондон. Наконец, пароход привез наших путешественников в Хабаровск, откуда они доехали лодкой до станицы Корсаковой, а оттуда до Уссури. Там, у подножия высоких гор, жил неизвестный подвид лосей (*Alces usuriensis*). Прожив в этой местности целую зиму, лето и осень, пополнили они зоологические сборы. По-

скольку продажи птичьих шкурок не хватило на их скромное содержание, с сожалением они должны были расстаться. Янковский, проявляющий немалые способности в области техники, получил должность на золотом руднике, а Годлевский, больной малярией, поплыл вместе с Дыбовским лодкой по Сунгари. Потом на волах, запряженных в ярмо собственного изготовления, преодолели они топь, а позднее на лошадях добрались до Владивостока. Все перевозимое имущество, короба с вещами, книгами и коллекциями были мокрыми. Значительная часть коллекций подверглась порче, остальную с трудом удалось спасти. Дыбовский тяжело пережил эту неудачу. Тогда ему на помощь пришел Янковский, который уже в то время был директором золотого рудника недалеко от Владивостока. Он дал в распоряжение нашему ученому свое маленькое судно; таким способом он облегчил ему работу по изучению фауны Японского моря³⁴.

Интересна судьба Янковского, этого энергичного и незаурядного человека, который позднее вырос в истинного цивилизатора Восточной Сибири. Получив от государства кусок девственной земли под Владивостоком, он основал на ней образцовую ферму, где организовал коневодство. Вложил он в это немало энергии и труда, ведя борьбу с грозными стихиями: климатом, водой и, наконец, с дикими животными, особенно с барсами, постоянно вредящими его разведению домашних животных. Приобретенному отечеству посвятил он остаток своей жизни, женился на сибирячке, а сын его, воспитанный в Америке, сделался чужим для нашего общества³⁵.

На берегу Японского моря, в тяжелейших условиях, отрезанный от цивилизованного мира, без почты и телеграфа, прожил Дыбовский два года (1874—1875), стараясь как можно больше обогатить свои коллекции. С помощью стрел, отправленных стрихином, он убил целых пять тигров. Собрал он олени шкуры, а также много черепов звериных и человеческих, корейских, которые переслал в Иркутск и в Варшаву.

В 1875 г. он снова возвращается на Байкал, исследует фауну реки Ангары и убеждается, что она отличается от байкальской и от фауны других, меньших, озер³⁶.

Через несколько лет, когда долго ожидаемая амнистия позволила изгнанникам возвратиться на родину, отправился за другими и Дыбовский вместе с больным Годлевским. Последний, возвратившись в Конгресувку, откуда происходил, выздоровел и еще длительное время работал как энергичный земледелец³⁷.

Дыбовский возвратился из изгнания опережаемый славой большого ученого. Увенчанный лаврами, он был, однако, более известен как ученый среди чужих, чем на собственной родине. Друзья, желая задержать Дыбовского на родине, старались создать ему скромную должность консерватора натуралистических коллекций у одного из больших магнатов³⁸. Однако разочарованный отношением этого магната, Дыбовский разорвал свое соглашение с ним. Не найдя места для научной работы на родине, а желая и далее отдаваться природоведческим исследованиям, принял он должность окружного врача прямо на Северной Камчатке. В качестве помощника в своих исследованиях вывез он с собой из Варшавы молодого мазура, отличного охотника Яна Калиновского и воспитал его как толкового наблюдателя³⁹. Тяжелым было вторичное, но уже добровольное изгнание нашего исследователя. Когда на прощальной пирушке, устроенной ему в кругу варшавских друзей и натуралистов, предпринимались еще попытки уговорить его, чтобы он оставил намерения своего путешествия, налегая на наиболее уязвимую его струну, патриотическую, Дыбовский отвечал, что тот, кто искренне любит своей край, сумеет сердцем быть с ним всегда, хотя бы и удаленным на тысячи километров; кто же этой любовью не обладает, тому собственный край будет чужим, даже если бы он в нем находился. С этой мыслью покидал наш ученый вместе со своим молодым товарищем родную землю, не зная, возвратятся ли они на нее когда-либо. В июне 1879 г. высадились они в Петро-

павловске, главном городе Камчатской области, где прошли около четырех лет.

Дыбовский не был первым польским исследователем этой земли, расположенной на самом северном крае Азии, на которую когда-то был сослан барский конфедерат Маурыцы Аугуст Бенёвский⁴⁰. В XIX веке должность окружного врача на Камчатке, не дающую ни почетей, ни золота, и из-за этого часто вакантную, занимали один за другим трое идеалистов- поляков, врачей-натуралистов. Первым был в 1876–1879 гг. Юльян Вимут, родом с Волыни. Он окончил математико-природоведческий факультет [университета] в Одессе, а затем медицинский в Киеве. После него занял эту должность Бенедикт Дыбовский (1879–1883), а за ним – Леон Грыневецкий, родившийся в Киеве в 1839 г. По окончанию Медико-хирургической академии в Петербурге он стал первым врачом, поселившимся на открытой Новой Земле. Был он первым европейцем, который прошел вдоль и поперек этот остров. Затем он был врачом в Александровском [поселении] в бухте де Кастири, далее – окружным врачом на Камчатке после Дыбовского (1884–1887) и в конце концов занял должность начальника Анадырского округа Приморской области, главным образом в натуралистско-исследовательских целях. Поселившись на самом северном мысе Чукотского полуострова, он умер там от истощения и голода в 1889 г. После него остались очень ценные записки и наблюдения. Подобно Берингу, Грыневецкого история культуры зачислила в мученики науки.

На Камчатке Дыбовский соединил обязанности врача с природоведческими исследованиями. Вместе со своим товарищем он объехал полуостров пять раз: четыре раза зимой в кибитке, запряженной собаками, а один раз летом, конным способом. Кроме того, они посетили острова Беринга, или так называемые Командорские. В очень трудных условиях, безо всякой помощи от административных властей, Дыбовский собрал там богатые натуралистические, антропологические и этнографические коллекции – шкурки и ценные меха птиц и

млекопитающих, кости, скелеты, черепа, местные народные костюмы и т. п. Часть этих сокровищ украшает Краеведческий Технико-промышленный музей, часть находится в Институте зоологии Львовского университета.

Командорские острова, называемые островами смерти, со своим суровым и сырьим климатом, с убогой фауной и флорой, лишенные домашних животных, не привлекали колонистов, особенно в связи с тем, что немногочисленное местное население вечно голодало.

Плохие экономические условия влияли на распространение эпидемических заболеваний и проказы, которые в устрашающей форме косили население. Таким образом, это было исключительно благодатное поле для деятельности врача-филантропа.

Уже прежде в Восточной Сибири, несмотря на то, что главной целью Дыбовского там была научная работа, он, однако, должен был делить ее с врачебной практикой. В ту пору он приобрел себе большую популярность и уважение местного населения. Здесь, где население было намного беднее и пребывало в состоянии более первобытном, положение государственного врача было более трудным. Первой задачей Дыбовского было поднять культуру, оживить этот мертвый край и переломить глубоко укоренившийся предрассудок, что на Командорских островах по причине сурового климата и плохой почвы разведение домашних животных может не удастся. Благодаря инициативе Дыбовского, удалось склонить Северо-Американскую торговую компанию, чтобы в виде опыта она выслала туда первые транспорты домашних животных: северных оленей, лошадей, волов, кроликов, коз и т. п. Начаты лесные посадки во многих пустынных местах путем раздачи семян населению. Словом, закладывались первые основы животноводческого хозяйства, земледелия и огородничества. Акклиматизация домашних животных удалась превосходно. Также было доказано, что и земля годится для обработки. Через несколько лет благосостояние населения значительно поднялось.

Много лет спустя, в 1903 г., отправленный по поручению Русского геологического Комитета на Командорские острова с научными целями, Юзеф Морозевич⁴¹ воздает большую похвалу заслугам Дыбовского и вспоминает, что алеуты чтят там его память и что одну из гор назвали его фамилией.

Врачебная деятельность Дыбовского выражалась в устройстве скромных больниц и изоляционных приютов для прокаженных, которых он там посещал. Он считал, что проказа может проявляться даже несколько лет спустя после заражения. Поэтому после возвращения на родину он долго оттягивал вступление в брак.

Культурная деятельность Дыбовского, направленная к совершенствованию человеческой расы, не ограничивалась только Камчаткой, но и проявлялась всюду, куда только заводила его судьба. Он нес элементы идеализма и прививал их среди людских масс, будь то в Восточной Сибири, на Камчатке, или в отчизне. Смело защищал свои идеалы и, несмотря на мягкость характера, был непоколебим в своих принципах⁴².

В отношении характера этой деятельности Дыбовского можно было бы сравнить с Александром Деспотом-Зеновичем, кяхтинским градоначальником и губернатором пограничной Монголии, а позднее тобольским губернатором. Оба имели сходные стремления, с тем лишь различием, что когда Зенович как тогдашний губернатор обладал почти неограниченной властью и имел на свое усмотрение целую администрацию, Дыбовский не только не находил помощи, но, напротив, наталкивался на многочисленные препятствия. Как врач на захолустных окраинах он обладал большой моральной силой. Оба этих наших соотечественника, которых я близко знал, снискали себе уважение среди сибирского населения, любовь и признательность, сохраняющиеся поныне⁴³.

Пропаганда Дыбовского, направленная против пьянства⁴⁴, борьба со злоупотреблениями купцов, духовенства и чиновников, эксплуатирующих население, создали там условия, очень неблагоприятные для уч-

ного и давали поводы для частых столкновений с властями, что его тем более склонило к оставлению Камчатки в 1883 г. В то время он получил приглашение на кафедру зоологии во Львовском университете. Поселившись во Львове, он создает зоологический музей в университете, преимущественно из собственных коллекций, а также развивает широкую научную и педагогическую деятельность, привлекая на свои лекции многочисленных слушателей.

Уже со времен ранней молодости был он горячим сторонником всяческих новых течений и пламенным защитником теории эволюции, против которой выступали более старые консервативные сферы. В связи с этим Дыбовский имел многих недоброжелателей и даже врагов. Он уже около двадцати лет работал во Львове, когда я навестил его там, приехав летом 1902 г. из Сибири в отпуск. В ту пору он чувствовал себя полным сил, несмотря на исполнившиеся 68 лет. Он мечтал после окончания своей профессуры в университете еще навестить Сибирь и Байкал, что было его долголетним желанием. Однако, как и многие иные его мечты, эта не исполнилась.

Как пенсионер Дыбовский продолжал жить во Львове, не прерывая своей научной деятельности. Приближались большие исторические события. Великая война в сильной форме дала знать седовласому учёному о том, что как раз в то время пребывал он далеко от своего дома во Львове. В письме ко мне после возвращения во Львов, датированном 1 июля 1918 г., он так вкратце описывает свои переживания:

“О Вас я узнал из газеты “Сибирь”, которая прислана мне из Иркутска. Там было более длинное упоминание о том, что Вы являетесь врачом в месте, где лечатся раненые буряты. Затем в газетах, выходящих в Петербурге, писалось, что у Вас была пара лекций. Со временем известия прекратились. Нас хотели выбросить за Волгу. Только благодаря стараниям мы остались в Новогрудском [уезде], а в доме моей сестры гостили мы вплоть до времени, когда нашествие достигло Немана.

Дом, где мы находились, подвергся бомбардировке. Во время атак мы пребывали в подвале. Окончательно захватили немцы. Мы думали, что настанет лучшее время, но оказалось, что это было худшее — нас выбросили после разграбления всего поместья, забрано все, сожжен дом и хозяйственные постройки, сожженные стены разобраны на печи в окопах, вырублены парк, роща, все поля перекопаны окопами: полнейшее разорение. Мы жили углом у гр[афов] Оурков во Всемюби. Благодаря знакомству с внуком В. Гумбольдта⁴⁵, немецким офицером, мы, наконец, получили позволение вернуться во Львов; так мы доехали до Вильна, где должны были пребывать пару месяцев, прежде чем австрийское правительство выдало нам разрешение на возвращение во Львов; здесь мы прозябаем, ожидая милости небес».

Еще не замолк военный артиллерийский гул, как началось гайдамацкое нападение на Львов. Проф. Дыбовский, забаррикадировавшийся с семьей в своем Бялым дворэке⁴⁶, вновь пережил военный кошмар.

Потом он писал мне о своем тяжелом материальном положении, получаемая им пенсия — воистину нищенская. Тогда семейство Дыбовских должно было обходиться без прислуги, не имея средств ни на ремонт поврежденного дома, ни на самые необходимые вещи. Все должны были делать сами... Также остро ощущали они отсутствие топлива. Топили только одну печь в самой маленькой комнате, которая служила им одновременно и кухней, и прачечной, и спальней.

Как выдающийся зоолог и врач Дыбовский не мог не интересоваться разделом природоведения, относящимся к человеку. Занимался он им, насколько позволяло ему на это время. О его работах, имеющих связь с антропологией, я написал в некрологе, помещенном в «Антропологическом обозрении». К сожалению, многие из них, как и измерения, произведенные среди алеутов, погибли в Сибири с большим ущербом для науки. Он обнаруживал особую заинтересованность антропологией. Хотел, чтобы его материалы, относящиеся к антропологии Камчатки, которые много лет назад он по-

дарил Коперницкому⁴⁷, я обработал при его жизни. Когда я это сделал, он радовался непомерно, чрезмерно высоко оценивая и расхваливая мою работу. А одновременно делал свои замечания, весьма справедливые, в длинных письмах ко мне. Антропологии он приписывал великое значение, называя ее «наукой над науками, ибо она учит познавать самого себя». Чтобы быть хорошим антропологом, — по мнению Дыбовского, “необходимо много уметь, а более всего — уметь мыслить логично”. Согласно ему, антропология, в связи с ее важным значением, должна изучаться, начиная от низшей школы и до высшей, в соответствии с умственным развитием обучающихся. В университетах молодежь должна научиться проведению антропологических измерений, чтобы уметь исследовать все население: мужчинам — мужской пол, женщинам — женский. В связи с этим нашего идеалиста занимала мысль о создании огромного антропологического музея, в котором хранились бы коллекции людских останков: черепов, скелетов и органов. Он хотел, чтобы после смерти людей, особенно выделяющихся в каком-либо направлении, их бренные останки отдавались туда для пользы возлюбленного им знания о человеке. Он считал, что такой музей способствовал бы развитию антропологии, а через это — и совершенствованию человеческой природы⁴⁸. Он также мечтал о том, чтобы наряду с институтом изучения живых людей для улучшения таковых проводилась бы искусственная эксплантация рас.

Другой вопрос, который длительное время занимал Дыбовского, был эсперантский язык как международный вспомогательный в науке и как средство для соединения братскими узами всех народов и рас.

Мое возвращение из Сибири и занятие кафедры антропологии в Кракове еще более укрепили узы дружбы, которые связывали меня с Нестором наших учеников. Всегда жаждущий деятельности и живой, несмотря на уходящие силы, посещал он Краков и даже Варшаву. Оvationями мы принимали его на одном из ежегодных собраний Академии Умелости⁴⁹, а потом на од-

ном из заседаний создающейся Академии Лечебных Наук в Варшаве. Неразлучной спутницей и опекуном отца во всех поездках, равно как и его секретарем, была его любимая дочь, панна Халина.

До последних лет жизни, до самой смерти, несмотря на уходящие физические силы, он сохранил ясный ум, позволяющий ему далее обрабатывать материалы байкальской фауны. Одна за другой появлялись *его* работы в изданиях нашей Академии Умелости. Он с нетерпением ожидал окончания каждой из них, говоря, что ему уже мало остается жить, а хотелось бы видеть ее напечатанной. Работал он неутомимо, питаясь чрезвычайно скромно. Между тем возраст делал свое. Дыбовского все больше одолевали недуги. Он лечил себя сам, не отвергая и народных средств. Особенно часто употреблял хинин, который принимал почти при каждом своем недомогании. Наконец приблизился конец его жизни. Вечером 19 января 1930 г. он подвергся легкому приступу половинного паралича. После пуска крови паралич начал постепенно отступать, а больной чувствовал себя лучше, но это было только видимостью, поскольку в ночь на 31 января он уснул вечным сном.

Во Львове, где Дыбовский провел почти полвека, он приобрел широкую популярность, о чем свидетельствовали его похороны. Последнюю дань отдали ему толпы жителей Львова, Львовского Университета, делегации других университетов, представители правительства и военных. Тем самым были возданы почести великому ученому и великому патриоту, одному из последних участников Январского восстания⁵⁰.

Краков, в марте 1930 г.

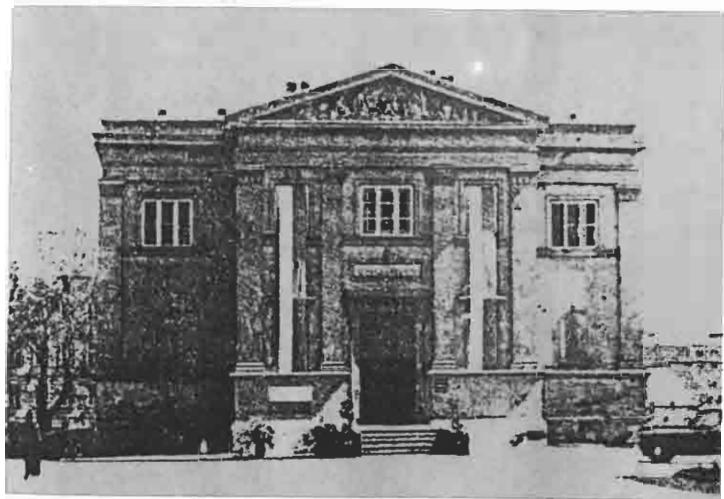
КОММЕНТАРИИ ПУБЛИКАТОРА

¹О М. Дубецком см. comment. 22 к тексту данного очерка.

²Литовско-русская (белорусская) шляхта. Здесь и далее автор очерка употребляет названия, за которыми стоит историческая традиция феодальной польской государственности **Речи Посполитой**.

Мемориальная доска в Республике Беларусь в местности, где родился Б. Дыбовский под г. Минском)

Здание Главной Школы, (современный Зоологический институт Варшавского университета), где в 1862-1864 гг. Б. Дыбовский преподавал зоологию [Brzencik, 1994]

Общий памятник Польскому повстанцу на участке могил ветеранов восстания 1863 г. Лычаковского кладбища г. Львова, где похоронен Б. Дыбовский.
Фото Б.С. Шостаковича.

Могила Б.Дыбовского. Фото Б.С. Шостаковича.

Современный вид могилы Б.Дыбовского на Лычаковском кладбище г. Львова.

Открытие мемориальной доски на ул. им. Б.Дыбовского в г. Иркутске.
Присутствуют: посол Республики Польша в Российской Федерации Анджей
Задуцкий, зам. мэра г. Иркутска С.И. Дубровин. Выступает Б.С. Шостакович.

Под названием Литвы он подразумевает обширный регион исторического Великого княжества Литовского (откуда происходил и он сам), являвшегося составной частью этого многонационального государства, включающей современные регионы Беларуси, собственно Литвы и сопредельных североукраинских и западно-русских областей.

³Здесь и далее автор очерка употребляет прилагательные, образованные от польского слова “крэсы” (пограничье, рубеж), сложившегося как историческое понятие, обозначающее новые территории, некогда вошедшие в польскую государственность (после унион Польши и Литвы) и населяемые предприимчивыми выходцами из собственно Польши с целью их колонизационного освоения.

⁴Гейштор Якуб Вильгельм Каспер (1827–1897) – участник Январского восстания, сибирский политссыльный, мемуарист, публицист, впоследствии книготорговец.

⁵Талько-Грынцевич употребляет историческую терминологию, сохранившуюся в традиции польского общества от эпохи Речи Посполитой (см. коммент. 1). В этом контексте понятие Литовская Русь подразумевает современный регион Беларуси.

⁶Повет (пояят) – польск. – уезд. След исторической реалии от времен, когда Минск в рамках Великого княжества Литовского являлся уездным центром.

⁷Разделы Польши – три поэтапных раздела Речи Посполитой (в 1772, 1793 и 1795 гг.) между Пруссиеи, Австрией и Россией, в результате которых Польская государственность оказалась ликвидирована на 123 года (до 1918 г.).

Костюшковское восстание – национально-освободительное восстание поляков под руководством генерала Тадеуша Костюшко (1794 г.), давшее, несмотря на общее поражение, немало ярких образцов героизма и самопожертвования.

Наполеоновские войны – речь идет о периоде, когда часть польских патриотических сил пыталась бороться за восстановление самостоятельности расчлененной Польши в польских легионах на стороне Наполеона Бонапарта в происходивших в Европе войнах. Результатом этого стало образование из части польских земель так называемого Герцогства Варшавского (1807–1815).

Ноябрьское восстание – так в польской традиции называется национально-освободительное восстание 1830–1831 гг., начавшееся 29 ноября 1830 г.

Упоминая в данном контексте об унии, Талько-Грынцевич, по всей вероятности, имеет в виду Люблинскую унию 1569 г., объединившую Польшу и Литву в единое государство — Речь Посполитую.

⁸Минск Литовский. Имеется в виду город Минск, столица современной Беларуси (в прошлом относившийся к исторической области Литвы). Это название используется также и для различения с городом Минском Мазовецким, расположенным на территории Польши, недалеко от Варшавы.

⁹Литва. Здесь это название также употреблено в значении, подразумевающем регион Беларуси.

¹⁰Здесь фамилии сестер Дыбовских приведены в характерной для польского языка форме: окончания “-ова”, “-ева” указывают на то, что речь идет о замужних женщинах, приобретших данные фамилии по своим супругам.

¹¹Пулавы — город в Польше, повятовый центр в Люблинском воеводстве. С начала 1860-х годов там существовал Институт сельского хозяйства и лесоводства.

¹²Приводимый перечень известных выпускников Минской губернской мужской гимназии обозначает интересную и малоизученную проблему духовного формирования польской шляхетской молодежи в среде учащихся данного учебного заведения. Судьба Б. Дыбовского оказывается в определенном смысле типичной для минских гимназистов описываемой эпохи.

¹³В пору университетской юности Б. Дыбовского польский город Вроцлав относился к пределам Пруссии, т.е. находился за границей Российской империи, откуда был родом ученый, и носил немецкое название Бреслау.

¹⁴Хенрик Хойер старший (1834–1907) — гистолог, эмбриолог, врач, Август Вжесньёвский (1836–1892) — зоолог, Титус Халубинский (1820–1889) — врач и ботаник, Игнацы Барановский (1833–1919) — врач и покровитель природоведческих наук, Феликс Навроцкий — профессор физиологии Варшавского университета.

¹⁵Т.е. Литвы и Беларуси.

¹⁶Зыгмунт Сераковский (1826–1863) и Зыгмунт Падлевский (1835–1863) — видные деятели Январского восстания, принадлежавшие к левому крылу группировки “красных”, революционные демократы по своим идеологическим позициям. Были близки к Н. Г. Чернышевскому. До перехода в ряды повстанцев были офицерами на российской службе. Руководители крупных повстанческих соединений в Литве и Беларуси (Сераковский) и Плоцком воеводстве (Пад-

левский), захваченные в плен царскими войсками, были казнены. Известно, что Дыбовский был лично знаком и дружен с З. Сераковским. Во многом он разделял и его политические взгляды. Ярким свидетельством не ослабевавшего уважения и внимания к памяти погибшего друга и соратника по национально-освободительной борьбе является ряд публицистических и историко-биографических работ Б. Дыбовского о З. Сераковском (среди них принадлежащая его перу монография “Памяти Зыгмунта Сераковского” (1907 г.)); последняя его публикация на данную тему относится к 1917 г.

¹⁷Суворов Александр Аркадьевич (1804–1882) — русский военный и государственный деятель, внук А. В. Суворова. В 1861–1866 гг. занимал должность петербургского генерал-губернатора и проводил умеренно либеральную политику. Проявляя демонстративную лояльность к репрессированным польским повстанцам. По некоторым сведениям, делал это сознательно, желая таким образом загладить вину своего рода по отношению к борцам за независимость Польши: дед, А. В. Суворов, как известно, остался в памяти польского народа свирепым царским сатрапом-военачальником, огнем и мечом расправившимся с польским восстанием 1794 г.; сам А. А. Суворов принимал участие в подавлении Ноябрьского восстания 1830 г. в Польше.

¹⁸Литва здесь употребляется в аналогичном, как и выше (см. comment. 15 и др.), смысле.

Главная Школа — под таким названием в Варшаве существовал университет, восстановленный с ноября 1862 г. В 1869 г. он уже именовался университетом, но оказался сильно русифицирован.

Лянгевич Марьян (1827–1887 — генерал. В начале Январского восстания командовал отрядом в несколько тысяч человек. 11 марта 1863 г. провозгласил себя диктатором восстания, но после проигранной битвы 18 марта был вытеснен в Галицию. Впоследствии пребывал в эмиграции.

Упомянутая книга опубликована на польском языке. В помещаемом тексте ее оригинальное название приведено в русском переводе.

¹⁹О Траугутте см. подробнее comment. 22. Упоминаемый доктор Йодко — Йодко-Наркевич Витольд (1834–1898) — врач-окулист. Доцент в Медико-хирургической академии, а затем в Главной Школе в Варшаве. По словам самого Дыбовского, он был его “гимназическим и университетским коллегой, сумевшим счастливо избежать Сибири”.

²⁰Краковске Пшедмесьце — одна из главных улиц в историческом центре Варшавы. Казимежовский дворец вместе с комплексом других зданий расположен на прилегающей к этой улице замкнутой площади обширного двора, где и поныне размещается Варшавский университет.

²¹Официальная формулировка приговора Б. Дыбовского была несколько иной.

²²Марьян Дубецкий (1838–1926) — гимназический преподаватель литературы и истории.

Траугутт Ромуальд (1825–1864) — профессиональный военный, подполковник российской армии. Временное национальное повстанческое правительство в августе 1863 г. присвоило ему генеральское звание. С 17 октября 1863 г. по 10 апреля 1864 г. был диктатором Январского восстания и принял ряд решительных мер к его активному продолжению. Арестован и по приговору военно-полового суда казнен с несколькими своими соратниками 5 августа 1864 г.

²³Карлсбад — немецкоязычная версия названия знаменитого бальнеологического курорта на западе Чехии, прежде принадлежавшей Австро-Венгрии. Оригинальное чешское название — Карлови Вари.

Дарасун — известный курорт в Читинской области. Расположен в долине р. Дарасунки, притока р. Туры, впадающей в Ингоду.

²⁴Кукель Болеслав (Болеслав Казимирович) — начальник штаба войск Иркутского военного округа, поляк по происхождению.

Маак Ричард Карлович (1825–1886) — учитель и директор народных училищ Иркутской губернии, исследователь Сибири.

²⁵Ковалевский Юзеф Щепан (в русской версии Осип Михайлович) (1801–1878) — ориенталист, исследователь языков и культуры монгольских народов. Составитель крупнейшего русско-монгольского словаря. Член так называемой Организации “филоматов”, друг и единомышленник великого польского поэта А. Мицкевича. Впоследствии — профессор, ректор Казанского университета.

²⁶В приведенных Талько-Грынцевичем размерах Байкала допущены существенные ошибки. В действительности длина озера с юга на север составляет 636 км, а в попечнике — от 35 до 87 км.

²⁷Вопреки утверждению Ю. Талько-Грынцевича, омуль относится к семейству лососевых, а не сельдевых. Никаким “сильнейшим специфическим запахом” омуль в своем естественном состоянии не обладает. По всей вероятности, Талько-Грынцевич имеет в виду ценимый многими любителями и знатоками специальный посол омуля.

ля “с душком”, когда он действительно приобретает своеобразный запах.

²⁸Паллас Петр Симон (1741–1811) — естествоиспытатель, член Петербургской Академии Наук. По национальности немец. Переехал в Россию в 1767 г. В 1768–1774 гг. возглавлял экспедицию в различные регионы Российской империи — от Поволжья до Сибири включительно. Ее результаты были опубликованы им в труде “Путешествие по разным провинциям Российского государства” (в 3 ч., 1773–1788). Палласом собраны и обработаны обширные геологические, ботанические и другие материалы. Многие высказанные им идеи и заключения, оказавшие значительное влияние на развитие последующих научных воззрений, ныне представляют лишь исторический интерес.

Георги Иоганн Готлиб (1729–1802) — член Петербургской Академии Наук. Среди нескольких своих экспедиций по Сибири в 1772 г. по поручению Палласа совершил путешествие вокруг Байкала и снял карту озера. Также обследовал Даурские рудники и хребет.

Радде Густав Иванович (1831–1903) — естествоиспытатель, путешественник и этнограф. Уроженец г. Данцига (Гданьска), переселившийся в Россию в 1852 г. Участвовал в многочисленных экспедициях, в том числе и по Восточной Сибири, собрав обширные ботанические, зоологические и этнографические коллекции. Результаты сибирских его изысканий отражены в работе, вышедшей в 1861 г. в “Записках РГО”.

Миддендорф Александр Федорович (1815–1894) — естествоиспытатель, член Петербургской Академии Наук. По поручению последней совершил в 1843–1845 гг. большую экспедицию в Северную и Восточную Сибирь. Автор ряда работ, имеющих существенное значение для изучения природы и фауны Сибири.

²⁹Фут — английская мера длины, употреблявшаяся и в России до введения метрической системы мер. Один фут, делившийся на 12 дюймов, составлял 30,48 см. Таким образом, названные Талько-Грынцевичем 6 футов соответствуют 2,52 м.

³⁰Более подробные сведения о Я.(И.Д.) Черском см. в настоящем сборнике, в разделе публикаций фрагментов переписки Б. Дыбовского. Автор очерка имеет в виду большой пожар, произошедший в Иркутске 22 и 24 июня 1879 г.

³¹Здесь Талько-Грынцевич допускает существенную неточность. В момент, когда им создавался публикуемый очерк, на Байкале уже давно существовали постоянные исследовательские организации: с

1918 г. в пос. Большие Коты действовала научно-исследовательская станция Иркутского госуниверситета, с 1925 г. в пос. Маритуй работала Байкальская экспедиция, в 1928 г. реорганизованная в Байкальскую лимнологическую станцию АН СССР (ныне это Лимнологический институт РАН).

³²По всей вероятности, автор очерка имеет в виду работы Б. Дыбовского о байкальской нерпе, которые в существующей библиографии трудов ученого датированы 1929 г. и представляют собой основную публикацию на немецком языке (*Zur Kenntnis der Sibirischen Seehunde // Bull. int. Acad. pol. Cl. math. nat. B*) вместе с ее резюме на франц. и польск. языках.

³³Подробнее о В. Годлевском см. в разделе публикаций фрагментов мемуарно-очерковой "сибирики" Б. Дыбовского, некролог В. Годлевского. О М. Янковском см. в разделе публикаций фрагментов переписки Б. Дыбовского.

³⁴Здесь и далее в оригинале очерка автор называет это море Маньчжурским.

³⁵ Сведения не вполне точны. В действительности в Америке побывали двое сыновей М. Янковского – Александр и Юрий. Затем они возвратились на Дальний Восток. Семья Янковского, безусловно, была в значительной мере обрусевшей, хотя "американское воспитание" их детей здесь было абсолютно ни при чем. Дыбовский действительно очень болезненно воспринимал утрату "польскости" своими соотечественниками.

³⁶Видимо, автор очерка подразумевает работу Б. Дыбовского "Рыбы озера Байкал" [Изв. ВСОРОГ. – 1876. – Т. 7, № 1/2. – С. 1–25].

³⁷Упоминаемый в данном контексте период жизни Годлевского хорошо отражен в его письмах Б. Дыбовскому, публикуемых в настоящем сборнике.

Конгресувкой в польском разговорном обиходе именовалась та часть территории Польши, которая была включена в состав Российской империи по решению Венского конгресса в 1815 г. и официально носила название Королевство (Царство) Польское.

³⁸Имеется в виду отвергнутое ученым предложение занять должность руководителя частного зоологического музея в Варшаве графа Константы Браницкого, категорического противника возврений эволюционизма, которые неизменно отставал Б. Дыбовский.

³⁹О Я. Калиновском см. подробнее в настоящем сборнике в разделе публикаций фрагментов переписки Б. Дыбовского.

Называя Калиновского мазуром, Ю. Талько-Грынцевич, по-видимому, хочет таким образом отметить происхождение его рода из Мазур – историко-географического района Польши.

⁴⁰Маурыцы Август Бенёвский (1746–1786) – скандально известный военный и политический деятель-авантюрист, сосланный на Камчатку участник польского выступления за независимость в так называемой Барской конфедерации (1768–1772 гг.). Организатор бунта в Большерецке на Камчатке и побега оттуда с группой ссыльных на захваченном купеческом судне (12 мая 1771 г.). Совершил морское плавание с Дальнего Востока вдоль побережья Японии и Китая в Макао, а оттуда – в Европу (во Францию прибыл в июле 1772 г.). Далее руководил (март 1773 г.) французской экспедицией по взятию Мадагаскара и провел там несколько лет как французский губернатор. Был произведен в генералы. В 1778 г. сражался в австрийской армии за баварское наследство, а несколько позднее получил титул австрийского графа. В 1779 г. безуспешно пробовал устроиться на службу в Америку. Затем разрабатывал различные проекты морских торговых предприятий. Создал мемуары о своих приключениях. В июле 1786 г. вновь прибыл на Мадагаскар, начал создавать собственное государство и погиб там же в сражении с французскими войсками 24 мая т. г.

⁴¹Морозевич Юзеф (1865–1941) – геолог, минералог, петрограф. По окончании Варшавского университета работал там консерватором Минералогического кабинета, а в 1894–1904 гг. в Геологическом Комитете в Петербурге и осуществлял многочисленные геологические исследования на обширных территориях Российской империи. Самую отдаленную экспедицию он предпринял на Командорские острова, где провел период с конца июня до начала октября 1903 г. и впоследствии, уже в Польше, опубликовал свой отчет о ней в виде книги. В 1904 г. Ю. Морозевич перебрался в Krakow, где стал профессором Ягеллонского университета и основателем Krakowskoy Gornej Akademii.

⁴²Отмечаемые Талько-Грынцевичем своеобразие характера и возврений Б. Дыбовского в некоторых аспектах подробнее затронуты в данном сборнике в статье Б.С. Шостаковича "Гуманистический аспект научного мировоззрения Бенедикта Дыбовского и его отражение в сибирском наследии ученого".

⁴³Деспот-Зенович Александр Иванович (1829–1897). По образованию юрист, выпускник Московского университета. Происходил из древнего польско-литовского рода. С 1854 г. – троицкосавский пограничный комиссар, с 1859 г. – кяхтинский градоначальник. (Ука-

зание Талько-Грынцевича на занимаемый Деспотом-Зеновичем пост пограничного губернатора Монголии – неверно.) В 1862–1867 гг. являлся тобольским губернатором. Известен своими либеральными взглядами и гуманным обращением с политическими ссыльными, среди которых через Тобольск проходила масса *репрессированных “январских”* польских повстанцев. О его многообразном содействии последним как влиятельного администратора существуют многочисленные документальные и мемуарные свидетельства.

Отмеченные отточием некоторые несущественные длинноты в данном абзаце текста опущены нами в русском переводе.

⁴⁴Как известно, Б. Дыбовский был убежденным abstинентом – борцом за воздержание от употребления спиртных напитков, трезвый образ жизни и неукоснительно отстаивал этот принцип со студенческих лет и до конца своих дней. Непримиримая, до категоричности, позиция, занимаемая им в этом вопросе, нередко приводила его к конфликтным столкновениям со своими оппонентами.

⁴⁵Гумбольдт Вильгельм (1767–1835) – видный немецкий ученый-филолог и государственный деятель. Основатель в 1810 г. Берлинского университета, где Б. Дыбовский в 1860 г. получил докторскую степень в области медицины и хирургии.

⁴⁶Б’ялы дворэк (“Белая усадебка”) – так именовали близкие и друзья Б. Дыбовского выстроенный им на собственные средства и принадлежащий ему дом с усадьбой во Львове, где он жил со своей семьей.

⁴⁷Копэрницкий Изыдор (1825–1891) – антрополог, профессор Ягеллонского университета (Краков).

Упоминаемая работа Талько-Грынцевича нами не установлена. Вопрос о ней нуждается в дополнительном изучении.

⁴⁸В связи с излагаемой Талько-Грынцевичем идеей Дыбовского, представляется весьма красноречивым и показательным следующий факт. Известно, что сам Б. Дыбовский и близкий его друг А. Крэнцкий (по убеждению первого) оформили личные завещания о посмертной передаче собственных тел в распоряжение Института антропологических наук Варшавского Научного Общества. Однако кончина в 1919 г. Крэнцкого, а в январе 1930 г. и Дыбовского побудили их вдов обращаться в Институт за отказом от права на останки покойных и предоставлением их семьям возможности совершить похоронение по католическому обряду. Дирекция Института не нашла возможным отказать им в этих ходатайствах.

⁴⁹В Кракове в 1872–1873 гг. была организована по сути Польская Академия Наук, дословно называемая Академией Умелости, или Искусности. Традиция ее существования воссоздана в настоящее время.

⁵⁰Январским восстанием в польской традиции называется национально-освободительное восстание 1863–1864 гг., начавшееся 22 января 1863 г. Как уже неоднократно отмечалось в данном сборнике, Б. Дыбовский был активным деятелем этого восстания, за что поплатился политической ссылкой в Сибирь.

ФРАГМЕНТЫ НЕОПУБЛИКОВАННОЙ ЭПИСТОЛЯРНОЙ И МЕМУАРНО-ОЧЕРКОВОЙ "СИБИРИКИ" БЕНЕДИКТА ДЫБОВСКОГО

Б. С. Шостакович

В данном разделе сборника помещены письма Бенедикту Дыбовскому и два образца его мемуарных произведений. Их подготовил к печати автор настоящего сообщения – Б. С. Шостакович.

В обзоре сибирского наследия гуманитарного характера Бенедикта Дыбовского, представленном автором этих строк во втором разделе настоящего сборника, уже говорилось о существовании обширной переписки, которую многочисленные корреспонденты выдающегося байкаловеда вели с ним практически до конца его без малого столетней жизни. Указанное эпистолярное наследие в подавляющем большинстве может быть охарактеризовано как весьма оригинальное и ценное в источниковом аспекте, заслуживающее опубликования и внимательного изучения. В настоящее время основным местонахождением неизданной переписки Б. Дыбовского является Отдел рукописей Библиотеки Ягеллонского университета в Кракове (Республика Польша).

Заслуга сохранения замечательного наследия Б. Дыбовского и передачи его в названное крупнейшее и авторитетнейшее в Польше хранилище документальных ценностей принадлежит прежде всего профессору Адаму Вжосэку – видному польскому врачу, антропологу и историку медицины и естественных наук (1875–1965), который осуществил эту акцию незадолго до своей смерти, о чем имеются его собственные документальные сви-

детельства. При этом данные материалы были фотокопированы и значительная часть их копий (однако, не во всей полноте существующего их объема) оказалась передана также и в Архив Института зоологии Польской Академии Наук в Варшаве. Безусловно, история сохранения архива Бенедикта Дыбовского, особенно в пору второй мировой войны, когда польским культурно-историческим ценностям был нанесен огромный урон, заслуживает самостоятельного, особого выяснения. Пока в ней остается еще немало неразгаданных "белых пятен".

Именно такого рода "микро-загадку", связанную с перипетиями архива Б. Дыбовского, представляет неожиданная находка автором данных строк в Познанском отделении Архива Польской Академии Наук небольшой подборки писем, адресованных Б. Дыбовскому. По всем признакам документы этой коллекции изначально также находились в эпистолярном собрании, переданном проф. А. Вжосэку в Ягеллонскую Библиотеку. Местом хранения данного фрагмента стал не Краков, а г. Познань, поскольку там хранитель эпистолярной "дыбовскианы" проф. А. Вжосэк провел последний период своей жизни.

Именно из познанской коллекции для настоящей публикации нами отобраны письма двух корреспондентов, наиболее известных своими сибирскими исследованиями: выдающегося геолога Яна Черского (два письма) и Виктора Годлевского, близкайшего сотрудника и помощника Б. Дыбовского в его байкальских изыскательских экспедициях (два письма); из краковского собрания – письмо В. Ч. Дорогостайского и приветственное обращение Общества изучения Сибири. За исключением одного письма Я. Черского, все остальные – датированы. Оригиналы писем Я. Черского и В. Ч. Дорогостайского – на русском языке, писем В. Годлевского – на польском. Перевод на русский язык выполнил автор публикации Б. С. Шостакович. Он же составил комментарий к текстам. Все названные письма публикуются впервые.

Сигнатуры оригиналов публикуемых рукописных текстов соответственно следующие: Archiwum PAN.

Oddział w Poznaniu. Korespondencja Benedykta Dybowskiego. — Pakiet 3: Nr. [73?], k. a; Nr. 74, k. a, b, c, d; Pakiet 15: Nr. 89, k. a, b, c, d; Nr. 90, k. a, b, c, d.

Первый из мемуарно-очеркового рода труд Б. Дыбовского, разделы из которого публикуются в данном сборнике, заслуживает специального, всестороннего анализа. В отечественной литературе таковой частично проводился лишь автором данных строк в ряде предшествующих его исследований, посвященных наследию Дыбовского-мемуариста. Этой теме уделено внимание тем же автором и в настоящем сборнике: при освещении гуманитарных аспектов научной деятельности Дыбовского, относящейся к Сибири (см. по этому поводу список литературы при указанном очерке — с перечнем соответствующих работ Б.С. Шостаковича).

Речь идет о так называемом “Дневнике” доктора Б. Дыбовского — последнем крупном труде ученого, вышедшем в свет в 1930 г., почти одновременно с его кончиной в 97-летнем возрасте. По своему характеру это произведение сочетает сразу несколько жанров: как минимум, мемуарный, эпистолярный, а отчасти также и собственно дневниковый. Таким образом, название “Дневник” далеко не адекватно отражает сущность произведения в целом. Впрочем, в обширном и разноплановом мемуарно-очерковом творчестве Дыбовского рассматриваемая книга — вовсе не единственный пример подобной противоречивости. На наш взгляд, среди прочего в этом можно усматривать и косвенное выражение яркой, неординарной индивидуальности самого Б. Дыбовского, в своем творчестве никогда не укладывавшегося в заранее предложенные каноны.

Отечественному читателю указанный мемуарный труд ученого практически неизвестен. Введение его в практический научный и культурный обиход в полном объеме (а это свыше 600 печатных страниц!) все еще остается задачей будущего. Однако в настоящем сборнике сделан, наконец, первый шаг в этом начинании: впервые публикуются в русском переводе два содержательных раздела “Дневника”, непосредственно относя-

щиеся к тематике пребывания и деятельности их автора в Прибайкальском регионе. Безусловно, они помогут расширить представление как о самом ученом, так и об оставленном им обширном сибирском источниковом историческом наследии.

Перевод польского текста “Дневника” Б. Дыбовского осуществили ныне покойная М.Я. Бушман (замечательная энтузиастка-общественница, одна из создательниц Клуба друзей Польши в Иркутске “Висла”), по оригиналу: *Pamiętnik dra Benedykta Dybowskiego od roku 1862 począwszy do roku 1878. — Lwów, 1930.*

Вторая из публикуемых мемуарных работ Б. Дыбовского носит уже совершенно иной характер. Это небольшой некролог В. Годлевского, представленный в виде своеобразного краткого мемуарного эссе ученого, посвященного покойному. Оно вышло почти 100 лет назад в одном из ныне чрезвычайно редких и малодоступных изданий, принадлежащих к многочисленной польскоязычной прессе, в свое время существовавшей во Львове — крупнейшем общественно-культурном центре Галицийской Польши (в тогдашней Австро-Венгрии). Указанное сочинение Б. Дыбовского является органичным дополнением ко включаемым в данный сборник двум письмам В. Годлевского, адресованным ему же. Таким образом, у отечественного читателя впервые появляется возможность ближе познакомиться со взаимоотношениями между выдающимся ученым и самым его близким, непосредственным помощником во всех основных байкальских, а также иных сибирско-дальневосточных научных экспедициях и исследованиях, равно как и с некоторыми подробностями, относящимися к личности оследнего. Это тем более существенно, поскольку в русскоязычной литературе до сих пор отсутствует сколько-нибудь полная специальная биография Виктора Игнацы Годлевского.

Перевод польского текста воспоминаний Б. Дыбовского о В. Годлевском выполнил Б.С. Шостакович по оригиналу: *Dr. B. Dybowski. Wiktor Godlewski. Wspomnienia pośmiertne // Kosmos. — Lwów, 1900. — R. 25. — S. 690–692.*

ПИСЬМА ЯНА ЧЕРСКОГО
БЕНЕДИКТУ ДЫБОВСКОМУ

Письмо 1

(без указания даты и места написания)¹

Дорогой друг!

Виноват и трижды виноват за мое упорное молчание, несмотря на несколько полученных твоих писем. Причиною молчания следует считать однако одно лишь психопатологическое мое состояние, вследствие которого я сделался до того "тяжелым на подъем", что иногда, вернее, обыкновенно, даже самый страстный и бурный порыв к корреспонденции, вызванный, например, каким-либо обстоятельством или впечатлением, выходящим из ряда обыденных, бывает у меня теперь одним из скоропотухающих, минутных явлений: перо, взятое с целью излить всю массу накопившихся впечатлений и передать их в руки почтового ведомства для пересылки по адресу, начинает скрипеть не по почтовой бумаге, а по черновой тетради моих отчетов — все страстное и бурное исчезло и след прости.

А масса накопившихся и самых разнообразных впечатлений громадна и до того громадна, что в настоящем письме, переслать которое я должен воспользовавшись самым неожиданным и срочным случаем, и не имею времени и возможности даже коснуться этих впечатлений и поэтому оканчиваю эту бессодержательную писульку только пожеланием тебе всех благ и успехов, сопровождаемых самым дружеским пожатием руки.

Черский.

Здоровье мое лучше прежнего.

Письмо 2

(С.-Петербург, 12-14 марта 1886 г.)

Дорогой друг!

Лучше когда-нибудь, чем никогда — фраза, которую я облегчаю до некоторой степени совесть свою, неудрученную столь продолжительным молчанием, несмотря на несколько твоих писем и несколько твоих поклонов, переданных мне через посредство г. Плеске¹, о котором я скажу мимоходом, что физиономия его до того мне понравилась, что я с давних пор собираюсь сделать ему визит, но до сих пор еще не осуществил это "затаенное" желание. Тяжелым на подъем я стал, чем объясняются мои отношения как к "затаенному" желанию по поводу физиономии Плеске, так и к корреспонденции.

Тем не менее, благо и то, что, как видишь, чувствуешь еще, стало быть живу; а то, как тебе известно, я собирался уже совсем перестать чувствовать. Могу теперь даже, хотя и не без труда, страничку написать — самолично (в этом я убедился в начале сего марта месяца), не почувствовав ничего в моих дрянных мозгах; все-таки в этом отношении стою еще в полной зависимости от жены, исполняющей роль секретаря во всех моих работах*: медленное диктование меня не утруждает так, как самоличное письмо. В Питер я приехал еще 13 сентября 1885 г. и поселился на Васильевском острове, Малый проспект, между 15 и 16-й линией, дом № 42/1, квартира № 4. Таков мой адрес. Надо знать, что в ноябре 1884 г., о чём я тебе не писал, я заболел сильным биением сердца и т. п. (временно появились затем осадки фосфорно-кислых солей в моче), свалившим меня с ног, так что, отказавшись от места у Данилевича, я proлежал почти не вставая до Нового года, а затем едва мог ходить месяца с три**. В столь же слабом состоянии я рискнул ехать в столицу, что и совершилось 10-го июня 1885 г. Дорогою, хотя и очень медленно, но стал по-

правляться, и собрал, опять-таки при помощи моего секретаря, весьма недурной геологический материал, обработкою которого занимаюсь в настоящее время, только жаль, что Академия, по истощению своих средств, по смете 1885 г. начала выдавать мне пособие на обработку (по 100 руб. в течение пяти месяцев) только с 20-го февраля 1886 г., вследствие чего, с 13-го сентября 1885 г. по названное число февраля 1886 г. я проживал свое, точно также, как в Иркутске с конца ноября 1884 г.

Постоянного источника дохода покамест еще не предвидится; что будет дальше, — такожде неизвестно. Предвидится, впрочем, одна работа (дополнения к тому Риттера о Байкале и вообще Восточной Сибири²), но она еще не в кармане, да и кто знает, долго ли прослушают не совсем еще выздоровевшие мозги мои на полистной пище (то есть гонорар с печатного листа). А между тем бросить умственный труд неохота.

Днесь же живу и живу покамест на всех моих, дырчатых уже, впрочем, парусах; составил предлинную профиль от самого Байкала до Иртыша, а картою (геологическою) захватил еще и восточный склон Урала; начал даже составлять небольшую карточку Восточной Сибири с показанием на ней результатов всех бывших в Сибири геологических исследований — может быть найдется и на нее издатель. (Карту и профиль издает Академия.) На днях начал ряд чтений в обществе натуралистов при Университете, — предметом избрал мои “философии” о Байкале. В первом чтении я довел дело до периода осушения трех заливов силурийского океана, бывших на месте современного Байкала. Ни одно из основных моих положений не подверглось оспариванию (сказали мне даже комплимент, что “можно удивляться богатству собранных фактов”). Сделали два замечания: 1) что мой силурийский океан может оказаться со временем еще более древним, именно гуронским, а во-вторых, что часть употребляемых мною геологических терминов принадлежит уже к устаревшим, но это дело исправимое, ведь еще даже в моем пальто кроется

немного сибирской пыли, несмотря на то, что я живу уже в столице.

Через месяц выйдет из печати моя большая карта Байкала. Вот покамест и все. Напиши, пожалуйста, и мне что-нибудь в доказательство, что не сердишься за мою неисправность в корреспонденции. Не писать — не значит забыть, а забыть тебя, ты знаешь, что я не могу, да и ты, пожалуй, не сразу меня забудешь***.

Питер, 12—14-го марта 1886 г. Твой И. Черский.

Может быть я затянул бы и с этим письмом, но в аптеке на днях встретился с г. Плеске, передавшим мне твой поклон. “Поклон” этот жег меня, как *tinctura jodi*, до тех пор, пока я не написал это послание.

NB. Высылаю тебе образец художественных изделий моего сына — лист, относящийся к орнитологии, которая ему легчедается, нежели маммология.

[Авторские примечания к тексту письма]

* Только благодаря ее помощи я мог написать две статьи, а теперь пишу третью.

** Я должен был поэтому проедаться и терять капиталы.

*** Проф. Мережковский очень заинтересовался моей болезнью в том характере, в каком я тебе ее описывал, и просил меня описать ее ему. Но я до сих пор еще... затянулся.

КОММЕНТАРИИ ПУБЛИКАТОРА К ПИСЬМАМ ЯНА ЧЕРСКОГО БЕНЕДИКТУ ДЫБОВСКОМУ

Письмо 1

¹Предположительно можно отнести это письмо к хронологическому периоду до выезда Я. Черского из Иркутска в Петербург.

Письмо 2

²Плеске Федор Дмитриевич (1858—1932) — русский советский зоолог. В период, к которому относится письмо, работал в Зооло-

гическом музее Академии Наук в Петербурге. Впоследствии академик.

²Имеются в виду дополнения, составленные к переведенному на русский язык труду немецкого географа Карла Риттера “Землеведение Азии” Я. Черским совместно с П.П. Семеновым и Г.П. Петцем (в 2-х частях. СПб., 1894–1895).

Примечание. Здесь и далее слова в квадратных скобках – добавления переводчика и комментатора – Б.С. Шостаковича.

ПИСЬМА ВИКТОРА ГОДЛЕВСКОГО БЕНЕДИКТУ ДЫБОВСКОМУ

Письмо 1

Чижево, 25 января 1880 год

Милый Доктор!

Письма Доктора, присылаемые сюда, на родину, читал с огромным интересом, так что мысленно переносился я в тамошние края и не раз охватывала меня тоска по тамошним лесам и горам. Невольно припоминались мне наши экскурсии и [тогдашняя наша] свобода, ибо та подлинная свобода, которой мы пользуемся на родине, является в действительности более рабской. Я завидовал тем [новым] морским путешествиям Доктора, поскольку [наши совместные] навсегда оставили в моих воспоминаниях очень приятное чувство. Однако же вижу, что при обязанностях врача¹ у тебя, Доктор, возникают трудности в составлении коллекции. Они [обязанности врача] всегда забирают много времени, а особенно обременительными оказываются тогда, когда можно было бы более всего использовать время прилета птиц. Хорошо, что Калиновский² соответствует возложенной на него задаче, только он немного растяпа, что неосторожно обходится с оружием, повредив которое, можно остаться совсем без такового, а в такой момент это явится безвозвратной потерей.

Я прочел каталог предметов [экспонатов], приобретенных и полученных от жителей – он очень интерес-

сен и с большим любопытством я ожидаю посылку, чтобы с нею ознакомиться³. Вижу, Доктор, что много добудешь интересных вещей. Интересует меня морская фауна и вижу тоже, что до сих пор ты, Доктор, еще неловил в море. Любопытно, какое будет отличие от местности, где мы вместе проводили исследования. Очень интересуют меня обработки наших материалов [из Японского моря] – тоже как-то уж долго не выходит эта работа. Байкальские моллюски оказались подразделены на несколько видов. Доктору наверняка уже известна эта работа иностранных натуралистов. Мне рассказал о ней Слюсарский⁴, который в соответствии с нею провел терминологическое определение коллекции Варшавского кабинета.

Господин Вжеснёвский⁵ черепашьим шагом обрабатывает гаммарид; до сих пор он непрерывно отделяет *rulex* и, как говорит, что уже вскоре выберется на чистую воду, которую может будет правильней назвать еще более мутной, нежели прежнюю, ибо он сам говорит, что так разнообразна эта форма в разных местностях, что ему нелегко выбраться из этого хаоса. Если так пойдет и с байкальскими гаммаридами, то кажется, что завершение работы не придется на долю господина Вжеснёвского, так как ему не хватит на него жизни.

Фотографические типы и виды работ Доктора я видел, их привозил Стах в Чижево⁶. Хотя многое следовало бы пожелать в отношении них, но еще они не плохи – трудно ведь и реактивы поддерживать в порядке при том, что одарили здесь Доктора из милости жалкими крохами. Жаль, что нет у тебя, Доктор, аппарата Дольмейера, а реактивы лучше было бы самому изготовить по собственному рецепту. Хорошо знаю, что при стольких занятиях эти дела нелегко трактовать *nec plus ultra*⁷. Больше всего мне понравились типажи. Если Доктору удастся собрать какие-либо семена, будь то деревья или растения, заслуживающие разведения здесь у нас, то я прошу предоставить мне такие хоть по щепотке, так как занимаюсь разведением всего, что мне присылали Янковский и Ксенжопольский⁸, и надеюсь, что

смогу получить много экземпляров и приспособить к здешним условиям. Янковскому послал я много семян плодовых деревьев, а также малины, крыжовника, смородины, клубники, которые должны бы на Славянке сохраниться. Но если будут его часто встречать такие удовольствия от визитов хунхузов, то и его самого также препроводят на тот свет, как теперь весь его персонал⁹. Наверное ты, Доктор, уже об этом слышал...

Известия из Варшавы ты получишь, Доктор, из разных источников... Было бы излишне об этом писать. Ограничусь только парой слов о себе. Пока остаюсь постоянно в Чижево, хотя я сказал семейству С., что не имею намерения оставаться далее. Но оно непрерывно так меня мучает и слышать об этом не хочет, что мы с ним до сих пор окончательно ничего не решили¹⁰.

Добрый господин Тач.[ановский]¹¹ непрестанно хлопочет, чтобы получить мне место, более выгодное в финансовом отношении. Хочет, чтобы мне были поручены дела г.[осподина] Альфреда Потоцкого — на Волыни или [где-то там же] на Украине, но я не знаю, как это ему удастся. Он ожидает в Варшаве господина Браницкого, который заведует этими имениями, а в настоящее время должен быть в Венгрии. Как это дело решится, то напишу второе письмо, направив его через Якутск, а тем временем обнимаю Любимого Доктора от всего сердца и желаю наилучших успехов.

Виктор

Письмо 2

Смолехы че[рез] Остров
Ломжинской [губернии] 1892 год
Милый Доктор!

Долго собирался на написание этого письма, но постоянные у меня хозяйствственные занятия, как и выезды по делам описывания имущества за неуплату взносов в Общество земского кредита, поскольку шляхта

никогда вовремя не заплатит, покуда уже окончательно не окажется прижата угрозой продажи имения.

Так вот, в первую очередь обращаюсь к вопросу лота. По рисунку вижу, что он почти полностью подобен тому, который мы использовали на Байкале. Если таким ты, Доктор, ловил на Свитези¹, а он не захватывал дна, то это дефект оборудования, ибо, несмотря на студенистое дно, он тем не менее должен его захватить. Я постараюсь изготовить такой, чтобы вполне соответствовал своему назначению — испытание же его выполню у себя на торфяных озерах, дно которых является очень мягким и подвижным, почти как вода.

Что же касается заправки стеклянной трубы для сбора проб дна, то, помещаемая в зонд, она была бы большой помехой. Поскольку же дно озера находится на столь большой глубине, то лучше всего сделать иной лот, погружающийся с одной трубкой. Тем более, что трубка должна быть достаточно длинной, чтобы захватить весь ей доступный слой дна, надлежит также держать верхний ее край открытым, чтобы слой воды, который в ней окажется при погружении, свободно уходил вверх. А когда бы на практике оказалось, что [этот водный слой] нужен донной пробе, содержащейся в трубке, то можно будет заткнуть пробкой ее верхний край.

Я прошу сообщить мне свои предложения и замечания в этом отношении, так как эту работу отношу ко времени, когда будут более длинные дни. Не могу ничего делать вечерами, потому что у меня то и дело болят глаза, особенно когда пользуюсь очками, а без них не вижу почти ничего из мелких деталей. Замечания в письме Доктора, касающиеся изготовления лота, я применю полностью, однако прежде всего обращу внимание на то, захватывает ли он дно, хотя бы и наиболее мягкое.

У меня есть немного собранных яиц, особенно с аномалиями; если стоит выслать [их] посылками, то готов к услугам Доктору. Лесных птиц [у меня] немного, поскольку и времени у меня нет, и уже очень ходить не

могу — те добавившиеся более десятка лет уже лежат на моих плечах большим грузом. Хозяйство мое небольшое, но занимаюсь им с увлечением, и хотя немного оно мне приносит, так как из собственности я плачу почти что аренду будучи должным выплачивать проценты от задолженностей, лежащих на этом имении; по крайней мере, имею уже собственный угол, из которого меня никто не выгонит, пожалуй только кредиторы, когда уж не смогу им платить процентов. Хотя я не жду столь плохого оборота дел, ибо хозяйство я уже довел до такого состояния, что позволяет оно мне частично выплатить долги².

У Кетлинского хозяйство идет не очень хорошо, ну и он не земледелец и его постоянно преследуют неудачи³. Каминьский⁴ советует ему, чтобы он свое хозяйство ликвидировал; да он лучше хлопочет о чужих делах, нежели о своих.

Что касается знакомых, то уже и Лапчинский⁵ перенесся в вечность, а и Валэцкий⁶ очень слаб. — Навещал я его теперь; так он истощен, что кожей покрыты одни только кости. Ходит он еще в кабинет, но когда придет, то кто-нибудь должен его проводить до дома. Он хотел подать в отставку, потому что ему постоянно казалось, что Лягорою терпит его только из милости, однако это ему отсоветовано. Из-за того же, что эта мысль продолжала его мучить, он в конце концов предложил Лягории, что представится больным, на что тот объяснил, как тем самым была бы сделана ему огромнейшая неприятность, так как в случае увольнения дали бы ему взамен русского, который бы за ним следил, а если бы сказался больным, то также дали бы ему нежелательного помощника. Просил его, чтобы хоть раз в неделю показывался, а уж он за него все сделает. Так вот это хорошо повлияло на Валэцкого и теперь он более спокойно проводит коррекцию сибирских птиц Тачановского, находится уже в классе голенастых, однако же не надеется окончить раньше, как в феврале... но, насколько я его наблюдаю, он может [не дотянуть] до этого времени⁷.

Ты писал, Доктор, мне из Войнова⁸, чтобы я прислал свою брошюру о сычении меда. Не сделал я этого, так как Булгаровский⁹ уже ее выслал. Но вкрадась маленькая ошибка [в адресе]... это именно привело к запозданию и я не знаю, не было ли потеряно все осенне время, подходящее для сычения меда.

Прошу принять сердечные и дружеские пожатия. Госпоже Благодетельнице¹⁰ ручки целую.

В. Годлевский

КОММЕНТАРИИ ПУБЛИКАТОРА К ПИСЬМАМ ВИКТОРА ГОДЛЕВСКОГО БЕНЕДИКТУ ДЫБОВСКОМУ

Письмо 1

¹Письмо направлялось В. Годлевским Б. Дыбовскому в тот период, когда последний находился на Камчатке в должности окружного врача (1879—1882 гг.).

²Калиновский Ян — меткий стрелок, влюбленный в охотничье ремесло, которого 17-летним юношей из крестьянской семьи в окрестностях Варшавы Дыбовский взял с собой на Камчатку в качестве спутника и ассистента.

³Речь идет о собиравшейся Б. Дыбовским камчатской коллекции предметов этнографического характера. Впоследствии, по возвращении с далекого полуострова в Польшу, ученый устроил специальную выставку этих экспонатов, произведенную большое впечатление на современников. Некоторые замечания В. Годлевского в публикуемом его письме свидетельствуют о том, что именно через него была переслана в Польшу какая-то часть собранного Дыбовским камчатского материала.

⁴Сыльсарский Антони (1843—1897) — зоолог, педагог, популяризатор науки. В период, описываемый Годлевским, работал ассистентом в Варшавском университете.

⁵Вжесньёвский Август (1836—1892) — зоолог, профессор кафедры зоологии Варшавского университета; которую занял после ссылки Б. Дыбовского в Сибирь в 1864 г.

⁶Чижево (Чижев) — городок в Польше, где в описываемую пору В. Годлевский постоянно жил и работал. Стак — уменьшительное

образование от польского имени Станислав. Возможно, Годлевский имеет в виду Станислава Кетлиньского, давнего и преданного товарища его самого и Дыбовского еще со времен сибирской ссылки, в указанную пору проживавшего уже в Польше, но продолжавшего поддерживать связи и сотрудничать с обоими.

⁷Самым лучшим образом (лат.).

⁸Янковский Михал (1843/47?–1912) – сотоварищ Дыбовского по ссылке за польское восстание 1863 г., исследователь Дальнего Востока в области орнитологии, энтомологии, ботаники, метеорологии, палеонтологии и археологии. Пионер хозяйственно-предпринимательского освоения юго-западной части Приморского края.

Ксенжопольский Владыслав – ссылочный за причастность к восстанию 1863 г., товарищ Б. Дыбовского в его экспедициях по Байкалу. Находился с ним в группе польских исследователей в с. Култук, где вел общее хозяйство. Затем и сам обучился мастерству препаратора зоологических образцов, коллекционера растений и метеорологического наблюдателя.

⁹Годлевский имеет в виду трагическое происшествие в июне 1879 г. на п-ове Славянском (позднее прозванном п-овом Янковского и расположенным по береговой линии зал. Петра Великого, между Амурским и Славянским заливами) – нападение так называемых хунхузов (вооруженных маньчжурских бандитов) на семью и работников финского шкипера-китобоя Фритьофа Гека (компаньона М. Янковского), сопровождавшееся массовым зверским убийством обитателей усадьбы, обустроившейся в ту пору, и бесследным похищением малолетнего сына ее хозяина. Годлевский вполне основательно предположил, что Дыбовскому уже известно об этой драме. Ее подробности содержатся в пока еще не опубликованном письме М. Янковского Дыбовскому и в воспоминаниях последнего.

¹⁰Здесь и далее Годлевский касается своей службы в качестве эконома-управляющего чужими поместьями, которой он зарабатывал себе на жизнь после возвращения из ссылки. Семейство С., о котором он пишет Дыбовскому, – это Соколовские – владельцы имения, которым он управлял, проживая в городке Чижево (Чижев).

¹¹Тачановский Владыслав (1819–1890 гг.) – зоолог, орнитолог. Консерватор и фактический руководитель Варшавского Зоологического Кабинета и автор многочисленных научных публикаций в области (зоологии) орнитологии. С 1865 г. среди основных направлений его научных исследований была орнитофауна Восточной Сиби-

ри – на основе коллекций, присыпаемых в Зоологический Кабинет польскими политссыльными Б. Дыбовским, В. Годлевским, М. Янковским и др.

Письмо 2

¹Свитець – озеро, расположенное в Белоруссии, недалеко от г. Новогрудок, в родных местах великого польского поэта А. Мицкевича. Озеро привлекало Дыбовского прежде всего тем, что было в свое время воспето великим классиком польского романтизма. Именно там в пору, когда писалось публикуемое письмо, выдающийся исследователь Байкала продолжил свои занятия лимнологического характера, результаты которых он опубликовал в специальной работе об этом озере [Świteż // Kosmos. – Lwów, 1898. – S. 252–275]. В ней на основе тщательных многократных измерений были освещены вопросы глубины озера в двух профилях, прозрачности, цветовой окраски и температурного режима его воды, происхождения донных отложений.

²Годлевский неизменно стремился к самостоятельной хозяйственно-агрономической деятельности. С этой целью на средства, зарабатываемые собственным трудом, он выкупил усадьбу в селении Смолехи (в тогдашней Ломжинской губернии, а ныне – в Белостокском воеводстве Польши), где и прошли последние годы его жизни.

³Кетлиньский Станислав – товарищ Дыбовского по ссылке и участник в его научных предприятиях в Забайкалье и затем на Байкале. По специальности был юристом.

⁴Каминьский. По всей вероятности, речь идет о Яне Маурыцы Каминьском (1844–1907) – юристе и создателе зоологического сада в Варшаве.

⁵Лапчиньский Казимеж (1823–1892) – ботаник, инженер. Примерно с 1863 г. вел постоянные исследования флоры Польши, а также других регионов. В частности, он уделил внимание и некоторым из ботанических материалов, собранных поляками в Сибири.

⁶Валецкий Антони Базыли (1815–1897) – исследователь-зоолог. За свою конспиративную патриотическую деятельность был сослан в Сибирь, где находился с 1839 г. до осени 1856 г. По возвращении в Польшу сразу же оказался тесно связан с работой в Варшавском Зоологическом Кабинете, хотя занимаемые им должности официально именовались несколько иначе. Среди прочего он был

автором ряда оригинальных работ, касающихся Сибири, в том числе в известной Энциклопедии Оргельбранда (1860 г.) опубликовал первое в Польше натуралистское описание этого озера, частично опираясь в нем на свои непосредственные наблюдения.

⁷Лягоро — по всей вероятности, начальник по ведомству образования (более точных данных найти не удалось), где Валэцкий состоял до выхода на пенсию (в 1893 г., т.е. через год после описываемого Годлевским периода) консерватором минералогического кабинета императорского Варшавского университета.

⁸Войнов — усадьба на территории исторического польского Новогрудского воеводства (современный одноименный район Беларуси), где жила сестра Б. Дыбовского Мальвина Наргелевичова и где по возвращении на родину ученый часто гостили.

⁹Булгаровский Владыслав — старый знакомый Дыбовского еще по периоду совместного пребывания в ссылке, позднейший постоянный его корреспондент.

¹⁰Годлевский имеет в виду супругу Б. Дыбовского, Хелену (урожд. Липницкую, 1866—1943), с которой он вступил в брак в 1886 г.

ПИСЬМО ВИТАЛИЯ ДОРОГОСТАЙСКОГО БЕНЕДИКТУ ДЫБОВСКОМУ

Иркутск 17.VI 26

Глубокоуважаемый Бенедикт Иванович!

Очень Вас благодарю за присланные мне справки и прекрасную таблицу в красках. Буду ходатайствовать об отпуске средств перед Академией Наук на издание моего альбома байкальских гаммарид и готовить издание к печати. Д-ру Дубиху я напишу особо.

Казаринова² я давно не видел и не знаю, получена ли им Ваша корреспонденция. Через две недели я уезжаю во Владивосток и, может быть, буду в Японии и на Сахалине. Поездка связана с делом звероводства.

Наша биологическая станция на Байкале развивает научную деятельность: этим летом там работают 4 наших зоологов и ботаников, 1 студент из Омской Сел.[ъс-

ко]-Хоз[яйственной] Академии, студ[ент] из Томска и 2 студентки из Москвы. Очень жаль, что я из-за командировок для Байкала это лето потеряю.

С нетерпением жду Ваших замечаний на мое письмо о гаммаридах.

Желаю Вам здоровья и полного успеха в делах.
Ваш Проф.[ессор] В. Дорогостайский

КОММЕНТАРИИ ПУБЛИКАТОРА К ПИСЬМУ ВИТАЛИЯ ДОРОГОСТАЙСКОГО БЕНЕДИКТУ ДЫБОВСКОМУ

¹Przyb. BJ. 152/64. T II. — 486a, b (k. 85—86).

²Казаринов Пантелеймон Константинович (1885—19...) — краевед, библиограф. Уроженец Иркутска. По окончании Петербургского университета работал в Иркутске по судебному ведомству. Некоторое время вел преподавание в Иркутском университете. В 1922—1926 гг. активно участвовал в реорганизации ВСОРГО. Являлся членом Центрального бюро краеведения, с 1927 г. — ученым секретарем редакции “Сибирской Советской Энциклопедии”, директором Сибирской Краевой Научной библиотеки.

ПИСЬМО ОБЩЕСТВА ИЗУЧЕНИЯ СИБИРИ БЕНЕДИКТУ ДЫБОВСКОМУ

Общество изучения Сибири и ее производительных сил. — Правление¹. 24 апреля 1928 г. № 525. г. Новосибирск, здание Сибкрайисполкома. — Профессору Львовского университета Б.И. Дыбовскому.

Бенедикт Иванович!

Общество изучения Сибири и ее производительных сил, проникнутое чувством глубокого к Вам уважения за Ваши заслуги в деле изучения Восточной Сибири, шлет Вам горячее приветствие в день 95-летия Вашей, так много давшей науке жизни.

Годы вынужденного пребывания в суровых условиях Сибири, которые Вы посвятили глубокому и многогранному исследованию животного мира

этой окраины, вплоть до берегов Японского моря, дали науке исключительные по своему значению и ценности открытия, подчас в корне изменившие существовавшие тогда взгляды на фауну Восточной Сибири, в частности, загадочного Байкала, который в фаунистическом отношении был открыт Вами.

Общество изучения Сибири и ее производительных сил, поставившее целью своей научно-исследовательской работы содействие государству трудащихся в культурном и хозяйственном строительстве в далекой окраине Советского Союза, с благодарностью вспоминает о той большой исследовательской работе, которую Вы вели, находясь здесь, и которая остается ценным вкладом в наши знания о Сибири.

Заместитель Председателя Правления Общества
Г.А. Краснов²

Ученый Секретарь Общества Н.К. Ауэрбах³
Секретарь Правления П.М. Залесский⁴

КОММЕНТАРИИ ПУБЛИКАТОРА
К ПИСЬМУ ОБЩЕСТВА ИЗУЧЕНИЯ СИБИРИ
БЕНЕДИКТУ ДЫБОВСКОМУ

¹Текст оригинала письма — машинопись.

²Краснов Григорий Адрианович (1884–?) — был автором ряда работ и публикаций по финансово-экономической проблематике. В 1918–1919 гг. возглавлял контрольное ведомство в Самарском Комитете членов Учредительного Собрания в колчаковском правительстве. В связи с этим подвергался репрессиям в советский период. Принимал активное участие в ряде сибирских научных и общественных организаций, в том числе в Обществе изучения Сибири. Входил в редколлегию “Сибирской Советской Энциклопедии”.

³Ауэрбах Николай Константинович (1892–1930/?) — краевед и археолог. Окончил Московский археологический институт и Московский университет. Являлся научным сотрудником Московского научно-исследовательского института археологии и ученым секретарем Общества изучения Сибири. В 1923–1928 гг. проводил (совместно с Г.П. Сосновским и В.И. Громовым) археологические исследо-

вания долины Енисея, в частности первой открытой в этом регионе палеолитической стоянки — Афонтовой горы.

⁴Залесский Петр Михайлович (1895–?) — краевед-орнитолог. Был одним из инициаторов создания Томского (позднее Сибирского) Орнитологического Общества и автором ряда научных работ по западно-сибирской орнитофауне.

**ДОКУМЕНТЫ ОФИЦИАЛЬНОЙ ПЕРЕПИСКИ
ГЛАВНОГО УПРАВЛЕНИЯ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ
О НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ВЕНЕДИКТА (БЕНЕДИКТА) ДЫБОВСКОГО**

Е.Б. Шободоев

Представленные в подборке документы являются частью официальной переписки о пребывании в Сибири известного ученого биолога, политического ссыльного Венедикта (Бенедикта) Ивановича Дыбовского. Выдающийся вклад в мировую науку и неординарная личная судьба этого человека привлекали к нему внимание современников еще при его жизни. Сибирские ученые осознавали его роль в становлении местной научной школы, проявляли интерес к его биографии. Для целого поколения младших современников Дыбовского он был образцом беззаветного служения делу, бескорыстным исследователем тайн природы и ее уникального творения — оз. Байкал.

Как ни странно, о жизни Дыбовского до сибирской ссылки было известно очень мало. О том, при каких обстоятельствах он попал в число едва ли не главных руководителей восстания 1863 г., не знали даже самые близкие знакомые. Лишь в 1936 г. была приоткрыта завеса тайны над биографией выдающегося ученого. Этому способствовало творческое сотрудничество профессора Иркутского государственного университета Сергея Николаевича Лаптева и заведующего историческим архивом Восточно-Сибирского краевого архивного управления, в дальнейшем — доктора исторических наук Федора Александровича Кудрявцева. При разборе и описании архивного фонда Главного Управления Восточной Сибири Ф.А. Кудрявцев обнаружил “Дело о политических преступниках: Венедикте Дыбовском, Викто-

ре Годлевском, Александре Чекановском, Вронском, Михаиле Янковском и других”¹. Копии документов были направлены Ф.А. Кудрявцевым в распоряжение С.Н. Лаптева, к тому времени переехавшего в г. Пермь. С.Н. Лаптев — географ, палеонтолог, занимался историей географических открытий, был автором нескольких книг и статей, знатоком архивных документов. В течение многих лет он собирал сведения о Дыбовском, а в 1927 г., находясь в с. Култук на оз. Байкал, опрашивал старожилов, которые помнили еще самого ученого. Тогда же им были сделаны фотоснимки дома, в котором жили Дыбовский и Годлевский, а также части дома, названной “лабораторией”, где они препарировали и обрабатывали собранный материал.

Документы официальной переписки, любезно предоставленные в распоряжение С.Н. Лаптева Ф.А. Кудрявцевым, стали основой статьи “Материалы к биографии и научно-исследовательской деятельности Б.И. Дыбовского в Восточной Сибири” в *Известиях Государственного географического общества* за 1939 г. [Лаптев, 1939]². Автор использует обширные цитаты из документов, а также полный текст статейного списка Дыбовского. Работа стала со временем источником сведений об этом периоде жизни ученого, а воспроизведенные документы неоднократно цитировались другими биографами без ссылки на архивное дело, которое хранится в настоящее время в Государственном архиве Иркутской области.

При всех несомненных достоинствах статьи С.Н. Лаптева, приведенные в ней документы не могут считаться

¹Государственный архив Иркутской области (ГАИО), ф. 24, оп. 3, картон 2228, д. 32 (в настоящее время: по описи особо ценных дел — дело 554).

²Лаптев С.Н. Материалы к биографии и научно-исследовательской деятельности Б.И. Дыбовского в Восточной Сибири // Изв. Гос. геогр. о-ва. — М.; Л.: Изд-во АН. — 1939. — Т. 71, вып. 6. — С. 856—868.

полностью опубликованными. Кроме того, использованы далеко не все, относящиеся к личности Дыбовского, документы дела.

Публикация документов официального делопроизводства позволяет представить систему взаимоотношений ссыльного ученого и местной администрации, использование творческого потенциала политических ссыльных для изучения малоосвоенного края.

Всего к публикации подготовлено 11 документов. Археографическая обработка проведена зав. отделом информации, публикации и научного использования документов ГАИО Е.Б. Шободоевым в соответствии с "Правилами издания исторических документов СССР" [1990]³ "Методическим пособием по археографии" [1991]⁴.

Одним из наиболее спорных вопросов данной публикации является употребление имени Дыбовского. В документах, в том числе написанных собственноручно, употребляется имя Венедикт. Первое употребление имени Бенедикт относится в наших документах к 1875 г. Статейный список 1864 г., основной учетный документ политического ссыльного, оформлен также на Венедикта Дыбовского. Обстоятельства и причины употребления имени Бенедикт предстоит выяснить будущим биографам, мы же решили использовать второе имя в скобках, так как это сделано в статье о Дыбовском в последнем выпуске Большой Советской Энциклопедии [1972].

Публикацией этих документов тема пребывания Дыбовского в Сибири не исчерпывается. Мы благодарны руководству НИИ биологии при ИГУ за возможность опубликовать данные документы и надеемся на сотрудничество в изучении творческого наследия выдающегося ученого.

³Правила издания исторических документов СССР. – М., 1990. – 257 с.

⁴Методическое пособие по археографии. – М., 1991. – Ч. I. – 135 с.

1. Докладная записка Венедикта (Бенедикта) Дыбовского генерал-губернатору Восточной Сибири М.С. Корсакову¹ о необходимости ихтиологических исследований на р. Амур

с. Дарасун
Забайкальской обл.

12 июля 1868 г.

Его высокопревосходительству господину генерал-губернатору Восточной Сибири генерал-адъютанту Михаилу Семеновичу Корсакову

Политического поселенца Венедикта Дыбовского

Докладная записка

После трудов новейших путешественников по Амуру, на коих поездки сделаны были огромные пожертвования со стороны правительства и Географического Общества, почти все классы как животного, так и растительного царства нашли своих специалистов, а также геогностические и палеонтологические сведения собраны и разрабатываются в эту минуту господином Фердинандом Шмидт[ом]. Осталась только ихтиологическая часть нетронутой. Во время моего пребывания в С[анкт]-Петербургском музее естественных наук я по просьбе проф[ессора] академика Брандта² пересмотрел коллекции, составленные по этому предмету; они были в самом жалком виде и совсем недостаточны для научного исследования. Несмотря на то, я ни в одном из сочинений, касающихся описания Амура, не нашел самых важнейших сведений о времени метания икры, о цвете тела в рыbach, не измененных действием спирта. Эти же все наблюдения должны быть деланы на месте и на живых экземплярах, а наблюдения эти возможны только тому натуралисту, который жил бы на месте ловли рыб и был специалистом по этому предмету.

Я в последние два года успел заняться рыбами Забайкальского края, в удостоверении чего представляю при сем предварительно: диагнозы и рисунки здешних

рыб, сделан[н]ы[е] с помощью ихтиометра. Положение мое не позволяло исследований довести до того, чтобы уже теперь приготовить подробные, окончательные описания, ибо для этого нужны: постоянное пребывание над речкой и возможность распоряжаться собою.

Но так как вследствие последнего высочайшего указа от 25 мая сего года я освобожден от работ и обращен на поселение в Восточной Сибири, а Годлевский помилован в государственного поселянина, то честь имею просить ваше высокопревосходительство разрешить мне и Годлевскому выбрать местом жительства Благовещенск, как центр Амура, дабы можно было заняться исследованием рыб амурских и составлением коллекций для европейских музеев — при том считаю не лишним прибавить, что можем вашему высокопревосходительству представить поручительство известного Вам лица.

Если же, несмотря на то, найдено будет невозможным пребывание наше на Амуре, то прошу ваше высокопревосходительство дозволения для меня и Годлевского пребывать для исследований рыб Аргуни и Шилки в ближайших местностях от этих рек.

Венедикт Дыбовский

Резолюция генерал-губернатора М.С. Корсакова: “Пусть обратит свою деятельность на озеро Байкал. Перевести его в Иркутск[ую] губ[ернию], а труды передать в Сибирский отд[ел] Геогр[афического] общ[ества]”.

ГАИО, ф. 24, оп. 3, д. 32, лл. 35, 36.
Автограф.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹Корсаков Михаил Семенович (1826–1871) — генерал-лейтенант, в 1861–1864 гг. исполняющий должность генерал-губернатора, а в 1864–1871 гг. — генерал-губернатор Восточной Сибири.

²Брандт Федор Федорович (Иоган Фридрих) (1802–1879) — зоолог, получил образование в Берлинском университете. В 1830 г. был избран адъюнктом Петербургской Академии наук. В 1831 г. переехал

в Россию и возглавил Зоологический музей. С 1832 г. — экстраординарный, с 1833 г. — ординарный академик. В 1857–1869 гг. — профессор Медико-хирургической академии в Петербурге.

2. Представление исправляющего должность Иркутского губернатора Н.К. Эрна¹ генерал-губернатору Восточной Сибири М.С. Корсакову об определении места жительства политическому ссыльному Венедикту (Бенедикту) Дыбовскому в с. Култук Иркутской губернии

г. Иркутск

7 ноября 1868 г.

Господину генерал-губернатору Восточной Сибири

Прибывший в Иркутск из Забайкальской области поувольнении от работ на основании высочайшего повеления 17 мая сего года и причисленный на поселение в Бадайскую волость Иркутского округа политический ссыльный Венедикт Дыбовский обратился ко мне с просьбою о назначении ему местом жительства Култукское селение, Иркутского округа, где он намерен заняться учеными исследованиями Байкала; при чем Дыбовский присовокупил, что на просьбу, поданную им **вашему** высокопревосходительству о дозволении ему поселиться с ученой целью в Приамурском крае, ваше высокопревосходительство изволили положить резолюцию: “Пусть обратит свою ученую деятельность на озеро Байкал и с этой целью может быть перемещен в Иркутскую губернию”. Резолюция эта объявлена Дыбовскому от 1-го отделения Главного Управления 24 августа сего года.

Имея в виду, что означенная резолюция вашего высокопревосходительства по отзыву 1-го отделения Главного управления действительно последовала на просьбу Дыбовского, но, вместе с тем, принимая во внимание, что местности, прилегающие к Байкалу, изъяты от поселения в них политических ссыльных, я считаю обязанности о вышеизложенном представить на благусмотрение вашего высокопревосходительства и покорнейше просить разрешения Вашего, может ли быть на-

значен политический ссыльный Дыбовский на жительство в Култукское селение для ученых исследований Байкала.

Исправляющий должность губернатора
Николай Эрн
Исправляющий должность начальника
отделения Ф. Попов

Резолюция: "Разрешить"².

*ГАИО, ф. 24, оп. 3, д. 32, лл. 43-44.
Подлинник.*

ПРИМЕЧАНИЯ

Документ с угловым штампом "Иркутское общее губернское управление. Отделение 1. Стол 3".

¹Эрн Николай Касперович – действительный статский советник, председатель Иркутского губернского правления. В 1868 г. исправлял должность Иркутского гражданского губернатора.

²Резолюция на документе наложена не генерал-губернатором Восточной Сибири М.С. Корсаковым, так как последний в конце 1868–1869 гг. находился в Санкт-Петербурге. Предположительно, резолюция принадлежит председательствующему в Совете Главного управления Восточной Сибири военному губернатору г. Иркутска и Иркутскому гражданскому губернатору генерал-лейтенанту Константину Николаевичу Шелашникову.

3. Сообщение Совета Главного Управления Восточной Сибири исправляющему должностному Иркутского гражданского губернатора о разрешении политическому ссыльному Венедикту (Бенедикту) Дыбовскому жить в с. Култук

г. Иркутск

13 ноября 1868 г.

Г[осподину] и[справляющему] д[олжность]
Иркутского гражданского губернатора

Вследствие представления от 7 ноября за № 7639, имею честь уведомить ваше превосходительство, что к

увольнению политического ссыльного Венедикта Дыбовского в Култукское селение Иркутского округа для занятий учеными исследованиями озера Байкал препятствий не встречается, о чем и представляю Вам, милостивый государь, сделать зависящее распоряжение, с тем, чтобы Дыбовскому на временное проживание в упомянутом селении выдан был установленный вид и за поведением его со стороны местного начальства имелось должное наблюдение.

Подписал: председательствующий в Совете
генерал-лейтенант Шелашников

Скрепил: член Совета, управляющий отделением
Яковенко

Верно: столоначальник (подпись)

*ГАИО, ф. 24, оп. 3, д. 32, лл. 45–46.
Отпуск.*

4. Прошение политического ссыльного Венедикта (Бенедикта) Дыбовского председательствующему в Совете Главного Управления Восточной Сибири о разрешении ему иметь огнестрельное оружие

с. Култук

17 февраля 1869 г.
Его превосходительству господину председательствующему в Главном Управлении¹ Восточной Сибири

Политического ссыльного
Венедикта Дыбовского

Прошение

Находясь с дозволения начальства в селении Култuke над Байкалом вместе с Виктором Годлевским с целью научною составлять коллекции птиц и других животных, как для себя, так и для Сибирского отдела Географического Общества, мы не иначе можем вести успешно свое занятие, как пользуясь дозволением иметь оружие.

Для получения разрешения на это я обращался с просьбою к господину начальнику Иркутской губернии, который и объявил мне, что этого рода дозволения могут быть разрешаемы только вашим превосходительством, вследствие чего имею честь покорнейше просить Ваше превосходительство сделать надлежащее распоряжение о дозволении мне и Годлевскому держать по одному оружию².

Венедикт Дыбовский

Резолюция: Разрешить.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹Так в тексте. Надо: "председательствующему в Совете Главного Управления" и далее по тексту.

²Так в тексте.

ГАИО, ф. 24, оп. 3, д. 32, лл. 47–47об.
Автограф.

5. Письмо генерал-губернатора Восточной Сибири М.С. Корсакова генерал-майору И.Г. Сколкову¹ об условиях выезда политических ссыльных В.И. Дыбовского и А.Л. Чекановского² в Уссурийский край для научных исследований

г. Иркутск 24 ноября 1869 г.
Его превосходительству И.Г. Сколкову
Милостивый государь, Иван Григорьевич.

Вследствие личного объяснения с вашим превосходительством, долгом считаю сообщить, что ввиду одобрительного поведения политических преступников: Венедикта Дыбовского и Александра Чекановского во все времена нахождения в ссылке, я не встречаю с своей стороны препятствий к увольнению этих ссыльных для научных исследований в Уссурийский край, в окрестности озера Ханка. Но, принимая во внимание, что Приамурский край, как пункт пограничный, вовсе изъят от пребывания политических ссыльных, я признаю необ-

ходимым в случае увольнения сказанных лиц в Уссурийский край получить на то предварительно особое разрешение. При чем полагаю более удобным, чтобы ссыльные Дыбовский и Чекановский отправлены были в означенную местность вместе с кем-либо из членов Сибирского отдела Географического Общества.

Примите уверения в истинном моем почтении и совершенной преданности.

Подпись: М. Корсаков
Верно: столоначальник (подпись)

ГАИО, ф. 24, оп. 3, д. 32, лл. 56–57.
Отмуск.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹Сколков Иван Григорьевич, генерал-майор, в 1869 г. ревизовал Восточную Сибирь с целью изучения вопроса о выделении дальневосточных областей в отдельное генерал-губернаторство.

²Чекановский Александр Лаврентьевич (1833–1876 гг.) – политический ссыльный, активный сотрудник Сибирского отдела Императорского Русского географического общества. В 1869–1875 гг. осуществлял геологические исследования на юге Иркутской губернии, на р. Нижней Тунгуске, в нижнем течении р. Лены и на р. Оленек.

6. Докладная записка чиновника особых поручений при Якутском областном правлении К.К. Неймана¹ генерал-губернатору Восточной Сибири Н.П. Синельникову² о разрешении организовать экспедицию в Тункинский край и включить в нее политических ссыльных В.И. Дыбовского, В. Годлевского, А.Л. Чекановского и С.Е. Вронского³

г. Иркутск 29 июля 1871 г.
Докладная записка
чиновника особых поручений Карла Неймана

Так как работы на приисках лазуревого камня не требуют в настоящее время моего постоянного наблюде-

ния, то я желал бы объехать Тункинский край и если представится возможность, то проникнуть на оз. Косогол.

Совместно со мною изъявили желанье путешествовать проживающие в Култуке политические ссыльные: Дыбовский, Годлевский, Чекановский и Вронский; первые трое по поручению Сибирского отдела Императорского Русского Географического общества и Академии Наук уже 3-й год занимаются изучением Байкала и прилегающих к нему местностей в естественно-историческом отношении; последний же — живописец.

Исследования эти как дополнительные были бы крайне полезны в научном отношении. А потому, пользуясь настоящим случаем, если ваше высокопревосходительство, изволите разрешить мою поездку, то не соблаговолите ли разрешить поездку и упомянутым лицам.

Если же исследования их затянутся на более значительное время, которым я располагать не буду иметь возможности, то не признаете ли Вы возможным, в сопутствии одного или двух казаков, оставить их в Тункинском крае для продолжения занятий.

К. Нейман

*Резолюция генерал-губернатора Н. П. Синельникова:
“Разрешаю”.*

*ГАИО, ф. 24, оп. 3, д. 32, лл. 63-64.
Рукопись. Подлинник.*

ПРИМЕЧАНИЯ

¹Нейман Карл Карлович (?—1887) — чиновник особых поручений при Якутском областном правлении, участник экспедиций Сибирского отдела Императорского Русского Географического общества. В 1871 г. совершил поездку в Тункинский край и на оз. Косогол.

²Синельников Николай Петрович (1805—1892) — сенатор, генерал-лейтенант, в 1871—1873 гг. — генерал-губернатор Восточной Сибири.

³Вронский Станислав Евгеньевич (1840—1898) — политический ссыльный, жил в Иркутске, художник-любитель. Участвовал в экспедициях местного отдела Императорского Русского Географического общества. Автор ряда картин, в том числе пейзажей Тункинского края.

7. Вид на жительство политического ссыльного Венедикта (Бенедикта) Дыбовского

г. Благовещенск

5 сентября 1873 г.

Вид

Приметы

Лет 37

Росту 2 ар[шина] 7 1/2 вер[шков]

Волосы

Глаза

Лицо

Нос

Рот

Подбородок

темно-русые
голубые
обыкновенные

Дан сей с разрешения г[осподина] генерал-губернатора от военного губернатора Амурской области за надлежащим подписом и приложением казенной печати политическому ссыльному Иркутской губернии Венедикту Дыбовскому, на проживание в течение одного года в местностях Амурской и Приморской областях, для систематического исследования фауны Восточной Сибири, с тем чтобы Дыбовский по прибытии в Николаевск явился к тамошнему губернатору, а по истечению срока виду нсмедленно возвратился в Иркутск.

Г[ород] Благовещенск сентября пятого дня тысяча восемьсот семьдесят третьего года

Военный губернатор генерал-майор (подпись)
Правитель канцелярии (подпись)

*ГАИО, ф. 24, оп. 3, д. 32, л. 94.
Рукопись. Подлинник.*

8. Письмо Сибирского отдела Императорского Русского Географического общества в 1-е отделение Главного Управления Восточной Сибири о продлении видов на жительство в Приамурье Венедикту (Бенедикту) Дыбовскому и Виктору Годлевскому

г. Иркутск

3 октября 1874 г.

В 1-е отделение
Главного Управления
Восточной Сибири

В ответ на отношение от 30 сентября с.г. за № 1225 отдел имеет честь уведомить 1-е отделение Главного Управления Восточной Сибири, что исследованиями своими как в Иркутской губернии, так и в Амурском крае, г[оспода] Дыбовский и Годлевский принесли очень важные услуги науке, обратившие на себя внимание как российских, так и заграничных учёных обществ, а потому отдел не может отнестись без участия и к настоящим их изысканиям в Приморской области, покорнейше прося исходатайствовать продление выданных им видов еще на один год.

Председательствующий в отделе
генерал-майор

Мосолов

Правитель дел

К. Нейман

Резолюция синим карандашом: “Разрешаю. 6 октября”.

*ГАИО, ф. 24, оп. 3, д. 32, л. 98.
Рукопись. Подлинник.*

ПРИМЕЧАНИЯ

Документ с угловым штампом “Сибирский отдел Императорского Русского Географического общества. 3 октября 1874 г. № 264. г. Иркутск”. На полях документа имеется неразборчивая резолюция простым карандашом.

9. Прошение Венедикта (Бенедикта) Дыбовского генерал-губернатору Восточной Сибири о разрешении выехать на оз. Байкал для научных исследований

г. Иркутск

9 декабря 1875 г.

Его высокопревосходительству
господину генерал-губернатору Восточной Сибири

состоящего под надзором полиции
Иркутской губернии Бадаевской
волости доктора медицины и
хирургии Бенедикта Дыбовского

Прошение

Имея поручение от Сибирского отдела Императорского Русского Географического общества для производства фаунистических исследований и измерения глубины озера Байкала, честь имею покорнейше просить ваше высокопревосходительство разрешить мне выезд на Байкал.

Бенедикт Дыбовский

Резолюция генерал-губернатора барона П.А. Фредерика: “Разрешить. 11 декабря”.

*ГАИО, ф. 24, оп. 3, д. 32, л. 115.
Автограф.*

10. Статейный список политического ссыльного Венедикта (Бенедикта) Дыбовского

Имена и прозвания	Лета	Прежнее состояние, вина и наказание
Дыбовский Венедикт Веры Семейства	29/35	Из дворян, бывший профессор Варшавской Главной Школы; за дозволение секретарям высших революционных властей в Вар- шаве собираться в аудитории Дыбовского, лишен всех прав

Росту 2 ар[шина]
7 3/4 в[ершка]

Волосы
на голове
бровях
усах
бороде } темно-русые

Глаза голубые
Нос }
Рот } умеренные

Зубы все
Подбородок
Лицо белое
Лоб высокий

Особые приметы:

По высочайшему повелению
9 января 1874 г. должен быть
восстановлен в прежних пра-
вах состояния, с правом пе-
ремещения в губернии Евро-
пейской России.

Верно: и[исправляющий] д[олжность] смотрителя
поселений Турчанинов.

*ГАИО, ф. 24, оп. 3, д. 32, л. 74-74об.
Рукопись. Подлинник.*

11. Статейный список политического ссыльного Виктора Годлевского

Имена и прозвания	Лета	Прежнее состояние, вины и наказание
Годлевский	32/39	Из дворян Варшавской губернии Станиславского уез- да, бывший содергатель поч- товой станции.
Виктор		
Веры р[имско]-католической Семейства	не имеет	

Росту 2 ар[шина]
5 в[ершков]

Волосы
на голове
бровях
усах
бороде } светло-русые

Глаза серые
Нос толстый
Рот умеренный
Зубы все
Подбородок круглый
Лицо белое
Лоб низкий

Особые приметы: на правой
руке шрам

По высочайшему повелению
9 января 1874 г. должен быть
восстановлен в прежних пра-
вах состояния с перемещени-
ем в Европейскую Россию.

За присоединение к револю-
ционной организации и быт-
ность в качестве начальника
Станиславского уезда, называ-
емом мятежниками Подлеско-
го воеводства, Годлевский по
заключению полевого аудито-
риата, лишен всех прав и со-
стояния и сослан в каторж-
ную работу в рудниках на две-
надцать лет. Распределен Тоб-
ольским приказом 28-го но-
ября 1863 года. Прибыл в Ир-
кутск 9 февраля 1864 года, от-
правлен в Петровский завод
28 февраля 1864 года, на ос-
новании высочайшего повеле-
ния 16 апреля 1866 г. срок ра-
боты сокращен наполовину и
всемилостивейшему манифе-
сту 28 октября того же года на
1/4 часть; уволен от работ за
окончанием положенного сро-
ка и причислен на поселение
в Бадайскую волость Иркутс-
кого округа 25 октября 1868
года; на основании высочай-
шего повеления [от] 25 мая
1868 года причислен в кресть-
яне 16 октября 1871 года.

Верно: и[справляющий] д[олжность] смотрителя
поселений Турчанинов.

*ГАИО, ф. 24, оп. 3, д. 32, л. 75—75об.
Рукопись. Подлинник.*

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК РАБОТ Б.И. ДЫБОВСКОГО И ЛИТЕРАТУРЫ О НЕМ

Составитель В.К. Пешкова

РАБОТЫ Б.И. ДЫБОВСКОГО

Исследование голомянки: (Сообщено из письма Б.И. Дыбовского) // Изв. Сиб. отд. Рус. геогр. о-ва. — 1870. — Т. 1, № 1. — С. 28—30. — Подп.: А.Л. Чекановский.

Ихтиологические и другие естественно-исторические исследования на Байкале гг. Дыбовского и Годлевского и г. Ксенжопольского // Отчет о действиях Сиб. отд. Рус. геогр. о-ва за 1869 г. — СПб., 1870. — С. 39—48.

Предварительный отчет о фаунистических исследованиях на Байкале // Отчет о действиях Сиб. отд. Рус. геогр. о-ва за 1869 г. — СПб., 1870. — С. 167—204. — В соавт. с В. Годлевским.

Северное сияние в с. Култуке // Изв. Сиб. отд. Рус. геогр. о-ва. — 1870. — Т. 1, № 2/3. — С. 72.

Этюды у юго-западной оконечности Байкала: (Физ.-геогр. заметки) // Изв. Сиб. отд. Рус. геогр. о-ва. — 1870. — Т. 1, № 2/3. — С. 35—48. — В соавт. с В. Годлевским.

Естественно-исторические и другие исследования на Байкале гг. Дыбовского, Годлевского и Ксенжопольского // Отчет Сиб. отд. Рус. геогр. о-ва за 1870 г. — Иркутск, 1871. — С. 8—14.

Зоологические исследования гг. Дыбовского и Годлевского в Прибайкальских местностях и на Байкале // Отчет Сиб. отд. Рус. геогр. о-ва за 1871 г. — Иркутск, 1872. — С. 6—9.

Исследования гг. Дыбовского и Годлевского на Байкале, в Прибайкальских местностях и в Тункинском крае // Изв. Сиб. отд. Рус. геогр. о-ва. — 1872. — Т. 3, № 1. — С. 2—4.

Материалы для зоогеографии Восточной Сибири // Изв. Сиб. отд. Рус. геогр. о-ва. — 1872. — Т. 3, № 2. — С. 81—99. — В соавт. с В. Годлевским.

Отчет об измерении глубин озера Байкал, совершенном весною 1871 г. // Изв Сиб. отд. Рус. геогр. о-ва. — 1872. — Т. 2, № 5. — С. 6—16, 2 табл. — В соавт. с В. Годлевским.

Естественно-исторические исследования Дыбовского и Годлевского в Забайкалье // Отчет Сиб. отд. Рус. геогр. о-ва за 1872 г. — Иркутск, 1873. — С. 2—4.

Алфавитный список байкальских гаммаридов // Изв. Сиб. отд. Рус. геогр. о-ва. — 1875. — Т. 6, № 1/2. С. 72—73.

Гаммариды озера Байкал // Изв. Сиб. отд. Рус. геогр. о-ва. — 1875. — Т. 6, № 1/2. — С. 10—80.

О некоторых новых видах птиц, найденных Дыбовским и Годлевским в Забайкальской области в 1873 году // Изв. Сиб. отд. Рус. геогр. о-ва. — 1875. — Т. 5, № 3/4. — С. 121—122.

Синоптические таблицы байкальских видов *Gammarus Fabr.* // Изв. Сиб. отд. Рус. геогр. о-ва. — 1875. — Т. 6, № 1/2. — С. 23—72.

Таблица измерения *Gammarid'*ов озера Байкала // Изв. Сиб. отд. Рус. геогр. о-ва. — 1875. — Т. 6, № 1/2. — С. 74—80.

Рыбы озера Байкал // Изв. Сиб. отд. Рус. геогр. о-ва. — 1876. — Т. 7, № 1/2. — С. 1—25.

Фаунистические исследования на Байкале // Изв. Сиб. отд. Рус. геогр. о-ва. — 1876. — Т. 7, № 1. — С. 34.

Измерение дна озера Байкал // Изв. Сиб. отд. Рус. геогр. о-ва. — 1877. — Т. 8, № 1/2. — С. 58—59. — В соавт. с В. Годлевским.

Коллекция птиц, собранных гг. Дыбовским и Годлевским на устье реки Уссури // Изв. Сиб. отд. Рус. геогр. о-ва. — 1877. — Т. 8, № 1/2. — С. 76.

Материалы к зоографии Восточной Сибири: Рыбы системы вод Амура // Изв. Сиб. отд. Рус. геогр. о-ва. — 1877. — Т. 8, № 1/2. — С. 1—29.

Отчет о занятиях Б. Дыбовского и В. Годлевского в 1876 г. // Изв. Сиб. отд. Рус. геогр. о-ва. — 1877. — Т. 8, № 3/4. — С. 115—135.

Выдержки из письма, полученного от д-ра Дыбовского из Камчатки г. Волем от 21 сент. 1879 г. // Изв. Вост.-Сиб. отд. Рус. геогр. о-ва. — 1880. — Т. 11, № 3/4. — С. 38—41.

Переселение северных оленей на остров Беринга: (Из частного письма д-ра Б.И. Дыбовского из Петропавловска от

4 окт. 1882 г.) // Изв. Вост-Сиб. отд. Рус. геогр. о-ва. — 1882. — Т. 13, № 3. — С. 69—70.

Физико-географические исследования на Байкале в 1869—1876 гг. // Байкальский сборник. — Иркутск, 1897. — Вып. 1. — С. 1—62, 1 карт., 1 л. черт. — (Тр. Вост-Сиб. отд. Рус. геогр. о-ва; № 1). — В соавт. с В. Годлевским.

Автобиография // Fauna Bajkala: 50 let VSCORGO, 1851—1901: Yubil. sb. — Kiev, 1901. — Вып. 1. — С. 1—12: portr.

[Реф. ст. Б. Дыбовского] “Предварительное сообщение о новых видах фауны оз. Байкал”, напечатанной в журн. “Kosmos”] // Тр. Троицко-Кяхт. отд-ния Приамур. отд. Рус. геогр. о-ва за 1900 г. — 1902. — Т. 3, вып. 2/3. — С. 33—40.

А.Л. Чекановский: Сб. неопубл. материалов А.Л. Чекановского, статьи о его науч. работе / Отв. ред. С.В. Обручев. — Иркутск: кн. изд-во, 1962. — 364 с.

Из содерж.: О Сибири и Камчатке: Александр Чекановский. — С. 257—277.

Мемуары доктора Б. Дыбовского с 1862 по 1878 г. — Львов, 1930. — С. 305—311.

Воспоминания полувековой давности о восстании 1863 г. — Львов, 1913. — С. 312—313.

О Сибири и Камчатке: Krakov, 1912. — Ч. 1: Путешествие из Варшавы на Камчатку. — С. 314—316.

ЛИТЕРАТУРА О Б.И. ДЫБОВСКОМ

Сведения о деятельности Сибирского отдела [Русского географического общества] в течение зимы 1869 г. // Изв. Сиб. отд. Рус. геогр. о-ва. — 1869. — Т. 5, отд. 2. — С. 85—90.

Об исследованиях Б. Дыбовским и В. Годлевским температуры воды в Байкале подо льдом, толщины льда, глубины Байкала и новых видов в фауне вод Байкала.

Внутренняя деятельность Отдела, его личный состав, средства и предприятия в будущем // Отчет о действиях Сиб. отд. Рус. геогр. о-ва за 1869 г. — СПб., 1870. — 4: Занятия распорядительного комитета — С. 72—74.

Предложения Б. Дыбовского относительно ихтиологических и других научных исследований на Байкале.

Внутренняя деятельность, средства и предприятия Отдела в будущем // Отчет Сиб. отд. Рус. геогр. о-ва за 1870 г. — Иркутск, 1871. — С. 42—46.

Постановление о присуждении премии Б.И. Дыбовскому за статью “Физико-географические заметки о Байкале”.

Журнал общего собрания Сибирского отдела Русского географического общества (23 окт. 1870 г.) // Изв. Сиб. отд. Рус. геогр. о-ва. — 1871. — Т. 2, № 1. — С. 1—8.

Отчет о проделанной работе, в том числе по изучению оз. Байкал и намечаемых работах Б. Дыбовского, А. Чекановского и других членов общества.

Кесслер К.Ф. О рыбах и ракообразных из Байкала, полученных от Б. Дыбовского // Тр. Санкт-Петербург. о-ва естествоиспытателей. — 1871. — Т. 1: Протоколы. — С. IV—V.

Шренк А.И. Отзыв об исследованиях фауны окрестностей Култука и озера Байкал гг. Дубовским и Годлевским // Отчет Сиб. отд. Рус. геогр. о-ва за 1870 г. — СПб., 1871. — С. 112—114.

Журнал годового собрания Сибирского отдела Русского Географического Общества (7 апр. 1871 г.) // Изв. Сиб. отд. Рус. геогр. о-ва. — 1872. — Т. 2, № 5. — с. 1—6.

Присуждение малой золотой медали Б. Дыбовскому и В. Годлевскому за исследования фауны окрестностей с. Култука и оз. Байкал.

Отчет Русского географического общества за 1871 г. — СПб., 1872. — Гл. 8: Сибирский отдел. — С. 83—88.

Кратко изложены результаты работ, выполненных Б. Дыбовским и В. Годлевским по изучению флоры и фауны Байкала.

Журнал общего собрания Сибирского отдела Русского географического общества (6 нояб. 1872 г.) // Изв. Сиб. отд. Рус. геогр. о-ва. — 1873. — Т. 4, № 4. — С. 1—11.

Естественно-исторические исследования Б. Дыбовского и В. Годлевского на Байкале.

Тачановский В. О некоторых новых видах птиц, найденных гг. Дыбовским и Годлевским в Забайкальской области в 1873 г. // Изв. Сиб. отд. Рус. геогр. о-ва. — 1874. — Т. 5, № 3/4. — С. 121—122.

Отчет о летних занятиях Сибирского отдела Русского Географического Общества в 1876 г. // Изв. Сиб. отд. Рус. геогр. о-ва. — 1876. — Т. 7, № 4/5. — С. 1—11.

Намечено продолжение работ по измерению дна Байкала Б. Дыбовским и В. Годлевским.

Дыбовский Б.И. // Энцикл. словарь / Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. — СПб., 1893. — Т. 21. — Стб. 299. — Подп.: Г.М.Г.

Дыбовский Б.И. // Новый энцикл. словарь Брокгауза-Ефрана. — 1914. — Т. 17. — Стб. 25.

Поплавская Г.И. Вклад поляков в дело изучения Байкала // Землеведение. — 1915. — Т. 22, № 3. — С. 72—95: портр.

Кожевников М.М. Деятельность Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества по изучению животного мира Сибири за 75 лет // Семьдесят пять лет Восточно-Сибирского отдела Государственного Русского географического общества. — Иркутск, 1926. — С. 109—124.

Имеются материалы о научной деятельности Б.И. Дыбовского.

Верещагин Г.Ю. Опыт свода литературы по Байкалу и его побережью // Тр. Комис. по изучению озера Байкал. — 1927. — Т. 2. — С. 187—222. — Библиогр. Б.И. Дыбовского: 38 назв.

Грохмалицкий И. Professor Dr. Benedykt von Dybowsky: Eine biographische Skizze // Рус. гидробиол. журн. — 1927. — Т. 6, № 6/7. — С. 121—127.

Насонов Н., Сушкин П. Записка об ученых трудах проф. Б.И. Дыбовского // Изв. АН СССР. Отд-ние физ.-мат. наук. — 1928. — № 8/9/10. — С. 656.

Дыбовский Б.И. // Сиб. сов. энцикл. — Новосибирск, 1929. — Т. 1. — С. 866—867: портр.

Берг Л.С. Б.И. Дыбовский: (Некролог) // Природа. — 1930. — № 10. — С. 1047—1048.

Б.И. Дыбовский: (Некролог) // Изв. Биол.-геогр. НИИ при Иркут. ун-те. — 1930. — Т. 4, вып. 3/4. — С. 131—132.

Дыбовский Б. // БСЭ. — 1931. — Т. 23. — Стб. 699.

Дьяконов А.М. Бенедикт Дыбовский (1833—1930) // Природа. — 1931. — № 7. — С. 712—715.

Лаптев С.Н. Материалы к биографии и научно-исследовательской деятельности Б.И. Дыбовского в Восточной Сибири // Изв. Гос. геогр. о-ва. — 1939. — Т. 71, вып. 6. — С. 856—868: портр.

Берг Л.С. Сибирь // Берг Л.С. Всесоюзное географическое общество за 100 лет. — М.; Л., 1946. — С. 79—84.

О Б.И. Дыбовском. С. 81—84.

Дыбовский Б.И. // Русские ботаники: Биогр.-библиогр. словарь. — М., 1950. — Т. 3. — С. 224.

Дыбовский Б.И. // БСЭ. — 2-е изд. — 1952. — Т. 15. — С. 322.

Лопатин Г.В. О многолетнем колебании уровня оз. Байкал // Докл. АН СССР. — 1954. — Т. 94, № 6. — С. 1041—1043. — Библиогр.: 7 назв.

Наблюдения Б. Дыбовского и В. Годлевского, проводившихся в 1868 и 1871 гг.

Худзиковская Я., Ястер И. На “священном море” // Люди великой отваги: Рассказы о пол. путешественниках. — М., 1957. — С. 144—161.

Дыбовский Б.И. // Биографический словарь деятелей естествознания и техники. — М., 1958. — Т. 1. — С. 324.

Серова О. Один из первых: Очерк // Свет над Байкалом. — 1958. — № 6. — С. 134—138.

Мальдис А. Неутомимый исследователь Сибири // Рассказы о наших земляках. — Молодечно, 1959. — С. 83—86.

Винкевич Г.А. Б.И. Дыбовский: (Основные этапы жизни и деятельности). — Иркутск, 1961. — 59 с.

Винкевич Г.А. Географические исследования Б.И. Дыбовского: Автограф. дис. ... канд. геогр. наук. — Минск, 1964. — 24 с.

Винкевич Г.А. Выдающийся географ и путешественник. — Минск: Наука и техника, 1965. — 106 с.

Гаврилов Д. Он жил в Култуке // Ленин. знамя. — Слюдянка, 1968. — 8 авг.

Грицкевич В.П. В снегах и льдах Сибири: Разгадка “славного моря” // Грицкевич В.П. Путешествия наших земляков. — Минск, 1968. — С. 173—175.

Здун В.И. Коллекция байкальских моллюсков Б. Дыбовского в Зоологическом музее Львовского университета // Вопросы малакологии Сибири: Материалы межвуз. науч.-метод. конф. по изучению пресноводных моллюсков Сибири, Томск, 26—28 июня 1969 г. — Томск, 1969. — С. 68—72.

Россолимо Л.Л. Б. Дыбовский и В. Годлевский на Байкале: к 100-летию науч. байкаловедения, 1869—1969 // Изв. АН СССР. Сер. геогр. — 1970. — № 3. — С. 119—123.

Дыбовский Б.И. // БСЭ. — 3-е изд. — 1972. — Т. 8. — С. 558.

Брянский В. Дневники доктора Дыбовского // Сов. молодежь. — 1973. — 13 янв.

Голенкова А. У истоков открытия // Байкал. — 1973. — № 1. — С. 110–117.

Овчинникова Т.Н. Важный этап истории изучения Байкала во второй половине XIX в. // Жизнь Земли: Сб. Музея землеведения МГУ. — 1973. — Вып. 9. — С. 211–223.

Исследования польских политических ссыльных, среди них Б. Дыбовского и В. Годлевского.

Грицкевич В.П. С берегов Свисочи и Припяти к Тихому океану // Дальний Восток. — 1974. — № 1. — С. 134–140.

Россолимо Л.Л. Б. Дыбовский и В. Годлевский на Байкале // Круговорот вещества и энергии в озерных водоемах. — Новосибирск, 1975. — С. 6–9.

Гранина А.Н. Старый дом // Гранина А.Н. Музей над озером. — Иркутск, 1978. — С. 23–32.

Дорогостайская Е.В. К истории исследования озера Байкал: О переписке Б. Дыбовского с русскими учеными // Изв. Всесоюз. геогр. о-ва. — 1978. — Т. 110, вып. 3. — С. 269–273.

Грицкевич В.П. Исследователь “Славного моря” // Сов. молодежь. — 1982. — 7 янв.

Бенедикт Иванович Дыбовский: (150 лет со дня рождения) // Приангарье: годы, события, люди: Метод. и библиогр. материалы в помощь пропаганде краевед. лит. — Иркутск, 1983. — С. 74–78.

Голенкова А.И. Бенедикт Дыбовский // Голенкова А.И. Следопыты Байкала. — 2-е изд., доп. — Иркутск, 1986. — С. 3–57.

Голенкова А.И. Жизнь, отданная Байкалу // Вост.-Сиб. правда. — 1988. — 25 сент.

Вержуцкий Б. Дыбовский о култучанах // Ленин. знамя. — Слюдянка, 1989. — 16, 20 дек.

Мирович В., Станевич В. “От памяти родились музы и музеи...” // Сов. молодежь. — 1989. — 16 мая.

О фотоэкспонатах, выполненных учеными XIX в., в том числе Б.И. Дыбовским

Шостакович Б.С. К проблеме изучения и введения в научный оборот источникового наследия Бенедикта Дыбовского // Советско-польский симпозиум “100-летие исследований поляков в Восточной Сибири и на Байкале”: Тез. докл. — Иркутск, 1989. — С. 65–67.

Шостакович Б.С. О характере сибирского мемуарно-очеркового наследия Бенедикта Дыбовского и задачах его изучения // Ссыльные революционеры в Сибири (XIX в.–1917 г.): Сб. науч. тр. — Иркутск, 1989. — Вып. 11. — С. 6–25.

Вержуцкий Б. Я. доктор Бенедикт Дыбовский... // Позиция. — 1991. — 25 нояб. — 1 дек. — С. 5.

Из автобиографии ученого.

Брянский В. “...Нет лучшего места на земле, чем Сибирь”: В Иркутске переведены дневники доктора Дыбовского // Вост.-Сиб. правда. — 1993. — 29 дек. — С. 8.

Шостакович Б.С. Неопубликованная сибирская “дыбовскиана”: Обзор ист.-гуманит. наследия Б. Дыбовского, относящегося к Сибири // Байкал и естествознание за 100 лет: (К 100-летию исследований поляков на Байкале). — Иркутск, 1993. — С. 159–166.

Тутутов И. Дневник, написанный в тюрьме // Аларь. — 1994. — 17 марта.

О пребывании участников польского восстания 1863–1864 гг. Б. Дыбовского и И.Д. Черского в ссылке в Аларском районе.

СОЛНЦЕ
И ОЧЕРКИ
СИБИРИ
СОВРЕМЕННОГО
ИССЛЕДОВАНИЯ

III

ПОЛЯКИ
И ИХ ПОТОМКИ —
ИССЛЕДОВАТЕЛИ
СИБИРИ

ВКЛАД ПОЛЬСКИХ УЧЕНЫХ В ИССЛЕДОВАНИЯ СИБИРИ И БАЙКАЛА

Г.И. Галазий

Польско-русские культурные и научные связи имеют длительную историю и восходят к началам становления Польского государства и Киевской Руси. Особенно заметно научные связи начали развиваться со времени организации в России Петербургской академии наук в 1725 г.

Польские исследователи, публикуя результаты своих наблюдений и материалы российских естествоиспытателей, способствовали ознакомлению западных ученых с российской наукой и особенно с территорией России, ее флорой и фауной, историей формирования государственности и политических отношений. Польша в то время служила своеобразным мостом между Россией и западной культурой, между российской и польской наукой. С польской стороны в контактах живое участие принимали в основном ученые из Гданьска и Варшавы. В числе первых приглашенных Петром I для работы в создаваемой им академии были заслуженный исследователь Сибири Даниэль Готлиб Мессершмидт, известные естествоиспытатели Иоган Филипп Брейн, Якоб Теодор Кляйн, выдающийся математик Генрих Кюн. Обмен изданиями и многолетние контакты с русскими учеными установил и поддерживал Юзеф Анджей Залуский, сооснователь варшавской библиотеки Залуских – одного из самых богатых в Европе XVIII в. книжных фондов и важного интеллектуального центра, ученыe из окружения польского короля Станислава Августа, в их числе – королевский картограф Кароль Герман

Пертэс и королевский геолог Ян Филипп Кароси. Сам король Станислав Август был удостоен звания почетного члена Петербургской академии наук и также поддерживал эти контакты.

В 1800 г. в Варшаве было основано Общество Друзей Наук, прообраз первой Польской академии. Члены этого Общества также поддерживали тесные контакты с русскими учеными. Общество живо интересовалось историей и культурой соседних славянских стран, в том числе и России. С русской наукой поддерживали связь такие его члены, как лексикограф Самуэль Богумил Линденэ, историк права и славист Игнацы Бенедикт Раковецкий, предтеча славянской археологии, этнограф и историк Зориан Долэнга Ходаковский, исследователь древнего славянства и путешественник Ян Потоцкий, востоковед Юзеф Сенковский, астроном и математик Ян Сынядецкий, химик Александр Ходкевич и др.

После подавления ноябрьского освободительного восстания в 1831 г. царские власти ликвидировали Общество, а его фонды были перевезены в глубь России и контакты надолго прервались.

В 1873 г. в Krakове было создано научное учреждение — Академия Умений, которая поставила перед собой задачу представлять польскую науку. Возобновились контакты, начался обмен изданиями. Некоторые русские ученые были избраны членами этой Академии. Организованы посылка польских студентов и выделение специальных стипендий для обучения их в России. В архивах и библиотеках России студенты проводили инвентаризацию трудов польских исследователей, особенно рукописных работ.

Во многих научных и учебных заведениях России работали польские ученые и преподаватели. По данным польских исследователей, в русских высших учебных заведениях работали около 390 поляков-преподавателей, в том числе 224 профессора. В основном это были уроженцы приграничных с Россией губерний, обычно дворянского происхождения.

В свою очередь, в Польше были организованы польские высшие учебные заведения: Императорский Варшавский университет (1869—1915 гг.), Варшавский политехнический институт (1898—1915 гг.), Варшавский ветеринарный институт (1889—1915 гг.) и Ново-Александрийский институт сельского хозяйства и лесоводства в Пулавах (Новой Александрии) (1869—1915 гг.). В этих учебных заведениях вели занятия и русские профессора и преподаватели. Директором института в Пулавах был профессор В.В. Докучаев — основатель науки о почвах. Эти высшие учебные заведения дали образование многим польским ученым, работавшим впоследствии и в Сибири. Таким образом, контакты взаимно обогащали культуру и науку обеих стран, и это способствовало общему прогрессу.

В истории исследования Байкала заметное место занимают польские ученые, находившиеся в ссылке в Сибири за участие в освободительном восстании 1863 г. Один из них — Бенедикт Дыбовский, чья деятельность освещена в предыдущих статьях этого сборника. Как в них уже отмечено, Б. Дыбовский описал фауну Байкала и его природные условия, заложил основы лимнологии — науки об озерах; исследовал фауну бассейна р. Амур, берегов Японского моря, Камчатки; собрал большую коллекцию различных представителей фауны Сибири, которая своей неповторимостью удивила и поразила многих исследователей. Коллекцию насекомых, насчитывающую 100 тыс. экз., он подарил выдающемуся географу П.П. Семенову-Тян-Шанскому.

Б. Дыбовский первым рассеял представления многих ученых, сформировавшиеся после исследования Радде, о бедности животного и растительного мира Байкала. Он писал: "... наличие "неизмеримых" глубин считалось доказательством необитаемости озера, но поскольку в Байкале есть рыба, должна быть и пища". Для исследований планктона и донных организмов им были изготовлены планктонная сеть, драга, приборы для снятия донных отложений.

Б. Дыбовский высказал свои суждения о происхождении животных и растений озера. Он твердо считал, что животный мир Байкала ограничен его пределами и подразделял его на два самостоятельных комплекса фаун — байкальский, в составе которого живут в основном эндемики, и сибирский, состоящий из форм прибайкальских водоемов. Исследователь интересовался причиной несмешиваемости фауны Байкала с фауной других водоемов. Б. Дыбовский считал, что разнообразие ныне живущих в Байкале гаммарид и других групп животных может быть сведено к небольшому количеству типов (корней), которые проникли в озеро в весьма отдаленном прошлом из пресноводных и солоноватых водоемов Евразии.

Близкой точки зрения придерживался русский исследователь Н. Андрусов. Формирование богатой эндемичной фауны в Байкале он также связывал с разнообразием условий существования организмов в этом озере — его глубин и других свойств, считая, что богатая эндемичная фауна Байкала произошла из немногих первоначальных видов в течение длительного промежутка времени: “Эта дифференциация могла совериться в течение долгого времени, может быть за время значительной части третичного периода... При этом могли даже погибнуть многие основные виды, бывшие когда-то общими Байкалу и водам окружающих стран” [Андрусов, 1903]. Напомним, что, например, из 191 вида указанных Б. Дыбовским гаммарид, 185 были новыми для науки, из 29 видов рыб 10 оказались новыми.

Вторая половина XIX в. ознаменовалась победным шествием прогрессивных материалистических идей эволюционистов-дарвинистов. Б. Дыбовский, получивший хорошую подготовку по теории эволюции, был горячим ее сторонником и последователем.

Будучи страстным исследователем, Б. Дыбовский не только сам увлекался научной работой, но умел увлечь и других. Даже на каторге, несмотря на тяжелый физический труд по заготовке и сплаву леса, которыми занимались ссыльные, у него были добровольные помощ-

ники — В. Годлевский, В. Ксенжопольский, А. Парвекс, М. Янковский и др. Они занимались препарированием птиц, сбором коллекций рыб, насекомых и других животных. Собирать коллекции животных помогали Б. Дыбовскому и жители села Сивакова, где он отбывал ссылку.

Работы Б. Дыбовского на Байкале получили высокую оценку в среде его современников. А.И. Шренк и П.П. Семенов считали их выдающимися. Русское географическое общество наградило Б. Дыбовского золотой медалью, а Российская академия наук в 1928 г. избрала его своим член-корреспондентом.

В наше время практически нет работ, посвященных Байкалу, в которых бы не упоминалось имя Бенедикта Ивановича Дыбовского — одного из первых исследователей Байкала, заложившего основы науки об озерах — лимнологии. Б. Дыбовский занимался исследованием ледового режима, донных отложений, проводил измерения температуры и глубин и составил карты их распределения. Б. Дыбовский впервые сконструировал специальное устройство для определения больших глубин, а веревки для измерения глубин вместе со своими товарищами и помощниками изготавлял сам. По инициативе Б. Дыбовского впервые изучен химический состав байкальской воды; анализ сделал К. Шмидт. Ближайший помощник Б. Дыбовского В. Годлевский проводил систематические метеорологические наблюдения и тем самым оставил нам сведения о гидрометеорологическом режиме на Байкале. Правнучка В. Годлевского А. Липова-Годлевска в конце семидесятых годов побывала на Байкале.

Во время работ в Восточной Сибири Б. Дыбовский собрал многочисленные свидетельства того, что животный и растительный мир этой территории значительно отличается от западно-сибирского и европейского. При более детальном исследовании восточно-сибирской провинции он выяснил, что она состоит из ряда самостоятельных зоogeографических единиц более низкого ранга. Обоснованию этой естественно-географи-

ческой классификации он намеревался посвятить свои дальнейшие работы. К сожалению, многие материалы – зоологические, палеонтологические, остеоэкологические и геологические – погибли во время пожара в Иркутске в 1879 г., “... Сохранились лишь списки фауны Восточной Сибири, территории от Енисея до берегов океана вместе с Камчаткой и Командорскими островами” [Dybowski, 1922]. В этих списках Б. Дыбовский дал перечень видов птиц, млекопитающих, рыб, указал районы их распространения, изложил результаты проведенного им сравнения форм птиц Восточной Сибири и Европы, Америки, Австралии и других районов.

По данным Б. Дыбовского, в пределах Восточной Сибири обитают 559 видов птиц, 216 видов млекопитающих и 109 видов пресноводных рыб. Напомним, что до начала его исследований в этом регионе было известно лишь 211 видов птиц и 60 видов млекопитающих. В составе орнитофауны Восточной Сибири он выделил 254 азиатских вида, 92 европейских, отнесенных к азиатским расам, 174 европейских, не измененных пребыванием в Азии, 34 американских, 1 австралийский, новые виды составляли 6,6 % от всей орнитофауны Восточной Сибири. “Люди воспитываются не проповедями и нравоучениями, а примерами”, – писал Ю.М. - Шокальский в сборнике, посвященном жизни и деятельности П.П. Семенова-Тян-Шанского. Деятельность Бенедикта Дыбовского является блестящим подтверждением этого и прекрасным примером того, какую огромную пользу приносит человек трудом своим, умением использовать все свои способности и твердой волей достигать тех целей, которые он ставит перед собой в любых условиях. Это ли не пример для подражания и преклонения перед нашими предшественниками.

Одновременно с Б. Дыбовским в Восточной Сибири работали выдающиеся исследователи – геологи А.Л. Чекановский и И.Д. Черский.

Александр Лаврентьевич Чекановский – поляк, родился, по сообщению Б. Дыбовского, 12(24) февраля

1833 г. (по свидетельству его друга Александра Гартунга – в 1830 г.) в г. Кременец (ныне Тернопольская область, Украина). А. Чекановский – исследователь Средней Сибири, друг и товарищ Б. Дыбовского по учебе в Дерптском (Тартусском) университете. За участие в польском восстании 1863–1864 гг. сослан в Сибирь. По поручению РГО в 1869–1871 гг. провел геологические исследования на юге Иркутской губернии, в 1869–1872 гг. – в долине Ангары и ее притоков Оки и Белой, изучал юго-западные берега Байкала, на западных берегах озера он обнаружил отложения юрского периода, которые простирались от р. Бол. Коты до мыса Кадильного.

Александр Лаврентьевич совершил экскурсию на хр. Хамар-Дабан, по Тункинской котловине, к горной группе Мунку-Сардык и к оз. Косогол (Хубсугул); дал первые достоверные сведения по геологии долины р. Ниж. Тунгуска (1873), нижнего течения р. Лены и долины р. Оленек (1874–1875 гг.); открыл угленосную провинцию р. Ниж. Тунгуска и описал несколько месторождений каменного угля, соли, руды магнетита и сульфитов, графита; впервые охарактеризовал огромные площади развития силурийских отложений в исследуемых районах, расчленил угленосные отложения на три толщи: пермскую, триасовую и юрскую. Для бассейнов Ниж. Тунгуски, Оленека и окрестностей Верхоянска А. Чекановский составил геологические карты. Он – первооткрыватель трапповой магматической провинции Восточной Сибири.

Русское географическое общество в 1870 г. присудило А. Чекановскому Малую золотую медаль. В 1875 г. на Международном геологическом конгрессе в Париже его геологическая карта Иркутской губернии была удостоена высшей награды – золотой медали первого класса.

В 1876 г. А. Чекановскому было разрешено переехать в Петербург, где он начал обработку собранных им материалов по географии, геологии и палеонтологии из посещенных им мест.

Ботанические и зоологические коллекции А. Чекановского описаны в работах ряда ученых. Именем А. Чекановского назван открытый им горный кряж между Леной и Оленеком, в его честь названы многие ископаемые растения (главным образом, юрские). Своими исследованиями в Восточной Сибири А. Чекановский вместе с И. Черским и Ф. Шмидтом, которые обработали и опубликовали дневниковые материалы северных экспедиций после его кончины, разделял гипотезу Гумбольдта-Пешеля и других исследователей, считавших Байкал фьордом Северного Ледовитого океана, а его фауну – идентичной фауне этого океана.

Основные выводы из сравнительно непродолжительных исследований А. Чекановский сформулировал в нескольких пунктах:

1. Формации, распространенные в Иркутской губернии и содержащие угли, образовались не в каменноугольную (как считалось до А. Чекановского), а в юрскую эпоху.
2. Поднятие горных хребтов в их современном очертании произошло после отложений юрских пластов.

3. Метаморфические и осадочные породы находятся в Прибайкалье в известном соотношении и могут быть стратиграфически сопоставимы.

4. Западное Прибайкалье (его западная часть) составляют область мощных вулканических излияний, закончившихся к началу ледникового периода.

5. Древние ледники заметно изменили ранее существовавшие формы земной поверхности в Прибайкалье, причем следы таких изменений имеются даже на уровне оз. Байкал.

6. Мощные галечные толщи горных долин, не исключая байкальской, обязаны своим происхождением водной переработке ледниковых отложений, т.е. являются флювиогляциальными.

7. В Прибайкалье, помимо сильных землетрясений, происходят медленные тектонические перемещения почвы.

Основные из этих положений подтверждены последующими исследованиями и не потеряли актуальности и сегодня. Хотя не все подтверждается новейшими наблюдениями океана, однако выводы, сделанные Чекановским, Черским, Шмидтом по результатам своих работ о том, что на просторах Сибири к югу 67,5° с.ш. нет морских отложений моложе силурийского времени, подтверждены последующими исследователями и признаны достоверными. А Байкал как водоем начал формироваться лишь в середине или конце третичного времени, т.е. значительно позднее, чем на этих просторах плескались воды силурийских морей.

А. Чекановский рано ушел из жизни – в возрасте 44 лет, в расцвете творческих сил. Но его заслуги в изучении географии Восточной Сибири исключительно велики. Собранные им богатейшие коллекции флоры и фауны дали огромный материал для познания растительного и животного мира этой страны. Его замечательные научные исследования были в полной мере оценены его современниками. П.П. Семенов-Тян-Шанский считал его “выдающимся по своей талантливости и научным познаниям геологом”.

Научные труды А. Чекановского и в наше время не потеряли своего значения. Жизнь А. Чекановского – замечательного ученого, борца и гражданина – служит ярким примером для многих поколений исследователей нашей Родины и нашей планеты Земля. “Слава его имени, – писал Б. Дыбовский, – озаряет блеском мученичества терновый венец того народа, из лона которого вышел Чекановский”.

На смену А. Чекановскому в геологических исследованиях пришел И.Д. Черский, которому принадлежит большая доля труда и заслуг в геологическом изучении Прибайкалья.

Иван Дементьевич Черский (Ян Доминикович), литератор по происхождению, родился 3(15) мая 1845 г. в имении “Сволна” Дриссеновского уезда, Виленской губернии, геолог, палеонтолог и географ, исследователь Сибири.

За участие в Польском восстании 1863–1864 гг. И. Черский отдан в солдаты и отправлен в Сибирь – в Омск. Здесь под влиянием и руководством Г.Н. Потанина начал геологические и палеонтологические исследования в районе Омска. В 1869 г. освобожден от военной службы по болезни, в 1871 г. переехал в Иркутск по приглашению СОРГО. Здесь он встретился с А. Чекановским и Б. Дыбовским, которые способствовали его совершенствованию в геологии и зоологии.

В 1873–1876 гг. И. Черский вместе с его другом М. Гартунгом изучал Саяны (Тункинские, Китайские гольцы), Присаянье и Приангарье; в 1877–1880 гг. – геологическое строение берегов Байкала, прошел по ним и вдоль их на лодке 1748 верст (1865 км), совершил многочисленные экскурсии в стороны и для исследования островов; в 1881–1882 гг. изучал бассейн Селенги и Нижнюю Тунгуску.

В результате своих исследований И. Черский выдвинул идею развития рельефа Сибири, предложил одну из первых палеонтологических схем для Сибири как древнего темени Азии, использованную и развитую Э. Зюссом в его всемирно известном труде “Лик Земли”.

При геологическом исследовании берегов Байкала для контроля за изменениями уровня воды в озере И. Черский сделал на отвесных скалах, спускающихся к воде, 16 засечек с отметкой уровня и датой нанесения засечки. Они до сих пор служат реперами для контроля за уровнем, а В.В. Ламакин их использовал для обоснования своей гипотезы о тектонической подвижности берегов.

В 1885 г., после амнистии, по приглашению Петербургской академии наук И. Черский переехал в Петербург. Здесь он кроме своих материалов обрабатывал также сведения А. Чекановского по Ниж. Тунгуске, Оленеку и Лене. По пути в Петербург И.Д. Черский выполнил маршрутные геологические исследования почтового тракта от Иркутска до Урала, с заездами к Падунскому порогу Ангары, где сейчас расположена Братская ГЭС – одна из самых крупных в мире, а также в Минусинск.

И. Черский в 1886 г. опубликовал в трудах СОРГО первый том геологического описания Байкала и геологическую карту побережий озера. На карте нанесены места и даты его засечек. В этом же году Географическое общество присудило ему золотую медаль им. Литке. В знак признания его научных заслуг он был избран членом Географического, Минералогического, Археологического обществ и Московского общества испытателей природы.

Изучение Прибайкалья – главная работа И. Черского, как геологическая, так и геоморфологическая. Открытие им Индигирско-Колымского хребта – самое крупное геологическое открытие XIX в. в Азии.

В 1891 г., уже работая в Петербурге, он совершил экспедицию в район Колымы и Индигирки.

Умер И. Черский в 1892 г. во время экспедиции на Колыме, в низовьях этой реки. Экспедицию завершила его жена – друг и постоянная спутница.

Именем Черского названы горный хребет в Якутии и Магаданской области, открытый им во время экспедиции на Индигирку и Колыму, хребет в Забайкалье, отдельные горные вершины и памятные пики на Байкале, поселок в Якутии.

“И.Д. Черский принадлежит к тому типу ученого-труженика, ученого-подвижника и, одновременно, ученого-героя, – пишет его биограф чл.-корр. АН СССР С.В. Обручев, – который встречается сравнительно редко. Он сумел всю свою жизнь, изо дня в день, приносить в жертву знанию”.

Будем надеяться, что нашим потомкам имя геолога, зоолога и географа И. Черского будет знакомо не только по названию, которое Географическое общество в 1927 г. по представлению С.В. Обручева присвоило одному из крупнейших хребтов Сибири, но и по названиям гор, пиков, вершин, животных и др.

Нельзя не упомянуть о таком выдающемся исследователе – поляке по происхождению, как Леонард Ячевский (1858–1916) – профессоре Екатеринославской высшей горной школы. Это незаслуженно забытый исследо-

дователь Сибири, член геологического комитета в Петербурге, горный инженер, геолог, географ и геофизик.

После окончания Петербургского горного института Л. Ячевский был командирован в Сибирь и посвятил ее изучению значительную часть жизни, способствовал изучению Саянского хребта, Енисейского кряжа, Енисейской и Якутской губерний, окрестностей Байкала, а также части Урала и Туркестана.

Библиографический анализ работ Л. Ячевского показывает большое разнообразие его исследований и широкий круг интересов. Они посвящены географии Монголии, гидрологии и климатологии Сибири, изучению залежей полезных ископаемых — угля, золота в Енисейской губернии и выяснению причин золотоносности в енисейском золотоносном районе. Л. Ячевский исследовал вечную мерзлоту в Сибири, сейсмологию и проявление вулканической деятельности и связанной с этим геотермии, в области которой он был признанным авторитетом в мире и родоначальником подобных работ в России. Им опубликованы труды "Об организации геотермических наблюдений", "О термическом состоянии поверхности земли в связи с совершающимися на ней геологическими явлениями". Именно в этой области, к которой он подходил глобально с точки зрения распределения тепла внутри земного шара, Л. Ячевский снискал заслуженное признание. Он стал председателем Геотермической комиссии при Русском географическом обществе, был организатором международного сотрудничества специалистов по геотермии.

Л. Ячевский одним из первых занимался изучением образования донного льда — явления, которое широко распространено в реках Сибири и в оз. Байкал. Результаты исследований опубликованы в работе "Материалы к вопросу об изучении образования донного льда". С этим явлением столкнулись проектировщики и строители ГЭС на Ангаре.

Научная биография Л. Ячевского еще недостаточно разработана и ждет своих исследователей. Но несомненно широта интересов Л. Ячевского и большая значимость его исследований для начавшегося в тот период освоения Сибири.

Назовем некоторые другие публикации Л. Ячевского: "Письмо из путешествия по Монголии", "К гидрологии Сибири", "Организация метеорологических наблюдений в сибирской тайге", "Месторождения ископаемых в Енисейской губернии", "О причинах золотоносности в енисейском золотоносном районе", "О вечномерзлой почве в Сибири", "Застой в проявлениях вулканической деятельности", "О землетрясениях", "Мерзлота в Сибири" и др.

Особого рассмотрения заслуживают выдающиеся исследования геофизика В.Б. Шостаковича (см. следующую статью). Его сын — историк С.В. Шостакович — был профессором Иркутского государственного университета, а внук — Б.С. Шостакович работает в нем и сейчас.

Кратко охарактеризовав работы только нескольких выдающихся ученых — ссылочных поляков, занимавшихся исследованиями на Байкале, подчеркнем, что они были не одиноки. Их друзья и товарищи по несчастью, такие как В. Годлевский, В. Ксенжопольский, Гартунг, Ф. Шмидт, Ф. Кон, И. Лаговский, М. Витковский, Ф. Зенкович и многие другие, бескорыстно им помогали, и без них вряд ли упомянутые исследователи могли сделать то, что они сделали. Их помощники также заслуживают всяческого внимания и почестей как выдающиеся исследователи Сибири.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Андрусов Н. О двух новых родах гастропод из апшеронского яруса // Тр. СПб о-ва естествоисп. — 1903. — Т. 31, вып. 5. — С. 55–72.

Шокальский Ю.М. Вступительное слово // Сб. II: Семенов-Тян-Шанский, его жизнь и деятельность / Под ред. А.А. Достоевского. — Л., 1928.

Dybowski B.I. Spis systematyczny gatunkow i ras z zwierzat okregowych fauny Wschodniej Syberii. — Lwów, 1922.

Dybowski B.I. O pochodzeniu fauny Bajkalu // Przyroda i Technika. — S. 466–467.

**В.Б. ШОСТАКОВИЧ – ИССЛЕДОВАТЕЛЬ
ВОСТОЧНО-СИБИРСКОГО КРАЯ**

М.Ш. Фурман, Б.С. Шостакович

В деле развития регулярной метеорологической службы Сибири и Дальнего Востока и Иркутской магнитно-метеорологической обсерватории как ведущего центра в первые десятилетия их существования значительная роль принадлежала профессору, видному геофизику Владимиру Болеславовичу Шостаковичу (1870–1942 гг.) — одному из первых ученых и директоров (с 1917 по 1929 гг.) Иркутской обсерватории, в общей сложности бессменно проработавшему в ней на протяжении 30 лет (более чем кто-либо из других первых ведущих сотрудников). Основная часть его научно-практической деятельности также неразрывно связана с историей Иркутской обсерватории и метеорологической службы в восточном регионе страны.

Между тем, сложилось так, что в то время, как двум другим виднейшим ученым и руководителям Иркутской обсерватории — Э.В. Штэллингу (1850–1922 гг.) и А.В. Вознесенскому (1864–1936 гг.) — был посвящен ряд специальных научных монографий и публикаций, жизнь и деятельность В.Б. Шостаковича, значительное его научное наследие остались как бы в тени, за исключением лаконичной справки о нем, включенной в энциклопедические издания конца 50-х годов нашего столетия [Шостакович, 1959, 1978]. Двадцать лет спустя научный сотрудник Государственного гидрологического института Б.Д. Зайков [1973] несколько подробнее затронул научную деятельность В.Б. Шостаковича, особо остановившись на его исследованиях в области гидрологии. В

многочисленных работах встречаются также фрагментарные упоминания трудов В.Б. Шостаковича, различные отклики на те или иные его конкретные идеи, выводы, наблюдения, показано практическое применение и развитие последних. Однако до сих пор об этом не существует ни одного специального очерка, а тем более монографии. По далеко не исчерпывающим данным, за основной, иркутский, период деятельности В.Б. Шостаковичем было опубликовано свыше 100 научных работ по весьма разнообразной тематике – климатологии, гидрологии водоемов, синоптике, геофизике, геологии, физгеографии и др. В свое время ряд этих работ вызвал интерес и получил положительные отклики видных ученых России – А.И. Воейкова [1911], С.А. Советова [1907], В.А. Обручева [1910], Ю.М. Шокальского [1909]. При этом следует учесть, что значительная часть научных работ В.Б. Шостаковича выходила за рубежом, в основном в Германии (на немецком языке). Между тем, мы до сих пор не располагаем полной систематизированной библиографией его работ.

Настоящую статью следует рассматривать как первый шаг в будущей специальной научной биографии В.Б. Шостаковича, призванной восполнить все вышеуказанные “белые пятна” в этой немаловажной странице истории сибирской науки.

Владимир Болеславович Шостакович родился 17 июля 1870 г. в Томске, в семье политического ссыльного, известного участника освободительной борьбы в России в 60-е годы XIX в. – Болеслава Артура Петровича Шостаковича, поляка по происхождению. В семье были сильны общедемократические традиции и настроения: оппозиционное отношение к господствовавшему в стране царскому режиму, симпатии к революционному движению [Шостакович, 1978]. Из этой семьи вышел ряд известных впоследствии деятелей искусства, науки и культуры (в частности, выдающийся композитор Д.Д. Шостакович и писатель Ю.Н. Бессонов были племянниками В.Б. Шостаковича по его родным – брату Д.Б. Шостаковичу и сестре В.Б. Шостакович, в замуже-

стве Бессоновой). Четверо собственных сыновей В.Б. – Шостаковича избрали в качестве основной деятельности научную и педагогическую.

После окончания реального училища в Томске и нескольких лет службы в Сибирском торговом банке (в Иркутске, куда к тому времени уже перебралась семья Шостаковичей), В.Б. Шостакович уехал учиться за границу. Поводом к этому было несколько: в русских университетах прохладно относились к выпускникам реальных училищ; сказывалось и то, что с отцом Владимира Болеславовича в ту пору еще не были сняты некоторые ограничения в правах. В.Б. Шостакович обучался в Мюнхене в Политехникуме на сельскохозяйственном отделении и в университете, где одновременно работал в Институте растительной физиологии. Затем он окончил естественное отделение философского факультета университета в Базеле (Швейцария).

Уже в студенческие годы В.Б. Шостакович увлекся научно-исследовательской работой, избрав себе специализацию в области ботаники. В 1893 г. он опубликовал в Мюнхене свою первую работу “О явлениях воспроизведения (репродуцирования) и регенерации мхов-печеночников”, а в 1895 г. выполнил диссертацию на тему “Об условиях образования спор (конидий) у древесных грибов”, получив степень доктора философии (по естественным наукам). Им был открыт ряд новых видов грибов.

В конце 1895 г. В.Б. Шостакович возвратился в Иркутск, и с этого времени началась его активная научная и организаторская деятельность в Восточной Сибири. С 1895 по 1900 гг. он занимал должность консерватора Музея Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества (ВСОРГО). Не имея возможности перечислить всю работу, проведенную В.Б. Шостаковичем в этой должности, отметим лишь наиболее характерные и значительные ее направления. Научные экспонаты музея ВСОРГО были представлены им на Всемирную Парижскую выставку, за что ученого наградили бронзовой медалью. В.Б. Шостакович ревностно исполь-

нял обязанности заведующего библиотекой ВСОРГО, тщательно следил за ее пополнением, поддержанием в порядке каталогов, обменом текущей литературой с различными партнерами и т.д. Научные интересы его были ориентированы преимущественно на биологию. С этим оказались связаны и предпринимавшиеся им натуралистические экскурсии в регионе с целью сбора ботанических и энтомологических коллекций для музея ВСОРГО, выступления на собраниях членов ВСОРГО с соответствующей тематикой и т.д.

Весьма важным и интересным научным начинанием (которое, между прочим, впервые объединило будущих многолетних соратников — В.Б. Шостаковича и А.В. Вознесенского) была предпринятая им в числе группы энтузиастов первая попытка организации на Байкале постоянно действующей научной биологической станции в с. Голоустное (1897–1898 гг.). “Это совершенно новое дело в России, — говорилось в докладе ревизионной комиссии общему собранию членов ВСОРГО за 1898 г., — к великому сожалению, не нашло ровно никакого сочувствия в Распорядительном Комитете (ВСОРГО — М.Ф., Б.Ш.). Станция в Голоустном инициативой организации и средствами обязана исключительно только частным лицам: И.А. Пятидесятникову, В.Н. Горяеву, А.В. Вознесенскому, В.Б. Шостаковичу, В.А. Обручеву и др.” (Гос. архив Иркутской области (ГАИО), ф. 293, оп. 1, д. 159, к. 12, л. 17 об.). Нам представляется, что этот важный раздел истории научного байкаловедения, следующий непосредственно за этапом, представленным Б. Дыбовским и его товарищами, и предшествующий недавно воссозданному более позднему этапу научной деятельности на Байкале В.Ч. Дорогостайского [Дорогостайская, 1989], оказывается до сих пор незаслуженно преданным забвению. Несомненно, он нуждается в тщательном изучении и объективной оценке специалистов. Должен быть восстановлен и приоритет его инициаторов и участников.

С 1900 г. началась служба В.Б. Шостаковича в Иркутской магнитно-метеорологической обсерватории, с

которой оказывается связан весь последующий сибирский период его жизни. Свыше 10 лет он возглавлял отделение сети станций обсерватории, а с 1910 по 1917 гг. занимал должность помощника (т.е. заместителя) директора обсерватории. При этом Шостакович был активным участником и ближайшим сподвижником в организаторской и научной деятельности обсерватории, развернувшейся в указанные годы под руководством ее директора А.В. Вознесенского. В.Б. Шостакович способствовал развитию метеорологической сети, которая за первое десятилетие XX в. возросла более чем втрое, расширению программы и повышению качества наблюдений. В частности, им были впервые организованы систематические наблюдения и сбор сведений по гидрологическому режиму водоемов Восточной Сибири: их замерзанию и вскрытию, температуре воды и толщине льда. Особое внимание было уделено гидрологии Байкала.

С переходом в обсерваторию изменилось направление научных исследований В.Б. Шостаковича. Они сосредоточились в области гидрологии, геофизики и метеорологии. Выше уже отмечалось усиление внимания ученого к наблюдениям за гидрологией водных объектов Восточной Сибири, поскольку в ту пору наука эта еще не получила своего развития на огромной территории края. В результате обобщения многолетних данных о вскрытии и замерзании вод Азиатской России, В.Б. Шостаковичу удалось обнаружить закономерности наступления последних, определить влияние различных факторов на эти процессы и впервые построить соответствующие карты. Подобный же анализ многочисленных наблюдений за ростом толщины льда на реках Восточной Сибири позволил ему установить зависимость колебания толщины льда от температуры воздуха в течение зимы и высоты снежного покрова.

Систематизировав данные длительных наблюдений за термическим режимом рек Сибири, В.Б. Шостакович впервые рассчитал величину теплового стока в Арктические моря. Он же впервые классифицировал реки с учетом их гидрологического режима в зоне многолет-

ней мерзлоты. Положения, высказанные в публикациях В.Б. Шостаковича, легли в основу разработки многих современных методов краткосрочных прогнозов ледового режима рек. Все перечисленные исследования ученого способствовали развитию гидрологии рек Сибири [Зайков, 1973].

Наряду с упомянутыми исследованиями, регулярно публиковавшимися в специальных изданиях, как местных, так и центральных, некоторые научные работы были выполнены в непосредственном сотрудничестве с А.В. Вознесенским (в частности, труд по климатологии Восточной Сибири), а также вошли в коллективное издание под редакцией Ф.К. Дриженко "Лоция и физико-географический очерк оз. Байкал" [1908]. До настоящего времени все эти исследования сохраняют свою значимость. Не случайно за свои работы по геофизике В.Б. Шостакович был награжден золотой медалью Русского географического общества.

Оценивая в целом рассматриваемый период деятельности В.Б. Шостаковича, уместно, на наш взгляд, привести следующий тезис из монографии В.Л. Соскина [1989], посвященной истории становления науки в Сибири в первые годы после революции. "Среди активных деятелей географических обществ было немало крупных, даже выдающихся исследователей... Немало ученых, ставших известными в советское время, вышло из дореволюционного краеведения, например, В.Б. Шостакович, И.Ф. Молодых, В.Ч. Дорогостайский, В.И. Подгорбунский, Н.Н. Козьмин... и др."

На нелегкий период революции и гражданской войны пришлось начало самостоятельного руководства В.Б. Шостаковича Иркутской обсерваторией. После отъезда А.В. Вознесенского из Иркутска в 1917 г. он, невзирая на многочисленные трудности экономического и политического характера, не просто сохранил и продолжил программу научно-исследовательской и практической работы обсерватории, но и внес в нее много нового, оригинального. И безусловно, прежде всего необходимо сказать о нем как об организаторе Первого си-

бирского метеорологического съезда в конце сентября 1917 г.

В связи с данным вопросом позволим себе вновь обратиться к уже упомянутой выше монографии профессора В.Л. Соскина. "Из событий научной жизни, получивших большой общественный резонанс, — говорится в ней, — следует выделить Первый сибирский метеорологический съезд. Как и многие другие прогрессивные начинания ученых, его идея "вызревала" постепенно. Свержение царизма сделало возможным осуществить задуманное" [Соскин, 1989]. Как председатель съезда, В.Б. Шостакович отмечал: "Изменившиеся условия жизни властно требовали перестройки всего уклада и всей деятельности обсерваторий. Так, чтобы новая их организация отвечала новым требованиям жизни и чтобы обсерватории были в состоянии развить в полном объеме ту работу, которая будет предъявлена им государством [Труды..., 1918].

На съезде была выдвинута задача координирования и реорганизации руководства научными и научно-прикладными сибиреведческими исследованиями. Для этого предлагалось создать специальный организационный центр в Иркутске под названием Институт исследования Сибири. Необходимо отметить, что В.Б. Шостакович являлся одним из инициаторов и реализаторов и метеорологического съезда в Сибири, и создания Института исследования Сибири. Он был избран председателем специального оргбюро, куда почти полностью входили иркутские ученые [Соскин, 1989]. В рамках настоящей статьи невозможно исчерпать данную тему, в том числе выяснить в полной мере вклад В.Б. Шостаковича в осуществление всего этого значительного проекта по созданию института.

После восстановления советской власти в Сибири происходило основательное преобразование системы управления и организации различных звеньев научно-исследовательской системы. Согласно декрету Совнаркома от 21 июня 1921 г. "Об организации метеорологической службы в СССР", подписанному В.И. Лениным,

Иркутская магнитно-метеорологическая обсерватория становится филиалом Главной физической обсерватории.

Дальнейшая научная деятельность директора Иркутской обсерватории получила более направленный практический характер. Уже на метеорологическом съезде В.Б. Шостакович выступил с докладом "Значение климата для человека и роль метеорологических исследований в государственном хозяйстве", который явился как бы программой его последующей работы. По результатам 30-летних наблюдений обсерватории ученый описал климат г. Иркутска и издал отдельной книгой в 1920 г. Эта монография стала первой работой о климате городов в нашей стране. За период с 1918 по 1929 гг. В.Б. Шостакович подготовил и опубликовал монографии "Климат Иркутской губернии", "Физико-географический очерк Средне-Сибирского края", "Материалы по климату Якутской республики и сопредельных с ней частей Северной Азии" и другие работы. Все они имели прикладной характер для нужд хозяйственного развития территорий.

По инициативе и под редакцией В.Б. Шостаковича с 1926 г. началось издание "Трудов" Иркутской магнитно-метеорологической обсерватории. Всего опубликовано четыре выпуска этого научного сборника. Первый из них был посвящен работам по гидрологии Байкала. Во вступлении к нему В.Б. Шостакович пояснил, что Иркутская обсерватория еще в 1896 г. организовала ряд гидрометеорологических наблюдений для изучения Байкала, и выпуск представлял, главным образом, результаты обработки накопленного за прошедший период многочисленного интересного материала. Наряду с В.Б. Шостаковичем в этом выпуске были опубликованы статьи таких известных исследователей, как Г.Ю. Вещагин и Т.П. Кравец. В.Б. Шостакович рассмотрел в нем различные элементы режима озера: уровни, термоку, сейши, прозрачность.

В других выпусках "Трудов" обсерватории проявился большой научный интерес ее директора к изучению

влияния солнечной активности на природные явления (землетрясения, изменчивость гидроклиматических элементов, цикличность различных метеорологических процессов), в том числе и на биологические явления (иловые отложения озер, размножение и миграция рыб, время весеннего прилета птиц, урожайность, заболеваемость и т.д.). Подобные исследования были продолжены В.Б. Шостаковичем и в последующий период.

В.Б. Шостакович впервые обратил внимание на возможные изменения климата под воздействием окружающей среды. Его классическая работа "Лесные пожары в Сибири в 1915 г." не имеет аналогов в научной литературе. Ученый явился и пионером изучения климатических условий существования многолетней мерзлоты на территории Сибири.

Наряду со всеми отмеченными аспектами научной и практической работы, связанной с деятельностью Иркутской обсерватории, следует отметить еще одну сторону занятий, активно выполнявшихся в Иркутске В.Б. Шостаковичем — его преподавательский труд. Преподавание он совмещал с основной службой в обсерватории. В различное время вел физику, ботанику и зоологию в фельдшерской школе и на общедоступных курсах. После возникновения в Иркутске университета он преподавал там. В ту пору, когда еще не существовало специального метеорологического отделения, читал географию и ряд других дисциплин для рабфака и педагогического факультета (Архив Иркутского госуниверситета, ф. 71, оп. 3, д. 705, св. 15, л. 1 об., 9—9 об.). В период непродолжительного существования в Иркутске так называемого Практического политехнического института (1921—1923 гг.) В.Б. Шостакович занимал кафедру метеорологии на лесном отделении (ГАИО, ф. 261, оп. 2, д. 8, св. 1, л. 7—10, ф. 261, оп. 1).

Многолетний интенсивный труд, сложные условия быта и работы в годы колчаковщины и разрухи времен гражданской войны резко ухудшили состояние здоровья В.Б. Шостаковича. Усугубила его внезапная трагическая смерть любимой дочери, студентки медицинс-

кого факультета Иркутского государственного университета. Все это повлияло на решение сменить место жительства. В 1929 г. В.Б. Шостакович вместе с женой перебрался в Ленинград. Здесь и прошел последний период его жизни и деятельности, наименее известный и хуже всего освещенный в сохранившихся источниках.

В настоящий статье мы остановимся лишь на некоторых существенных фрагментах этого последнего этапа биографии ученого. В Ленинграде В.Б. Шостакович, как удалось пока проследить документально, работал до 1934 г. в Государственном гидрологическом институте (ГГИ). К сожалению, в годы войны часть архива этого института погибла, поэтому мы не располагаем всей необходимой информацией о его деятельности в указанные годы. Судя по некоторым данным, В.Б. Шостакович был научным сотрудником гидрофизического отдела института. Сохранилась также выписка из протокола заседания Президиума АН СССР от 14 мая 1932 г., из которой видно, что научный сотрудник ГГИ В.Б. Шостакович утвержден в составе Комиссии по изучению вечной мерзлоты (КИВМ), куда кстати сказать, вошел и А.В. Вознесенский и другие ученые, включая академиков В.А. Обручева и В.И. Вернадского (Архив ГГИ, к-1179 (1934 г.), л. 7; Архив ЛО ВГО, ф. 34, оп. 5, д. 4, л. 26).

Находясь в Ленинграде, В.Б. Шостакович продолжал свою научно-исследовательскую работу, достаточно регулярно публиковал свои труды, в том числе на немецком языке, в Германии (до середины 30-х годов). Публикации эти представляли дальнейшее теоретическое обобщение и развитие начатых им ранее исследований. В частности, в 1931 г. в Германии появился его обширный (свыше 50 страниц) очерк на тему "Периодические колебания в природных явлениях". Особый интерес вызывает изучение В.Б. Шостаковичем реакции метеорологических явлений (давление, температура, осадки) на усиление солнечной активности для обширных географических районов (Азия, Европа, Северная Америка и др.). Работы последнего периода дея-

тельности ученого (конец 20-х – 30-е годы) в ряде случаев привлекали эпизодическое внимание других исследователей, цитировались ими, лестно оценивались, а сам автор был, между прочим, отнесен к числу первых советских гидрометеорологов-гелиофизиков [Эйгенсон, 1963; Чижевский, 1976]. Вместе с тем данные труды не получили до конца всестороннего осмыслиения и характеристики, как и в целом научное наследие этого незаурядного естествоиспытателя, пионера во многих отраслях знания.

Действительно, начиная с ботаники на раннем этапе научной работы, профессор В.Б. Шостакович занимался затем актуальными проблемами геофизики, гидрологии, климатологии, агрометеорологии, синоптики, мерзлотоведения, гляциологии, актинометрии и вопросами влияния солнечной активности на различные природные явления и процессы.

Жизнь В.Б. Шостаковича оборвалась в один из наиболее драматичных моментов Великой Отечественной войны, в блокадном Ленинграде. Суровой зимой 1942 г. (предположительно, в феврале) он вместе с женой погиб от голода. Ветерану советской геофизики шел в ту пору 72-й год...

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Воейков А.И. Отзыв о трудах В.Б.Шостаковича // Отчет Русск. геогр. о-ва за 1910 г. – СПб., 1911. – с. 73–74.

Дорогостайская Е.В. К истории организации постоянной научной станции на оз. Байкал // Изв. ВГО. – 1989. – Т. 121, вып. 3. – С. 249–253.

Зайков Б.Д. Очерки гидрологических исследований в России. – Л.: Гидрометеоиздат, 1973. – 325 с.

Лоция и физико-географический очерк оз. Байкал. Под ред. Ф.К. Дриженко. – СПб, 1908.

Обручев В.А. Рец. ст.: Шостакович В.Б. О температуре рек Восточной Сибири // Ежегодник по геологии и минералогии России. – 1910. – Т. 12, вып. 1–2. – С. 47.

Советов С.А. Рец. ст.: Шостакович В.Б. О температуре рек Восточной Сибири // Метеорологич. вестн. – 1907. – Т. 17. – № 10. – С. 398–400.

Соскин В.Л. Сибирь, революция, наука. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд.-ние, 1989. – 173 с.

Труды первого сибирского метеорологического съезда в г. Иркутске. 20–30 октября 1917 г. – Благовещенск, 1918. – 306 с.

Чижевский А.Л. Земное эхо солнечных бурь. – М.: Мысль, 1976. – 367 с.

Шокальский Ю.М. Рец. ст.: Шостакович В.Б. Вскрытие и замерзание вод Азиатской России // Морской сб. – 1909. – № 10. – С. 27–28.

Шостакович Б.С. Революционер-шестидесятник Болеслав Шостакович в сибирской ссылке // Ссылка и общественно-политическая жизнь в Сибири (XVII – начало XX вв.). – Новосибирск: Наука. Сиб. отд.-ние, 1978. – С. 175–204.

Шостакович Владимир Болеславович // Биографический словарь деятелей естествознания и техники. – М.: Гос. науч. изд-во БСЭ, 1959. – Т.2. – С. 386.

Шостакович Владимир Болеславович // БСЭ. 2-е изд. – М., 1957. – С. 149.

Эйгенсон М.С. Солнце, погода и климат. – Л.: Гидрометеоиздат, 1963. – 274 с.

ОБЗОР ДОСТИЖЕНИЙ В.Ч. ДОРОГОСТАЙСКОГО В ОБЛАСТИ ЭВОЛЮЦИОННОЙ ДИНАМИКИ, ОСНОВАННОЙ НА ЕГО ТРУДАХ ПО ФАУНЕ БАЙКАЛА¹

Герман С. Форест

Перевод с английского сделан Е.В. Дорогостайской в 1968 г.

Настоящее реview основано только на той части публикаций В.Ч. Дорогостайского, которая относится к рассматриваемому вопросу. В них сообщены наблюдения над беспозвоночными животными и рыбами оз. Байкал и окружающего его региона. Назначение этого обзора – расширить и оценить информацию, которую дает нам Е.В. Дорогостайская, подводя итог работам своего отца. Краткое обсуждение оригинальных достижений В.Ч. Дорогостайского было уже опубликовано [Dorogostaiskaya, Forest, 1985].

Тема эта может быть разделена на два различающихся, но связанных между собой предмета. Первый – динамическая биогеография, а второй – адаптивная радиация. Его вкладом в одну только из этих подтем Дорогостайскому было бы справедливо обеспечено прочное место в истории биологического мышления, но в особенности проявилась его удивительная самобытная проницательность в его понимании и реальном подтверждении эволюционного процесса.

БИОГЕОГРАФИЯ

Два подхода к биогеографии можно проследить уже со времен Чарльза Дарвина и Альфреда Уоллеса. Уоллес пытался картировать как можно точнее современ-

¹Указано по: Верещагин Г.Ю. Опыт свода литературы по Байкалу и его побережью // Тр. Комиссии по изучению озера Байкал. – Л.: Изд-во АН СССР, 1927. – Т.2. – С.187–222.

ное нам распространение организмов. Такой подход является статическим, сконцентрированным на одном каком-то промежутке времени, как бы искусно он не был выполнен. Ему нет нужды быть эволюционным. Однако в лучшем варианте он требует сознательного и интенсивного сбора образцов и высшего таксономического искусства. Для того чтобы классификация была удовлетворительной и с географической, и с эволюционной точки зрения, она фактически должна быть эволюционной, хотя бы и бессознательно.

Биогеографическая работа В.Ч. Дорогостайского была детальной, тщательной и образной. Успешное установление им биогеографических провинций и объяснение разнообразия в распространении и экологии обнаруженных им животных в выражениях, смысле недавнего их образования, как систематических единиц было положительно оценено советским геологом как “чисто фаунистический подход” [Львов, 1924]. Дорогостайский подбирал бесконечно большое количество образцов, и его таксономия, основанная на бесчисленных образцах эндемиков, безупречна. При выделении провинций он разумно использовал целые комбинации организмов, не полагаясь на один-два показательных вида.

Дорогостайскому было необходимо также иметь представление о высших таксономических категориях и образцах, распространенных по всему земному шару. Его представление о глобальном распространении животных дало ему возможность правильно отделить широкораспространенные реликты от недавно возникших элементов фауны. Хотя он не прибегал к обобщению открытых им явлений, совершенно очевидно, что он понимал прямую связь между возрастом таксона и площадью, на которой он распространен. Все это должно было быть совершенно независимым рассуждением, поскольку он не имел еще представления о “Возрасте и ареале”, как это было пропагандировано у Дж.С. Уоллеса [Willis, 1922, 1940]. Более того, Дорогостайский пошел дальше Уоллеса в понимании того, что распространение видов является адаптивным. Изложение локально-

го видообразования в Байкале – изумительно современно: подвиды – это захватчики географически или экологически новых местообитаний.

Позднее Н.И. Вавилов [1926] обобщил отношения между различиями в топографии (холмы, ущелья, открытое пространства) и разнообразием биоты по сравнению с более однородными областями (как, например, обширные равнины). Дорогостайский к тому времени уже обосновал подробно влияние на биоту среды обитания, ее разнообразия.

Тогда как Альфред Уоллес являет ранний флористико-фаунистический подход к биогеографии, Чарльзу Дарвину принадлежит начало динамического подхода к ней. Динамическая биогеография не следует за находящимися на поверхности явлениями, но основывается на исторических (биологических, геологических, климатологических), а также на экологических связях. Первое исчерпывающее ее определение было дано Кэйном [Cain, 1944]. Дорогостайский рассмотрел совокупности видов и подвидов беспозвоночных и рыб в их отношениях к историческим явлениям и приспособлению к тому, что мы называем экологическими нишами. Однако адаптивная радиация – это не только лишь географическое распространение. Этот аспект его работы неизбежно расширился до рассуждения о самом образовании новых видов. Он воспринимал Байкал как арену, на которой развертывается процесс эволюции.

АДАПТИВНАЯ РАДИАЦИЯ

Для дальнейших рассуждений нам необходимо рассмотреть сначала два исторических подхода к процессу эволюции. Первый рассматривает популяции как что-то находящееся постоянно на одном и том же месте, но имеющееся во времени. Примером этого служат находящиеся друг над другом слои с постепенно меняющимиися ископаемыми животными, то, как интерпретировали эти изменения в XIX в. Второй подход, филогене-

тический, и он связан с топологией или формой дрёвообразно разветвляющихся структур, у которых формируются все новые ветви, тогда как прежние отмирают со временем. В течение XIX и начала XX вв. подобные структуры были долго неизменными и существовали в небольшом числе, причем их зачисляли обычно в категории высших таксономических порядков по очевидности или по примеру других им подобных. Следовательно, одной из общепринятых предпосылок, которые В.Ч. Дорогостайскому пришлось преодолеть, прежде всего в ходе осмысления, была та, что эволюция является очень медленным процессом. Освободившись от этого предубеждения, он смог увидеть поразительные перемены, произшедшие с таянием ледников. Действительно, как он установил, организмы находились в самом процессе видеообразования.

Адаптивная радиация в ее идеальном виде была названа “взрывной эволюцией”. Быстрая эволюция свойственна лишь низшим таксономическим уровням, соответственно гораздо больше внимания стали уделять видеообразованию с середины XIX в. Вообще-то видеообразование не казалось ни быстрым, ни радиирующим, но ... обнаружен был драматический пример островов и озер, где было очевидным, что видеообразование является недавним и даже современным процессом.

Концепция адаптивной радиации приписывается Х.Ф. Осборну [Osborn, 1910]. Однако его основания были палеонтологическими и он сделал свои выводы на высших таксономических категориях. Ко времени, когда Юлиан С. Хаксли опубликовал свою “Эволюцию Нового Синтеза” [Huxley, 1942], ему удалось установить, что адаптивная радиация не более чем частный пример эволюции: это ее главная форма.

Новые данные по видеообразованию были получены на живых организмах. Некоторые примеры, известные Хаксли, стали теперь классическими. Это работы по африканским озерам на псевдобронхиальных моллюсках [Younge, 1938a, b] и циклидных рыбах [Worthington, 1937, 1940]. Африканские озера, подобные Байкалу

по происхождению, образовались сравнительно недавно (ценозой) и быстро. В обоих местах озера первоначально заселились немногочисленными животными, оставшимися в крошечных резервуарчиках, рассеянных по территории. Дорогостайский же правильно объяснил подобную же смену событий на Байкале 15 годами раньше. Байкальское видеообразование является даже еще более поздним явлением, так как тут дело идет о разрушительном действии плейстоценовых льдов.

Коккерелл² [Cockerell, 1927], посетивший Дорогостайского на Байкале, заметил, что видеообразование на озере Байкал явно сходно с таковым на Гавайских островах. Но Коккерелл не приводил никакой цитаты, а классические гавайские работы практически были опубликованы позднее. Это были работы Гулика [Gulick, 1932] и Мордвилко [Mordvilkо, 1937] по серпоклювым (Drepanididae), происходящим от американского медолюба, а также работа Бекстона [Buxton, 1938] по насекомым Самоа и других океанических островов. Симпсон [Simpson, 1953] также включает в число примеров адаптивной радиации наземных гавайских улиток, но источники информации не указывает.

Работы Лэка [Lack, 1940a, b, 1947] являются наиболее известным примером тщательной документации и умелой интерпретации адаптивной радиации. Лэк оставил честный и ясный комментарий к своим достижениям: “Если я удивлюсь тому, что столь очевидное теперь прошло незамеченным четыре года назад, то можно указать на в высшей степени характерный прецедент, ибо даже Чарльз Дарвин был не в состоянии оценить факты эволюции певчих птиц (на Галапagosских островах) ранее чем через несколько лет после его воз-

²Т.Д.А. Cockerell посетил Байкальскую биологическую станцию НИИ биологии при ИГУ в 1927 г. Вот что пишет об этом профессор В.Н. Яснитский, бывший в этом году заведующим биологической станцией: “Американский профессор Cockerell занимался в окрестностях станции энтомологическими сборами. Станцией были выделены ему из своих сборов некоторые представители байкальской фауны” [Яснитский, Бланков, Гортиков, 1928, с. 10].

вращения с островов" [Lack, 1947]. Сам Дарвин высказал положение, которое, по крайней мере, ретроспективно, можно оценивать как смутное еще осознание адаптивной радиации. Лэк [Lack, 1947] цитирует его: "Единственный всегда будет действовать в согласии с природой тех местностей, которые еще не заняты или не совсем заняты другими поселенцами; и это будет зависеть от бесконечно сложных взаимоотношений между ними. Но как общее правило, чем более разнообразны по строению потомки какого-то одного вида, тем больше мест они захватят и тем более умножится их видоизмененное потомство".

Эти "бесконечно сложные взаимоотношения" смогли быть определены только лишь в XX в. Уорингтон [Worthington, 1937, 1940] провел сравнительные исследования на африканских озерах и нашел, что разнообразие эндемиков на них коррелировало до некоторой степени с разнообразием местообитаний, однако оно было сильнее там, где не имелось мощного избирательного воздействия на организмы (воздействия хищников в его случае).

Огромное разнообразие байкальских гаммарид, олигохет и рыб было известно Хаксли [Huxley, 1942] от Берга [Берг, 1934]. Очевидно, он не знал более ранней работы Берга [Берг, 1925] о происхождении байкальской фауны. В ней Берг положительно отозвался на правильное объяснение Дорогостайским происхождения гаммарид и омуля (*Coregonus migratorius* Pall.) в Байкале. Берг и Дорогостайский были принципиальными сторонниками той точки зрения, что тут характерная фауна не является древней, но появилась недавно.

Оригинальные работы Дорогостайского [Дорогостайский, 1922, 1923] остались неизвестными Западу потому лишь, что доступ к научной литературе на русском языке, особенно изданной в Ленинграде и Москве, во времена Хаксли был очень ограничен. Развивая концепцию адаптивной радиации на Западе, работу Дорогостайского проглядели в своих обзорах многие авторитетные ученые.

Жестокие обстоятельства истории привели к тому, что Дорогостайский, первы́й, кто документировал на живых организмах и понял адаптивную радиацию, не получил того внимания, которое поставило бы его на заслуженное место в истории эволюционного мышления.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Берг Л.С. Происхождение фауны Байкала // Тр. Первого Всерос. гидролог. съезда в Ленинграде, 7–14 мая 1924 г. – Л., 1925. – С. 168–170.

Берг Л.С. О предполагаемых морских элементах в фауне и флоре Байкала // Изв. АН СССР. – 1934. – Т. 4, № 2–3.

Вавилов Н.И. Центры происхождения культурных растений // Тр. по прикл. ботан., генет. и селекции. – Л.: ВИПБиНК, ГИАО, 1926. – Т. 16, вып. 2. – 248 с.

Дорогостайский В.Ч. Материалы для карцинологической фауны озера Байкал // Тр. Комиссии по изуч. оз. Байкал. – 1922. – Т. 1, вып. 2. – С. 105–153.

Дорогостайский В.Ч. Вертикальное и горизонтальное распределение фауны оз. Байкал // Сб. тр. проф. и препод. Ирк. гос. ун-та. – Иркутск, 1923. – Вып. 4. – С. 103–131.

Львов А.В. Из геологического прошлого средней части долины реки Иркута в пределах от Тункинской котловины до Зикузунского хребта // Изв. Вост.-Сиб. отд. Рус. геогр. обв. – Иркутск, 1924. – Т. 46, № 3. – С. 1–102 (с 6 черт. и 1 карт.).

Яснитский В.Н., Бланков Б., Гортиков В.М. Отчет о работах Байкальской биологической станции при Иркутском Биолог.-географическом институте за 1926–1927 гг. (Составлен заведующим станцией В. Н. Яснитским) // Изв. Биол.-геогр. ин-та при Иркут. гос. ун-те. – Иркутск, 1927 (1928). – Т. 3, вып. 3. – С. 10.

Buxton P.A. The formation of species among insects of Samoa and other oceanic islands // Proc. Linn. Soc. – L., 1938. – № 150. – P. 264–267.

Cain S.A. Foundations of Plant Geography. – N.Y.: Harper, 1944.

Cockerell T.D.A. The biology of Lake Baical // Repr. from Science. — 1927. — Vol. 66, № 1719. — P. 552—554.

Dorogostaiskaya E.V., Forest H.S. V. Ch. Dorogostaisky: a pioneer investigator of the flora and fauna of Lake Baikal // J. Great Lakes Res. — 1985. — Vol. 11 (4). — P. 512—519.

Gulick A. Biological peculiarities of oceanic islands // Quart. Rev. Biol., 1932. — Vol. 7. — P. 405—427.

Huxley J.S. Evolution. The modern synthesis. — L.: Allen und Unwinn, 1942.

Lack D. Evolution of the Galapagos finches // Natura. — 1940a. — Vol. 146. — P. 324—327.

Lack D. Habitat selection and speciation in birds // Brit. Birds. — 1940b. — Vol. 34. — P. 80—84.

Lack D. Darwin's finches. — Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1947. — 208 p.

Mordvilko A. Artbildung und Evolution. — 1937. — II Teil: Biol. Gen.

Osborn H.F. The Age Mammals in Europe, Asia and North America. — N. Y.: Macmillan, 1910. — 635 p.

Willis J. C. Age and Area. — Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1922.

Willis J.C. The course of Evolution. — Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1940.

Worthington E.B. On the evolution of fish in the Great Lakes of Africa // Int. Rev. Ges. Hydrol. Hydrogr. — 1937. — Vol. 35. — P. 304—317.

Worthington E.B. Geographical differentiation in fresh waters with special reference to fish. In: Huxley J. S. The New Systematics. — L.: Clarendon Press, 1940. — P. 287—302.

Younge C.M. The pseudobranches of lake Tanganyika // Nature. — 1938a. — Vol. 142. — P. 464—466.

Younge C.M. Evolution of ciliary feeding in the pseudobranchia, etc // J. Mar. Biol. Assoc. U. K. — 1938b. — Vol. 22. — P. 455—468.

Н.И.ВИТКОВСКИЙ

B.B. Свинин

Большая часть жизни Николая Ивановича (Николая) Витковского связана с Восточной Сибирью. За участие в польском восстании 1863 г. он был сослан сюда на каторжные работы. До этого Витковский учился только в школе органистов. На каторге он сблизился с ссылочными учеными-поляками и почувствовал влечение к науке, путь к которой оказался для него трудным и долгим. После каторжных работ ему пришлось отбывать ссылку на поселении сначала в с. Олонки, затем в д. Мальта, где он работал у местных крестьян. Наконец, Витковскому удалось перебраться в Иркутск и при содействии известного ученого-геолога И.Д. Черского (тоже участника польского восстания) устроиться на "письменную работу" в Восточно-Сибирский отдел Русского географического общества (ВСОРОГО). В Восточно-Сибирском отделе РГО в эти годы активно работали участники польского восстания Дыбовский, Чекановский, Шостакович, горячие патриоты Сибири Потапин и Ядринцев, народовольцы Клеменц и Овчинников. Витковский оказался в благоприятной и доброжелательной научной среде, где была возможность быстрого формирования его как ученого.

В ВСОРОГО Николай Иванович вступил в самое тяжелое для отдела время. 24 июня 1879 г. произошел печально знаменитый иркутский пожар, истребивший почти весь город. Погибли библиотека, насчитывающая 10 227 книг, а также музей отдела, имевший 22 330 экспонатов. После пожара Витковский как член отдела и

консерватор музея отдавал всю свою энергию на восстановление утраченного. Под его руководством было возведено новое каменное здание музея, построенное по проекту архитектора Розена в мавританском стиле (сейчас в нем располагается исторический отдел областного краеведческого музея). Открывшийся музей быстро пополнялся экспонатами. Вся их научная обработка, регистрация в инвентарной книге и размещение в экспозиции легли на плечи единственного сотрудника — консерватора музея Н.И. Витковского. Оценить результаты этой деятельности можно по состоянию в последующее время музея ВСОРГО, получившего вскоре известность важнейшего научного центра Сибири.

Н.И. Витковский оставил глубокий след в науке как один из первых ученых-археологов, самостоятельно овладевший современной методикой полевого исследования и блестяще применивший ее при раскопках Китайского неолитического могильника — первого для того времени бесспорного памятника новокаменного века на территории всей России. Открытие неолитической культуры с богатым нефритовым инвентарем сразу же получило широкую известность, об этом было доложено на Пятом Археологическом съезде в Тифлисе (Тбилиси) в 1881 г. Значительная часть уникальной коллекции Н.И. Витковского была позднее передана в Национальный музей США. Кроме того, он впервые в 1887 г. обнаружил древний могильник в Глазковском предместье Иркутска (ныне Свердловский район), представлявший переходный период от неолита к бронзовому веку Прибайкалья. Им же в 1882 г. совершена археологическая разведка долины Ангары от Иркутска до устья Тасеевой, давшая богатый материал. Его статья “Следы каменного века в долине р. Ангары” (1889 г.), написанная по итогам разведки, была удостоена золотой медали Русского географического общества.

Научные отчеты Витковского, опубликованные в основном в “Известиях ВСОРГО”, характеризуют его как вдумчивого и серьезного ученого, сумевшего не только описать добытый раскопками материал, но и исполь-

зовать его как исторический источник для изучения материальной и духовной жизни первобытных племен Прибайкалья.

Археологические занятия Витковского не были уходом его от насущных проблем жизни в мертвую тишину древностей. Они стали его новым полем борьбы против узаконенного царизмом невежества.

Интересна его работа, посвященная байкальской нерпе.

Тяжелые материальные условия жизни, остававшиеся и после поступления Н.И. Витковского на работу в музей ВСОРГО, привели к гибели этого замечательного человека. Он умер 24 сентября 1892 г. На трагическую смерть Николая Ивановича отклинулись многие его друзья и соратники. С теплыми чувствами и симпатией о нем позднее вспоминал и Бенедикт Дыбовский [Dybowski, 1928].

Археологическое наследие Н.И. Витковского продолжает активно изучаться многими поколениями ученых. Ценнейшими являются антропологические материалы из раскопанных им памятников. Они позволили определить древнейший расовый тип неолитического населения Прибайкалья, его связи с современными этносами Сибири и Нового Света. По некоторым черепам из Китайского могильника замечательный ученый антрополог М.М. Герасимов выполнил ряд скульптурных и графических портретов древних аборигенов нашего края.

ОСНОВНЫЕ ТРУДЫ Н.И. ВИТКОВСКОГО

Витковский Н.И. Краткий отчет о раскопке могилы каменного периода в Иркутской губернии // Изв. ВСОРГО. — 1880. — Т. 11, № 3—4. — С. 1—11.

Витковский Н.И. Отчет о раскопке могил каменного века в Иркутской губернии на левом берегу р. Ангары // Изв. ВСОРГО. — 1882. — Т. 13, № 1—2. — С. 1—36.

Витковский Н.И. О некоторых находках каменного периода в Восточной Сибири // Древности, изд. Моск. археол. о-вом. — 1885. — Т. 10.

Витковский Н.И. Следы каменного века в долине р. Ангары // Изв. ВСОРГО. — 1889. — Т. 20, № 1. — С. 1—42; № 2. — С. 1—31.

Витковский Н.И. Заметки по вопросу о байкальской нерпе // Изв. ВСОРГО. — 1890. — Т. 21, № 3. — С. 23—48.

Витковский Н.И. Просверленные камни // Изв. ВСОРГО. — 1890. — Т. 21, № 4. — С. 31—35.

Witkoffski N.I. Om en Grafhög Aran stenalder i guvernementet Irkutsk // Ymer. — 1882. — H. 7. — S. 201—205.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ О Н.И. ВИТКОВСКОМ

Витковский Н.И. // Сиб. сов. энциклопедия. — Новосибирск, 1929. — Т. 1. — С. 491, с портр.

Герасимов М.М. Восстановление лица по черепу: (современный и ископаемый человек). — М., 1955. — С. 415—450. — (ТИЭ. Нов. сер.; Т. 28).

Георгиевская Г.М. Китайская культура Прибайкалья. — Новосибирск, 1989. — С. 7—8, 19—29, 141—142.

М. З[агоскин]. Н.И. Витковский: (Некролог) // Вост. обозрение. — 1892. — № 41. — С. 11.

Ивановский А.Н. Н.И. Витковский // Археологические известия и заметки, изд. Моск. археол. о-вом. — М., 1893. — Т. 1. — С. 41—48.

Овчинников М.П. Н.И. Витковский // Сиб. арх. — 1911. — № 1. — С. 1—11.

Окладников А.П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья: Ист.-археол. исслед. — М.; Л., 1950. — Ч. 1, 2. — С. 31—34.

Свинин В.В. Николай Иванович Витковский // Календарь знаменательных и памятных дат на 1969 г. по Иркутской обл. — Иркутск, 1968. — С. 64—66.

Щеглов И.В. Аборигены Иркутской губернии по раскопкам Н.И. Витковского // Сибирь. — 1882. — № 18, 19.

Языков Д.Д. Обзор жизни и трудов русских писателей: Вып. 12 // Сб. Отд.-ния рус. яз. и словесности АН. — Т. 89, № 8.

Dybowski B. Wspomnienie biograficzne o archeologu i powstaniu polskim Mikolajem Witkowskim // Światowit. — Warszawa, 1928. — Т. 12. — С. 11—16.

ВАЖНЕЙШИЕ ДАТЫ В ЖИЗНИ БЕНЕДИКТА ИВАНОВИЧА ДЫБОВСКОГО

[по: Винкевич, 1961; БСЭ, 1972]

30/IV.1833 г.

1847—1853 гг.

1853—1857 гг.

1856 г.

1857—1858 гг.

Март—апрель 1858 г. — участвовал в экспедиции на Адриатическом море.

1858—1860 гг. — учеба в Берлинском университете.

18/I.1860 г. — получил степень доктора медицины и хирургии за диссертацию “Рассуждение о партеногенезе”.

8/V.1861 г. — участвовал в патриотической демонстрации в гор. Вильнюс.

1862 г. — подтвердил диплом доктора зоологических наук за диссертацию “О карповых рыбах Лифляндии”.

1862—1864 гг. — стал профессором в Варшавской Главной Школе Принимал активное участие в подготовке и

1862 г.

Февраль 1864 г.

10/VIII 1864 г.

1864–1877 гг.

1864–1868 гг.

1868–1872 гг.

1870 г.

1872–1875 гг.

1876–1877 гг.

1877–1878 гг.

1877 г.*

1878 г.*

1879–1882 гг.

С 1879 г.*

1883–1930 гг.

1883–1906 гг.

1883–1906 гг.*

1884 г.*

1906 г.

участвовал в польском восстании 1863 г.

- стал профессором кафедры зоологии Варшавского университета.

- арестован.

- отправлен на каторгу в Сибирь.

- пребывание в Сибири.

- проживание в с. Сиваково, Дарасун.

- жил в Култуке на Байкале.

- получил золотую медаль Русского географического общества за физико-географические и зоогеографические исследования на Байкале и в его окрестностях.

- путешествие по Забайкалью, рр. Амуру и Уссури до Японского моря.

- возвращение в Култук на Байкале. Изучение рек и озер, относящихся к бассейну Байкала.

- выезд из Иркутска в Петербург и Варшаву.

- возвращение вновь в Польшу.

- приезд в Россию.

- работа на Камчатке и Командорских островах.

- работа врачом в Петропавловске-Камчатском.

- проживание во Львове.

- стал профессором Львовского университета.

- заведование кафедрой зоологии во Львовском университете.

- стал членом Польской Академии наук.

- уход на пенсию.

1914–1916 гг.

31/1 1930 г.

- проживание в имении Нянков, Новогрудский район.

- смерть во Львове.

ПРИМЕЧАНИЕ

*Данные приведены по БСЭ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Винкевич Г.А. Б.И. Дыбовский (основные этапы жизни и деятельности). — Иркутск, 1961. — 59 с.

Большая Советская Энциклопедия. — М., 1972. — Т. 8. — С. 1660.

Ботинцев Константин Константинович (1915–1991) – доктор географических наук. Работал в Физико-химическом НИИ при Иркутском государственном университете; с 1956 г. — на Байкальской лимнологической станции, ставшей Лимнологическим институтом СО РАН.

Область научных интересов — гидрохимия: гидрохимический режим Байкала; процессы круговорота веществ в озерах, химический баланс, охрана вод. Опубликовано более 100 работ, в том числе несколько монографий.

Верболов Владимир Ильич (1923–1997) — кандидат географических наук, известный отечественной и международной общественности исследователь гидрологии и гидрофизики Байкала. В течение многих лет был научным лидером и организатором изучения динамики (течения, внутренние волны, горизонтальный водообмен), термических процессов в Байкале. Результаты опубликованы более чем в 120 статьях и ряде монографий.

Галазий Григорий Иванович — доктор биологических наук, академик РАН, депутат Государственной Думы РФ, байкаловед, известный защитник Байкала, участник международных проектов по охране окружающей среды. Основные научные работы посвящены геоботанике, флористике, лимнологии, экологии. Опубликовано более 400 научных работ. Руководитель рабочей группы по разработке проекта федерального закона “Об охране оз. Байкал”, принятого Государственной Думой 2 апреля 1999 г.

Ербаева Энгельсина Александровна — кандидат биологических наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательского института биологии при Иркутском государственном университете. Область научных интересов — систематика хирономид, экология донных беспозвоночных. Имеет 180 публикаций, в том числе ряд монографий.

Кожова Ольга Михайловна — доктор биологических наук, профессор, директор Научно-исследовательского института биологии при Иркутском государственном университете. Область научных интересов — функционирование крупнейших водоемов Азии — Байкала, Хубсугула, других озер, ангарских водохранилищ; изучение биоценотических взаимоотношений и производственных возможностей их экосистем и влияние на них антропогенных факторов; охрана и рациональное использование природных ресурсов. Автор 890 научных работ, охватывающих широкий круг вопросов экологии и гидробиологии, в том числе 14 монографий, 2 учебных пособия.

Мазепова Галина Федотовна — доктор биологических наук, старший научный сотрудник Лимнологического института СО РАН. Область научных интересов — гидробиология, карцинология: системаика и биология циклопов и ракушковых раков Байкала, происхождение байкальской фауны. Опубликовано около 80 работ, в том числе ряд монографий.

Пешкова Вера Константиновна — заведующая библиографическим отделом Зональной научной библиотеки Иркутского государственного университета.

Русинек Ольга Тимофеевна — кандидат биологических наук, старший научный сотрудник лаборатории биологии водных беспозвоночных Лимнологического института СО РАН. Область научных интересов — паразиты рыб и водных беспозвоночных: морфология, систематика, экология, жизненные циклы, геносистематика. Опубликовано 30 научных работ, из них три монографии.

Свинин Владимир Вячеславович — кандидат исторических наук, заведующий музеем Иркутского государственного университета.

Ситникова Татьяна Яковлевна — кандидат биологических наук, старший научный сотрудник лаборатории биологии водных беспозвоночных Лимнологического института СО РАН. Область научных интересов — байкальские брюхоногие моллюски и полихеты: морфология, таксономия, экология, происхождение и видообразование. Имеет более 30 научных работ.

Скрябин Николай Георгиевич — кандидат биологических наук Национального исследовательского института биологии при Иркутском государственном университете. Область научных интересов — орнитофауна оз. Байкал: экология водно-болотных экосистем; влияние на них антропогенных факторов. Имеет более 100 научных публикаций, среди них три монографии.

Слугина Зоя Васильевна — кандидат биологических наук, старший научный сотрудник лаборатории водных беспозвоночных Лимнологического института СО РАН. Занимается изучением систематики, морфологии и экологии двустворчатых моллюсков. Имеет 25 научных публикаций.

Тимошенко Татьяна Михайловна — кандидат биологических наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательского института биологии при Иркутском государственном университете. Область научных интересов — паразиты беспозвоночных, рыб и птиц водоморов Байкальского региона. Автор более 90 научных работ.

Форест Герман С., профессор Нью-Йоркского университета, колледж в Джинисео, НИ 14454, США.

Фурман Михаил Шлемович — кандидат географических наук, почетный работник Гидрометслужбы России. Основное направление исследований — гидрометеорология. Автор более 100 научных работ, в том числе одной монографии.

Шободоев Евгений Борисович — заведующий отделом информации, публикации и научного использования документов Государственного архива Иркутской области.

Шостакович Болеслав Сергеевич — доктор исторических наук, профессор Иркутского государственного университета. Область научных интересов — история международных отношений, история зарубежных славянских стран, российско-польские связи. Автор около 80 научных работ.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
I. БЕНЕДИКТ ДЫБОВСКИЙ И СОВРЕМЕННОЕ БАЙКАЛОВЕДЕНИЕ	
<i>О.М. Кожова, Б.С. Шостакович.</i> Бенедикт Дыбовский — ученый, патриот, гуманист	8
<i>К.К. Вотинцев, Г.Ф. Мазепова.</i> Бенедикт Дыбовский — основатель лимнологии. Его вклад в изучение байкальской фауны	15
<i>В.И. Верболюдов.</i> Гидрология Байкала от Бенедикта Дыбовского до наших дней	24
<i>О.М. Кожова, Э.А. Ербаева.</i> Распространение байкальских эндемичных донных беспозвоночных вне Байкала	43
<i>Т.Я. Ситникова, З.В. Слугина.</i> Моллюски Байкала	63
<i>Т.М. Тимошенко, О.Т. Русинек.</i> Жизненный цикл чаечного лентеца в условиях озера Байкал	74
<i>Н.Г. Скрябин.</i> Птицы Байкала	81
II. МАТЕРИАЛЫ И ДОКУМЕНТЫ БЕНЕДИКТА ДЫБОВСКОГО И ЕГО КОЛЛЕГ	
<i>Б.С. Шостакович.</i> Гуманитарный аспект научного мировоззрения Бенедикта Дыбовского и его отражение в сибирском наследии ученого	89
<i>Бенедикт Дыбовский.</i> Дневник доктора Бенедикта Дыбовского, начатый с 1862 года до 1878 года	103
<i>Бенедикт Дыбовский.</i> Посмертные воспоминания о Викторе Годлевском	169
<i>Ю. Талько-Грынцевич.</i> Бенедикт Дыбовский (1833–1930)	173
<i>Б.С. Шостакович.</i> Фрагменты неопубликованной эпистолярной и мемуарно-очерковой “сибирики” Бенедикта Дыбовского	202

<i>Е.Б. Шободоев. Документы официальной переписки Главного Управления Восточной Сибири о научно-исследовательской деятельности Бенедикта (Бенедикта) Дыбовского</i>	222
<i>Библиографический список работ Б.И. Дыбовского и литературы о нем</i>	238

III. ПОЛЯКИ И ИХ ПОТОМКИ – ИССЛЕДОВАТЕЛИ СИБИРИ

<i>Г.И. Галазий. Вклад польских ученых в исследования Сибири и Байкала</i>	249
<i>М.Ш. Фурман, Б.С. Шостакович. В.Б. Шостакович – исследователь Восточно-Сибирского края</i>	263
<i>Герман С. Форест. Обзор достижений В.Ч. Дорогостайского в области эволюционной динамики, основанной на его трудах по фауне Байкала</i>	275
<i>В.В. Свинин. Н.И. Витковский</i>	283
<i>Важнейшие даты в жизни Бенедикта Ивановича Дыбовского</i>	286
<i>Сведения об авторах</i>	290

Научное издание

Бенедикт
Дыбовский

Редактор Т.А. Никитина

Художник Н.Б. Быковская

Оператор электронной верстки Е.Н. Зимина

Изд. лиц. № 020297 от 23.06.97. Подписано в печать 15.12.00. Бумага типографская. Формат 84108 1/32. Офсетная печать. Усл. печ. л. 10. Уч.-изд. л. 13. Тираж 200 экз. Заказ № 378

Редакционная подготовка:

«Наука». Сиб. издат. фирма РАН 630099 Новосибирск, ул. Советская, 18.

Изготовление оригинал-макета:

Издательство Сибирского отделения РАН.
630090 Новосибирск, Морской проспект, 2.

Филиал «Гео». 630090 Новосибирск, проспект Академика В.А. Коптюга, 3.
Отпечатано в СП «Наука». 630077 Новосибирск, ул. Станиславского, 25.